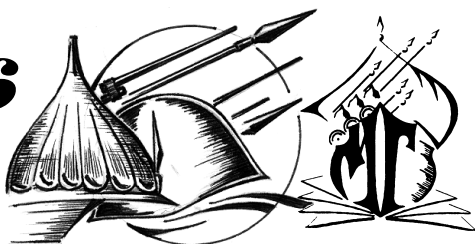

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2024

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий ГАБРУСЕНКО. Десять сталинских ударов	3
Сергей ЛЕБЕДЕВ. К 85-летию Победы над Финляндией ..	73
Владимир БОЛЬШАКОВ. Одержимые войной и ненавистью	117
Георгий СИДОРОВ. О ключевых факторах дестабилизации российской государственности	168
Олег КАССИН. Лазер, скальпель и... розги	177

ПРОЗА

Михаил СМИРНОВ. Рассказы	17
Сергей БОГАЧЁВ. Марьянка. Рассказ	93
Юрий МАНАКОВ. Хитрован Тунгус. Рассказ	126
Наталья БАРАНОВА. Рассказы	140

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Долгий крик. Стихи	66
Иван ЩЁЛОКОВ. Русское время. Стихи	104
Александр ЛИСНЯК. Горсть песка. Стихи	111
Виктор КАРПУШИН. Провинция. Стихи	159
Борис ОРЛОВ. Мой город. Стихи	164

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Валерий ХАТЮШИН. Странности биографии,
или Тайна жизни Пушкина 184

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Где тусуются враги России 190

РУССКИЙ ВОПРОС

Андрей СОШЕНКО. Не слышат и не видят... 211

ЭКСПЕРТЫ

Ростислав ИЩЕНКО. Без веры, без цели, без надежды 217

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Некомплиментарный народ 227

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Эмма МЕНЬШИКОВА. Расколотый надвое 235

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

Мария МОНОМЕНОВА. Третий Храм
против Третьего Рима 246

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Геннадий БЕЛОВОЛОВ. Символический расстрел 255

Павел ДМИТРИЕВ. Договариваться на Украине
не с кем 259

Андрей СОШЕНКО. Для кого они свои? 263

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. Продолжение 265

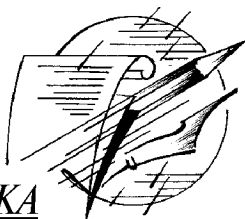
ИСКУССТВО

Руслан СЕМЯШКИН. Людмила ЗЫКИНА 274

ДЕСЯТЬ СТАЛИНСКИХ УДАРОВ

«Десять ударов» — это десять стратегических наступательных операций Красной Армии в 1944 году. Такое название дал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин в докладе 6 ноября 1944 г. к 27-й годовщине Октября. Число, конечно, условное, скорее, для «круглого счёта», поскольку операции по масштабам и по стратегическому значению были разными, порой не сопоставимыми. Ну а прилагательное «сталинские» добавили уже газетчики. Прежде чем вспоминать о них, вспомним, что им предшествовало.

1941 год. Тяжёлые поражения, отступления, окружения и пленения сотен тысяч наших солдат. Одной из причин было коварное нарушение Гитлером Договора о ненападении, но причиной далеко не главной. У нас были хорошие пушки и танки, неплохие самолёты, но у гитлеровцев их было больше, и они лучше умели их использовать. У Гитлера армия была оснащена автомобилями, бронетранспортёрами и средствами радиосвязи. У нас этого было очень мало. Потому у наших войск была слабая манёвренность и часто нарушаемое управление. У немцев были намного лучше подготовлены

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

штабисты и фортификаторы, мы же многие свои опытные кадры потеряли ещё к началу 1930-х гг., новому поколению офицеров учиться было не у кого, и ему пришлось учиться уже в ходе войны. В вермахте офицеры и солдаты были великолепно обучены не только для наступательных, но и для оборонительных боёв и даже для отступления (организованного отхода на заранее подготовленные позиции). У нас в Полевом уставе 1939 г. об отходе и, тем более, о боях в окружении не было ни слова. Изменения внесли только в конце 1942 г. Не на высоком уровне была и наша военная разведка. В отличие от немцев, мы плохо координировали действия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Войскам часто ставили непосильные задачи, которые лишь приводили к напрасным жертвам. То есть мы были технически и профессионально слабее и со столь сильным врагом воевать на равных ещё не могли. И хотя Красная Армия героически сражалась за каждую пядь своей земли, потери были огромными. И вдруг — разгром немцев под Москвой, крах «блицкрига». Это был первый победный урок, но его было ещё недостаточно.

1942 год. Начался он с «головокружения от успехов». Победа под Москвой привела Верховное Главнокомандование в состояние эйфории, и оно посчитало врага настолько ослабленным, что решило не только наступать по всему фронту, но и до конца года очистить от врага всю захваченную им территорию (правда, весной эти фантастические планы несколько ограничили). В таком же состоянии оказались и многие командующие фронтами, что, в итоге, привело к провальной Керченско-Феодосийской операции, к катастрофе под Харьковом и отступлению Красной Армии до Волги и Кавказа. То есть хорошо воевать мы ещё так и не научились. Но, к счастью, «пружина» немецкого наступления сжалась до отказа, а потом начала распрямляться. В ноябре 1942 г. под Сталинградом были окружены, а к февралю 1943 г. частью уничтожены, частью взяты в плен 6-я полевая армия и шесть дивизий 4-й танковой армии вермахта общей численностью 330 тыс. чел. Кроме того, были разгромлены силы, спешившие на выручку окружённым. Сталинградская битва решила судьбу не только нашей страны, но и всего человечества. Это был второй победный урок, но и его оказалось мало.

1943 год. Прорыв блокады Ленинграда, создание сухопутной «Дороги Победы» для ленинградцев. Капитуляция немецких войск под Сталинградом, освобождение Северного Кавказа, первое завоевание господства в воздухе над Кубанью. Блестящие Острогожско-Россошанская и Воронежс-

ко-Касторненская операции с освобождением Воронежской области и взятием в плен 86 тыс. вражеских солдат и офицеров. Взятие Белгорода, Харькова, Ростова, а потом осечка — окружение, большие потери, сдача этих городов и отход на 100—150 км. Потом — разгром врага на Курской дуге, освобождение Донбасса, части Новороссии и Левобережной Украины. Произошёл перелом не только в Великой Отечественной, но и во Второй мировой войне. Это был третий победный урок, после которого Красная Армия получила, наконец, «аттестат зрелости» и с тех пор гнала врага на запад с короткими остановками для подтягивания тылов и перегруппировки сил.

Наступил 1944 год. Советская военная промышленность продолжала наращивать свою мощь. В 1-м полугодии она произвела 16 тыс. самолётов, около 14 тыс. средних и тяжёлых танков и самоходных орудий, 26 тыс. орудий калибра 76 мм и выше. Наивысшего уровня производства к июлю достигла и германская промышленность, выпустившая за полгода 17 тыс. самолётов, 9 тыс. средних и тяжёлых танков и САУ, 21 тыс. орудий калибра 75 мм и выше, дала стали в 3, а угля в 5 раз больше, чем советская промышленность.

В Красную Армию стало поступать новейшее оружие, ни в чём не уступавшее лучшим мировым образцам: истребители Ла-7 и Як-3, бомбардировщики Ту-2, штурмовики Ил-10, тяжёлые танки ИС-2, артиллерийские установки ИСУ-152 и мн. др. Оживились поставки США и Англии по Ленд-Лизу. Красная Армия была обеспечена всем необходимым, снарядный и патронный «голод» был забыт.

Главное же, советские офицеры и генералы достигли вершин боевого искусства, а высшее командование — вершин стратегического планирования и управления войсками. Все операции планировались на основе глубокого анализа разведывательных данных, подготовка их велась скрытно, блестяще проводилась дезинформация противника, на направлениях главных ударов создавалось большое превосходство в живой силе и технике, грамотно координировались действия разных родов войск, в соответствии с меняющейся обстановкой проводилась быстрая и продуманная перегруппировка сил и т.д.

А что у немцев? *«Высшим руководящим кадрам немецких войск после разгрома под Сталинградом и особенно на Курской дуге в связи с потерей стратегической инициативы пришлось иметь дело с новыми факторами и методами оперативно-стратегического руководства войсками, к чему они не были подготовлены. Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, оперативное*

командование не сумело перестроиться», — писал маршал Г. Жуков. Писал он это о генералах, но немецкие солдаты и офицеры сохраняли высокий боевой дух, продолжали драться упорно и умело и побеждать их, как и раньше, было непросто — тем более ценны наши победы.

6 июня союзные войска высадились в Нормандии — открылся долгожданный Второй фронт, который, конечно, снял часть нагрузки с Красной Армии. Но — небольшую часть. На Западном фронте воевало около 50 немецких дивизий, на Восточном (Советско-германском) — свыше 200. С июня по ноябрь 1944 г. на Западном фронте безвозвратные потери фашистов (убитые, смертельно раненные и попавшие в плен) составили 392 тыс. чел., а на Восточном — 2326 тыс. чел. Причём если на Западном фронте пленные составляли 86% потерь (7 из 8-ми), то на Восточном — всего 39% (3 из 8-ми), то есть на Восточном фронте враг сопротивлялся намного упорнее, чем на Западном. Эти цифры — показатель нагрузки на Красную Армию и армии союзников в последний год войны.

А теперь о самих Сталинских ударах.

1 удар. Ленинградско-Новгородская операция (14 января — 1 марта 1944 г.).

Ленинградский фронт (Л. Говоров) при поддержке Балтийского флота (В. Трибуц) наступал с севера — от Ленинграда; Волховский (К. Мерецков) и 2-й Прибалтийский (М. Попов) фронты — с востока. 900 тысячам советских солдат и офицеров противостояли 760 тыс. войск немецкой группы армий «Север» (Г. Кюхлер, затем В. Модель).

Бои шли в тяжёлых условиях. За два с половиной года немцы сумели создать мощные, хорошо оснащённые в инженерном отношении оборонительные сооружения, условия местности — множество водных преград и незамёрзшие болота — затрудняли массированное применение танков, а частая непогода ограничивала действия авиации.

В результате победоносного наступления наши войска вышли к берегам Нарвы, Чудского и Псковского озёр, линия фронта отодвинулась на 220 км к западу от Ленинграда и на 320 км к югу. Была полностью снята блокада Ленинграда с юга (частично снятая в январе 1943 г., когда была пробита «Дорога Победы»), освобождены вся Ленинградская область и западная часть Калининской, железнодорожная магистраль Москва—Ленинград, города Новгород, Старая Русса, Гатчина, Гдов и десятки других, нанесены тяжёлые поражения 18-й и 16-й армиям группы армий «Север», уничтожены 3, разгромлены 26 дивизий противника.

К северу от Ленинграда, на Советско-финской линии фронта, боевых действий не было, если не считать несколько «показательных» бомбёжек пустынных окраин Хельсинки, которые возымели своё действие. Уже в марте финны сделали зондаж: как заключить мир с СССР с наименьшими потерями? Советские условия — восстановление границы 1940 г., интернирование немецкой армии и выплата репараций — их не устроили, и они решили из войны не выходить. В обмен на сохранение верности Германия даже выделила финнам тяжёлое вооружение.

2 удар. Днепровско-Карпатская операция (24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.)

Операцию на южном фланге Советско-Германского фронта против групп армий «Юг» (Э. Манштейн) и «А» (Э. Клейст) проводили войска четырёх Украинских фронтов: 1-го (Н. Ватутин, после его ранения Г. Жуков), 2-го (И. Конев), 3-го (Р. Малиновский), 4-го (Ф. Толбухин). Координировали их действия маршалы Г. Жуков и А. Василевский. С обеих сторон в сражениях участвовало около 4 млн. чел.

В рамках этой стратегической операции было проведено десять частных, самой знаменитой из которых является Корсунь-Шевченковская. В ходе неё была окружена немецкая группировка численностью около 80 тыс. чел. Хотя часть войск противника сумела вырваться из «котла» и «второго Сталинграда» не получилось, было разгромлено два корпуса, взято в плен более 18 тыс. чел., а немцами была брошена почти вся военная техника.

В начале апреля войсками 3-го Украинского фронта при содействии Черноморского флота (Ф. Октябрьский) была проведена Одесская наступательная операция, в результате которой были полностью освобождены Николаевская и Одесская области и значительная часть Молдавии, нанесено тяжёлое поражение 6-й немецкой и 3-й румынской армиям, создан плацдарм для дальнейшего продвижения в направлении Румынии, Болгарии и Югославии. Часто её относят к Третьему удару (Крымской операции), но с ним она не связана ни временем, ни местом действия, ни задействованными силами.

В результате Второго удара были полностью уничтожены 10 дивизий противника, советские войска на фронте шириной 1300 км продвинулись на 250—450 км, освободили всю Новороссию, почти всю Правобережную Украину и вышли на территорию Румынии. Внешнеполитическим последствием стало расширение трещины между Румынией и Германией (возникшей ещё после Сталинграда, где румыны понесли особенно тяжёлые потери).

Операция показала также, что Советский Союз в состоянии разбить Германию в одиночку, и союзники (США и Англия) могут не успеть к «перделу Европы». Это их сильно обеспокоило и подтолкнуло к открытию Второго фронта.

3 удар. Крымская операция (8 апреля — 12 мая 1944 г.).

Ещё в конце 1943 г. в Крыму была заперта 17-я армия группы армий «А» противника. Учитывая важнейшее стратегическое положение Крыма, Гитлер разрешения на её эвакуацию морем или на прорыв к основным соединениям не давал. У наших войск до Крыма «руки не доходили», пока они не вышли к устью Днестра и не отбросили основные войска противника далеко от Крыма.

Операция была проведена силами 4-го Украинского фронта (Ф. Толбухин), наступавшего с севера, от Перекопа и оз. Сиваш, и Отдельной Приморской армией (с 18.04 армия передана в состав фронта), наступавшей с Керченского полуострова, во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией (С. Горшков). Общая численность советских войск составляла около 470 тыс. чел., войск противника — свыше 195 тыс. чел. Превосходство Красной Армии также было в танках, орудиях и самолётах.

Уже 13 апреля были взяты Феодосия, Симферополь и Евпатория, 14 апреля — Судак, 15 апреля — Алушта, но Севастополь взять с ходу не удалось — противник не только восстановил старые советские укрепления, но и построил новые. После тщательной подготовки к штурму Севастополь был взят 9 мая, остатки вражеских войск отошли к Херсонесу, но 12 мая и они были уничтожены. Севастополь был взят менее чем за месяц, немцам в 1941—42 гг. на это потребовалось 250 дней.

Результатом операции стал полный разгром 17-й армии вермахта, взятие в плен более 65 тыс. солдат и офицеров. Лишь некоторую часть своих войск противник сумел эвакуировать морем и по воздуху. По силам, задействованным в этой операции, и по размерам освобождённой территории она намного уступает Днепровско-Карпатской, но её стратегическое значение не менее важное: освобождён Крым с главной военно-морской базой Севастополем и получен полный контроль над Чёрным морем. После завершения операции 4-й Украинский фронт был расформирован, а его командующий Ф. Толбухин назначен командующим 3-м Украинским фронтом.

4. Выборгско-Петрозаводская операция (10 июня — 9 августа 1944 г.).

Операция явилась полной неожиданностью как для немецкого, так и для финского командования. Проходила она

в два этапа. 1-й этап («Выборгская операция») — на Карельском перешейке, где было сосредоточено 40% войск противника, был блестяще выполнен Ленинградским фронтом (Л. Говоров), при содействии Балтийского флота (В. Трибуц) и Ладожской флотилии (В. Чероков). Всего за 11 дней войска преодолели все укрепления Линии Маннергейма (на что в 1939—1940 г. потребовалось три с половиной месяца), 20 июня вышли к границе 1940 г., освободили Карельский перешеек, г. Выборг и север Ленинградской области и отбросили финнов на 110 км.

Второй этап («Свирско-Петрозаводская операция») на Ладожско-Онежском перешейке в Южной Карелии начался 21 июня после того, как финны перебросили отсюда часть своих войск на Карельский перешеек. Операцию проводил Карельский фронт (К. Мерецков) совместно с Ладожской и Онежской (Н. Антонов) флотилиями. Условия местности — бездорожье, обилие лесов, рек и озёр — не позволяли использовать большие пехотные и танковые соединения, затрудняли манёвр, поэтому продвижение шло медленно. Однако к 9 августа войска фронта вышли к границе 1940 г., продвинувшись на запад на 200—250 км. Были освобождены Петрозаводск с большей частью Карелии, возвращены Кировская железная дорога (прямой путь к Мурманску) и Беломорско-Балтийский канал, Балтийский флот получил полную свободу действий в восточной части Финского залива, а силы Ленинградского фронта были высвобождены для будущих наступательных действий в Прибалтике. Дальнейшее наступление было остановлено — финны «дозрели» и тратить на них силы смысла не было.

7 сентября в Москву прибыло финское посольство во главе с премьер-министром, которое продержали неделю в «прихожей», а потом ему выставили условия: выплатить в течение 8 лет контрибуцию 300 млн. долл., передать части Карелии и вернуть полярную область Петсамо-Печенги на Кольском полуострове (что лишало Финляндию выхода к Баренцеву морю), передать полуостров Порккала (рядом с Хельсинки) под строительство советской военно-морской базы (потом «пацифист» Хрущёв вернул его), разоружить немецкие войска и т.д. От этих требований у премьер-министра случился инсульт, но «потеря бойца» на результат не повлияла. 19 сентября в Хельсинки перемирие было подписано. Одним врагом стало меньше.

5 удар. Белорусская операция, кодовое название «Багратион» (23 июня — 29 августа).

По масштабам она равновелика Днепровско-Карпатской операции, а по глубине стратегического замысла, тщатель-

ности подготовки и по безукоризненности воплощения является самой выдающейся наступательной операцией 1944 года. Она по праву входит в «золотой фонд» побед русского оружия, а немецкие военные историки считают её самой большой катастрофой за всю военную историю Германии и одной из крупнейших операций за всю историю человечества.

Немцы не ожидали этого удара. По всем имеющимся у них разведывательным данным они считали, что Красная Армия летом нанесёт главный удар на юге, и стягивали туда технику и наиболее мощные соединения. переброска советских войск к «белорусскому балкону» была произведена столь скрытно, что немцы её не заметили, а тому, что заметили, значения не придали. Зато они заметили интенсивные «оборонительные» работы в полосе будущего наступления и успокоились окончательно.

Четырём советским фронтам — 1-му (К. Рокоссовский), 2-му (Г. Захаров), 3-му (И. Черняховский) Белорусским и 1-му Прибалтийскому (И. Баграмян) противостояли группа армий «Центр» (Э. Буш, потом В. Модель), правое крыло группы армий «Север» (Г. Линдеман, потом И. Фриснер, потом Ф. Шёрнер) и левое крыло группы армий «Северная Украина» (В. Модель, потом Й. Харле). Действия советских фронтов координировали и направляли маршалы Г. Жуков и А. Василевский. Всего с обеих сторон было задействовано около 3 млн. чел. Кроме того огромную помощь нашим войскам оказывали партизаны, действовавшие согласованно по заданиям командования.

О ходе операции, об окружении и уничтожении вражеских войск в Витебске, Могилёве, Бобруйске, под Полоцком, Минском, Брестом и т.д. написано много книг, статей и мемуаров. Отметим лишь, что только за один месяц у немцев погибли 8 генералов и 23 попали в плен. Такого в немецкой военной истории действительно никогда не было. А наши войска линию фронта шириной 1100 км продвинули на запад на 600 км, освободили всю Белоруссию, большую часть Литвы, часть Восточной Польши и вышли к Висле.

Здесь произошла драматическая история, спровоцированная Англией. Эмигрантское правительство Польши, находившееся в Лондоне и во всём слушавшееся англичан, решило улучшить момент, когда советские войска ещё не вошли в Варшаву, а немецкие уже начали оставлять её, и 1 августа подняло восстание с целью создать прозападное правительство. Но рассчитали плохо. У немцев сил ещё было достаточно, они разгромили восставших и дотла разрушили Варшаву. Наши оказывали помощь, сбрасывая оружие и боепри-

пасы восставшим, но Вислу не форсировали — за почти полтора месяца непрерывных боёв войска выдохлись и жертвовать ещё десятками тысяч русских солдат ради поддержки авантюристов не стали. Однако поляки со свойственной им наглостью продолжают предъявлять нам на этот счёт претензии.

6 удар. Львовско-Сандомирская операция (13 июля — 29 августа 1944 г.).

Началась она в разгар Белорусской операции, когда часть своих войск из группы армий «Северная Украина» немцы перебросили для укрепления группы армий «Центр». Однако и после переброски у противника здесь оставалось более 900 тыс. чел. личного состава. Впервые за войну задача разгрома целой группы армий была поставлена одному фронту — 1-му Украинскому (И. Конев), который был дополнительно усилен пехотными, танковыми и воздушными армиями и насчитывал в своём составе 1200 тыс. солдат и офицеров.

План операции, разработанный командованием фронта и с небольшими изменениями утверждённый Ставкой, был осуществлён блестяще. На возникающие трудности командование реагировало оперативно и умело, применяя самые разнообразные формы манёвра, нигде не допуская даже попыток окружения наших войск.

В результате боевых действий советские войска продвинулись на запад на глубину до 500 км, захватили плацдарм на левом (западном) берегу Вислы в районе Сандомира (Польша), освободили Львов, разгромили 32 дивизии, включая украинскую фашистскую дивизию СС «Галичина», полностью уничтожили 8 дивизий, т.е. фактически разгромили всю группу армий «Северная Украина». Восточный фронт немцев оказался рассечённым — связь между северным и южным участками они могли осуществлять теперь только кружным путём, через Венгрию и Чехословакию.

В связи с тем, что левый фланг фронта продвигался к Карпатским горам, где требовалась особая подготовка и особые методы управления войсками, 5 августа из двух левофланговых армий 1-го Украинского с добавлением воздушной армии был воссоздан 4-й Украинский фронт (И. Петров). Фронт вёл успешные наступательные действия, продвинулся на запад почти на 200 км, но в предгорьях Карпат встретил упорное сопротивление и 18 августа по приказу Ставки перешёл к обороне.

7 удар. Яско-Кишинёвская (20 августа — 29 августа) **и Румынская** (30 августа — 3 октября 1944 г.) **операции.**

Операция проводилась на самом южном участке Советско-германского фронта силами 2-го (Р. Малиновский) и 3-го

(Ф. Толбухин) Украинских фронтов общей численностью 900 тыс. чел. против группы армий «Южная Украина» (Й. Фриснер), имевшей в своём составе 2 немецкие и 2 румынские армии общей численностью 643 тыс. чел. Известно, что «прямые потомки римлян», как называют себя румыны, были никудышными воинами (хотя как оккупанты они проявили не меньше жестокости, чем эсэсовцы), однако и в составе советских фронтов оказалось более трети новобранцев с Западной Украины, которые высоким боевым духом тоже не отличались.

Противник, хотя и был ослаблен (незадолго до начала операции 12 его дивизий были переброшены для усиления групп армий «Центр» и «Северная Украина»), к нашему наступлению хорошо подготовился, построил надёжные укрепления, но главный удар ждал со стороны Кишинёва — совсем не там, где это произошло. «Вина» в этом — командования 3-го Украинского, ложным сосредоточением войск введшего противника в заблуждение. Удары были нанесены с двух сторон: с северо-востока от Кишинёва — 2-м, а с юго-востока — 3-м Украинским фронтом. Через два дня клещи сомкнулись и началось истребление.

В итоге безвозвратные потери противника составили 135 тыс. чел. (в 10 раз больше, чем у нас), а кроме того — 208 тыс. пленных, половина орудий и минометов, почти половина танков и самолётов. Основные силы группы армий «Южная Украина» были разгромлены. Ещё не была завершена операция, как в самой Румынии 23 августа произошёл переворот: прогерманское правительство было свергнуто, румынский король «переобулся в воздухе» и объявил войну Германии. Ещё одним врагом стало меньше. Да к тому же Гитлер лишился румынской нефти, а нашим войскам был открыт путь на Балканы и к Венгрии. Сама же операция, как образец искусного выбора направления главных ударов, стремительного наступления, окружения и ликвидации огромной группировки противника, получила у военных историков почётное название «Яско-Кишинёвские Канны».

30 августа, на следующий день после завершения Яско-Кишинёвской операции, 3-му Украинскому фронту было приказано занять румынско-болгарскую границу и готовиться к боевым операциям против гитлеровского союзника — Болгарии, а 2-му Украинскому фронту — наступать на север, к другому германскому союзнику — Венгрии, куда отошли оставшиеся 6 немецких дивизий группы «Южная Украина», и где сосредоточились 16 венгерских дивизий. К концу сентября Румыния была почти полностью очищена, но в Венг-

рии противник сумел вновь собрать силы и создать крепкие рубежи обороны. На этом Румынская операция была закончена, а 2-й Украинский фронт стал готовиться к боевым действиям на территории Венгрии. В этой операции противник потерял свыше 100 тыс. убитыми и свыше 18 тыс. пленными. Наши безвозвратные потери составили 8,4 тыс. человек.

8 удар. Прибалтийская операция (14 сентября — 24 ноября 1944 г.)

После Ленинградско-Новгородской операции (1-й удар) и в ходе Белорусской операции (5-й удар) наши войска далеко продвинулись в сторону Прибалтики, освободили восточную часть Латвии и почти половину Литвы. Задачей Прибалтийской операции был разгром группы армий «Север» (Ф. Шёрнер) и полное освобождение прибалтийских республик. С нашей стороны в операции участвовали часть сил 3-го Белорусского (И. Черняховский), 1-й (И. Баграмян), 2-й (А. Ерёменко) и 3-й (И. Масленников) Прибалтийские фронты и Ленинградский фронт (Л. Говоров). Основной удар наносился на южном фланге, где действовали три первых фронта. Впервые в практике Великой Отечественной войны для общего руководства ими был назначен главнокомандующий — маршал А. Василевский. (Работе контрразведки «Смерш» в тылу 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов накануне операции посвящён гениальный роман В. Богомолова «Момент истины».)

Начало операции было успешным: освобождена материковая часть Эстонии, войска подошли на 80 км к Риге, однако попытки прорваться к Балтийскому морю в этом месте не удались — враг сосредоточил здесь наиболее мощные соединения и создал прочную систему обороны, ни обойти, ни охватить которую без больших потерь было невозможно. Тогда главнокомандование сумело быстро перегруппировать силы и перенацелить главный удар с Риги на Мемель (Клайпеду), где противник его не ожидал.

В этом месте наши войска пробили к Балтийскому морю коридор шириной до 50 км, отсекали группу армий «Север» от основных немецких сил и надёжно заперли её на Курляндском полуострове Латвии «Курляндский котёл»), где и продержали до конца войны, пресекая попытки эвакуироваться в Германию морем. В этой исключительно тяжёлой и кровопролитной операции наши безвозвратные потери составили 61,6 тыс. чел., потери немцев более 200 тыс. чел., в том числе 33,5 тыс. пленных, не считая 250 тысяч, запертых в Курляндии. Операция в целом была завершена к 30 октября, т.е. до доклада Сталина 6 ноября, оставалось только освободить

небольшой полуостров на о. Эзель (Сааремаа).

9 удар. Восточно-Карпатская (8 сентября — 28 октября) и **Белградская** (28 сентября — 20 октября 1944 г.) **операции**

29 августа в Словакии началось восстание против профашистского правительства. 30 августа на нашу сторону перелетел зам. командира словацкого корпуса и заявил, что в случае наступления советских войск две словацкие дивизии начнут встречное наступление. Хотя Ставка и понимала, что преодоление Восточных Карпат сопряжено с большими трудностями и военной необходимости в этом не было, пошла навстречу восставшим и отдала приказ начать (фактически без подготовки) операцию фланговыми армиями 1-го (И. Конев) и 4-го (И. Петров) Украинских фронтов.

Бои в горных условиях, при двукратном превосходстве немецких танковых сил, носили исключительно тяжёлый характер и были прекращены, поскольку словаки так и не задействовали две обещанные дивизии, а само восстание вскоре было подавлено. Наши потери оказались больше немецких — редкий случай в 1944 г. Первоначальная задача — соединиться с восставшими — решена не была, но результаты оказались всё равно немалыми: были освобождены самые западные области Украины (в т.ч. Закарпатская Украина), часть Восточной Словакии и захвачены стратегически важные горные перевалы в Карпатах, открывшие путь на запад, к Чехословакии.

После Яско-Кишинёвской операции (7-й удар) войска 3-го Украинского (Ф. Толбухин), самого южного нашего фронта двинулись на территорию Болгарии. Вскоре там произошло вооружённое восстание, прогерманский царь с правительством были свергнуты, новое правительство объявило Германии войну и направило свои войска, поступившие в оперативное подчинение Толбухина, на стык границ Болгарии, Греции и Югославии, а силы 3-го Украинского фронта были сосредоточены на границе Болгарии и Югославии. В операции по освобождению Югославии также участвовали войска левого фланга 2-го Украинского фронта (Р. Малиновский) и Народно-освободительная армия Югославии (И. Тито). В период проведения операции немецкая армейская группа «Сербия» прикрывала отход группы армий «Ф» из Греции в Венгрию.

Белградская операция завершилась менее чем за месяц. Была разгромлена группа «Сербия», освобождена большая часть Сербии вместе со столицей Белградом, уничтожены мосты и железнодорожные узлы на путях отхода немцев, в результате чего им пришлось отходить горными районами и

становиться лёгкой добычей югославских партизан. Подавляющая часть войск группы армий «Ф» до Венгрии так и не дошла. В этих боях безвозвратные потери советских войск составили 4,5 тыс. чел., немецких — 45 тысяч.

Почти одновременно с Белградской 8 октября началась и Дебреценская наступательная операция войск 2-го Украинского фронта, которую Сталин в число 10 ударов не включил, но которая имела важное стратегическое значение. Наши войска за 23 дня освободили северную часть Трансильвании (Румыния), захватили юго-восточную часть Венгрии с г. Дебрецен, продвинулись на 130—275 км и почти вдвое сократили линию фронта.

10 удар. Петсамо-Киркенесская операция ((7 октября — 29 октября 1944 г.)

По своему военно-стратегическому значению это была очень важная наступательная операция, хотя по протяжённости линии фронта и по количеству задействованных войск — самая маленькая. С советской стороны в ней участвовали 14-я общевойсковая и 7-я воздушная армии Карельского фронта (К. Мерецков), моряки, летчики и десантники Северного флота (А. Головкин), с немецкой — 20-я горная армия (Л. Рендулич), военно-морской и воздушный флоты, базировавшиеся в Норвегии.

За 4 года немцы создали в Заполярье мощнейшую систему обороны глубиной до 150, длиной до 100 км — «гранитный» вал. Долговременные огневые точки — пулемётные гнёзда и артиллерийские позиции были вырублены в скалах и представляли недостижимые цели даже для тяжёлых снарядов и авиабомб. Тем большей славы заслуживают наши солдаты и моряки, за три недели преодолевшие эти преграды, понеся притом потерь меньше, чем противник: 6 тысяч погибших против 8—22 тысяч (по разным оценкам), не считая войск СС.

Итогом операции было изгнание немцев из Северной Норвегии, где они представляли угрозу нашим морским конвоям, захват огромного количества немецкой военной техники и возвращение из состава Финляндии в состав России области Петсамо (Печенга) со стратегически важными для Германии месторождениями никеля и металлургическим комбинатом (о чём было записано ещё в соглашении о перемирии с Финляндией по итогам 4-го удара).

Впереди был 1945 год с тяжёлыми и кровопролитными наступательными операциями в Восточной Пруссии, Польше, Венгрии и при взятии Берлина. Враг, подойдя к стенам своего дома, сражался с необыкновенным упорством. Сражались

и военные, и гражданское население (фольксштурм). Но дело было не только в «родных стенах». Англичанам и американцам немцы сопротивлялись слабо, часто даже «открывали двери» перед ними. Дело было ещё и в геббельсовской пропаганде, рисовавшей русских зверьём, которое, придя в Германию, будет живьём сдирать кожу с женщин и детей. Эта пропаганда породила у немцев страх, ненависть и — то самое «мужество отчаяния».

Глядя на пройденные военные годы с высоты 1944 года, можно сказать, что мы часто терпели поражения или несли неоправданно большие потери потому, что переоценивали свои силы и недооценивали силы противника. Немцы таких ошибок делали меньше, но зато, какие это были ошибки! 1941 год — разгром под Москвой, 1942 год — разгром под Сталинградом, 1943 год — разгром на Курской дуге. Ну, а самая роковая ошибка была совершена 22 июня 1941 года, когда они недооценили силу духа русского народа. Эта ошибка и привела их к 9 мая 1945 года!

РАССКАЗЫ

И ШЛА ВОЙНА

Шла война, а Назар Иванов добирался до родной Васильевки. Наконец ранним апрельским утром, когда солнце едва показалось над горизонтом, он вернулся из госпиталя, где его вчистую списали после тяжелого ранения. До родимой сторонушки поездом ехал. Всё сидел, опираясь на суковатую палку, которую еще в госпитале перед выпиской выстругал, чтобы от бездомных собак отбиваться, да и дорогу чуть перед собой, чтобы не споткнуться.

Он плохо помнил, что произошло. В атаку поднялись. Рядом фронтовой дружок бежал. А Назар чуть приотстал, доставая патроны. Отовсюду кислый запах пороха, тянуло гарью и сырой землей. Доносились крики, стрельба, снаряды рвутся. А наши солдаты, словно не замечали этого. Назар кинулся догонять дружка, который уже приближался к немецким окопам. Он помнил, что кричал громко и протяжно, но крика не слышал. И тут перед ним взметнулась земля. Пламя полыхнуло, опалия его. И он не закричал, а завыл от этой боли, а потом куда-то полетел. И наступила тьма...

ПРОЗА

Очнулся в госпитале. Хотел открыть глаза и не получилось. Снова полыхнул огонь перед глазами и боль, которую невозможно было терпеть. Назар не закричал, а замычал, хватаясь за забинтованную голову. Хотел было сорвать повязки, чтобы взглянуть по сторонам, но его придержали.

— Потерпи, милоч, потерпи, — донесся чей-то голос. — Ты в госпитале лежишь. Радуйся, что живой остался, а не полетел журавушкой во родные места, не закурлыкал над хатой. И не заплачут родные над казенной бумажкой, что лег во сырую землю. Живым вернешься — это главное, а глаза...

И санитарка замолчала. Донесся стон, и она поспешила к раненому. Стала его успокаивать, а потом принялась кликать врача.

Заметался Назар, застонал от боли. И снова услышал голос санитарки. А следом появился врач. Назар чуял, что его ощупывают, о чем-то говорят, но слов не разобрать. И снова ласковый голос санитарки. Так началась его госпитальная жизнь...

Он стоял на обочине и прислушивался к звукам. Левая сторона лица обожжена. Вместо глаза вмятина. Про волосы и говорить нечего. Клочками росли возле уродливого уха. Огнем зацепило и второй глаз. Бельмом затянуло половину. А врач говорил: повезло, что немного еще видишь. А другие вообще слепыми возвращаются. И живут. И ты будешь жить. Главное — привыкнуть...

Назар взвыл, когда узнал, что лишился зрения. Пусть не полностью, но чуток осталось, как говорил врач. Да лучше бы его осколками посекло, чем без глаз остаться. А врач продолжал твердить, что ему повезло, а глянь на других, рук-ног нет, а они радуются, что в живых остались, что дома ждут не дождутся, когда они приедут. Ну и пусть, что без рук и ног, главное, что живые. И ты должен радоваться, что живым вернешься, а не журавушкой отправишься во родную сторону.

Донесся голос петуха. Назар закрутил головой. Неужто не съели? Петух снова заорал, но ответа не дождался и умолк. Со стороны полей окрики грачей. Наверное, ходят по влажной земле, теребят каждую травинку. Он прищурился, пытаясь рассмотреть грачей, да куда там — под носом еле видит. И матюгнулся коротко и зло...

Назар всё стоял, не решаясь сделать первый шаг. В Васильевке осталась мать. Отца и брата убили на фронте. С братом рядышком воевали, а свидеться не пришлось. Журавушками домой отправились, как говорила старая санитарка. И будут кружить над округой, печально курлыкая. И заноет душа, заплачет...

Он прислушался. Почудился журавлиный крик с небес. Задрал голову, пытаясь рассмотреть журавлей в небе, и не удержался, зло матюгнулся. Все не мог и не хотел привыкать, что потерял зрение. Осколками посеколо и огнем опалило. Рука плохо сгибается, не все осколки выташили — с этим можно жить, а без глаз...

Назар чертыхнулся. Ладно, жениться не успел. Была у него невеста да сплыла. Со школы дружили. Планы строили. Он уехал в город. И тут слух прошел, что его невеста, Валька Мохина с другим загуляла. Нет, дураку, съездить и разобраться, а он с другой заявился в деревню и сказал, что это его невеста. А после учебы они сыграют свадьбу. И Валька поднялась на дыбы. Женись, если собрался, а про меня забудь. И как отрубил. Кинулся было Назар, да поздно. Хотел сделать назло ей, но получилось, что сделал хуже себе. И он уехал. А потом письмо прислали, что в конце октября у Вальки свадьба. Не сдержался Назар, кинулся в деревню. Через речку Ветвянку поплыл, чтобы путь срезать. Едва выбрался на берег. Но опоздал. Издалека услышал, что свадьбу играют. Хотел прямо из-за стола увести Вальку, но мать встала на пути. Не позорь девку. Поздно. Сам виноват. Он видел Валькин взгляд. Казалось, сейчас кинется к нему, и всё у них будет по-прежнему. Но Валька с горечью качнула головой: мол, опоздал ты, и повернулась к жениху за столом. И Назар понял, что это конец всем мечтам. Конец их любви. И Назар ушел, чтобы никогда сюда не возвращаться. И каждый день корил себя, что он натворил. Не Валентину винил, а себя, но уже поздно было что-то исправлять. А потом началась война, и он ушел на фронт...

А сейчас радовался, наверное, что не женился. Калека не нужен никому, тем более Вальке. Она была красивой, а он стал уродом. И как бы они жили? Как бы она легла с ним в постель? Он бы до последнего своего часа корил бы себя за это. Да и любая баба не захотела бы с таким жить. Ну и хорошо, что не женился. Лучше остаться одному, чем портить жизнь другой. А мысли всё равно про Валентину..

Гавкнула собака. Назар тут же намахнулся сучковатой палкой, словно хотел ударить. И собака испугалась. Взвизгнула и кинулась прочь.

— Эй, прохожий, пошто животину пугаешь? — за спиной раздался скрипучий голос. — Она службу исполняет, а ты за палку хватаешься. Шагай, куда шагаешь, а собаку не тронь.

— Да я уже пришел, — буркнул Назар. — Стою и не решаюсь идти.

— Погодь-погодь... — старик всматривался в него. — Случаем, не Назарка Иванов вернулся? Точно, он, ёшкин малахай! О, как тебя покалечило! Ну, ничего, дома поправишься.

А Назар стоял и не мог вспомнить, кто с ним говорит. По голосу не узнавал, а лицо не разобрать — мутное пятно, и всё на этом.

— Я не на гулянке был, — захихикал он. — Взрывом покалечило. Не могу вспомнить тебя, старик. Это после контузии. Да и глаза не смотрят — выжгло. Да лучше бы вообще убило, чем так жить и других мучить.

— Дурень, что городишь! — замахал руками старик. — В журавушку успеешь превратиться. И так ваш батька и твой брат легли во сырую землю, чтобы журавлями взмыть в синь небесную, а ты болтаешь незнамо что. Ваша мамка с утра и до ночи боженьку просила, чтобы тебя, последыша, живым увидеть. Пусть покалеченный, но живой. Приходят куда хуже тебя — без рук и ног, и они радуются жизни, а бабы да детишки — тем более. А ты — эох...

Старик махнул рукой, кликнул собаку и потихонечку зашагал в сторону речки Ветвянки...

Васильевка большая. Она была раскидана по холмам, словно неведомый великан взял и раскидал избы. Туда десяток, а там с пяток, а в том месте целая пригоршня. И стоят избы среди березок, одни крыши виднеются.

Назар потоптался, покрутил головой, а потом зашагал в сторону дома, опираясь на суковатую палку. Он не захотел идти по деревне, а отправился вдоль речки, куда спускались огороды. И чуть было не промахнулся. Остановился. Прищурился, всматриваясь в окрестности. Чертыхнулся. Развернулся и по меже стал подниматься к дому, возле которого стояла большая береза. К майским праздникам береза покрывалась светло-зелеными листочками. Смотришь на них, а они словно просвечивают. А под березой стояла скамейка — это еще отец поставил. Его уже нет, а скамья стоит.

Осторожно прошел по двору. В некоторых местах, куда не попадало солнце, лежал грязный ноздреватый снег. Он прислушался. Тишина. Ан нет, в доме что-то звякнуло. Значит, мать дома. Назар медленно поднялся по ступеням. Дыхание перехватило. Родной дом. Он скрипнул половицей и не удержался, распахнул дверь. И встал на пороге, прислонившись к косяку. Мать...

— Мам, я вернулся, — тощий вещмешок упал на пол, и он шагнул к ней. — Мать, я отвоевался.

Он стащил шапку, и мать охнула, увидев его обезображенное лицо, кинулась, повисла на нём и запричитала.

— Ну что ты, мам, — неуклюже затоптался Назар. — Я живой — это главное, как сказал старик с собакой, а имени его не помню. Живой, а остальное — это ерунда!

— Сынок, Назарушка, — мать продолжала плакать. — Я уж не чаяла, что увижу тебя. И батя твой, и старший сынок журавушками вернулись, а потом от тебя перестали письма приходить. Я уж думала, что и ты во сырую землю лег, а потом сообщили, в госпитале лежишь.

Мать всё говорила и говорила, а сама осторожно трогала его обожженное лицо и отводила взгляд от пустой глазницы. А потом всплеснула руками и закружилась по кухне.

— Ты же с дороги, сынок, — она хваталась то за одно, то за другое и не знала, что делать. — Назарушка, умойся с дороги. А баньку вечером истопим. И гостей нужно позвать. Сын с фронта вернулся!

Назар прошел в горницу. Постоял, осматривая ее. Потом стащил с себя гимнастерку. На теле шрамы от осколков. Особенно руке досталось. Плохо гнется. Врач сказал, какой-то нерв перебит. Но не беда, жить можно.

Назар умылся. Долго фыркал под рукомойником. Потом взял чистую утирку. Докрасна растерся. Вытащил из вещмешка чистую гимнастерку. Надел. И уселся за стол, где мать уже поставила нехитрую снедь.

Едва он поднял стакан, где был мутный самогон, в дверь стукнули, и на пороге появился старый Илья — сосед, который недавно тоже вернулся с фронта.

— Здоров был, солдат! — сказал он, прошел к столу и положил небольшой сверток. — Это моя Наталья передала гостинчик. Я издали заприметил Назарку. Кликнул бабку, чтобы гостинчик спроворила. И подался к вам. Ну, рассказывай, солдат, как воевал. Вижу, награды блестят. Значит, не опозорил своих родителей. А что касается ранений — это не беда. Я едва живой вернулся с фронта. Думал, помру, но моя бабка выходила. На ноги меня поставила. И тебя поставим. Не мы первые, кого матери и жены выхаживают, и не последние. Мои еще воюют. Федька под Курском сгорел в танке, а младший пропал без вести... — Он помолчал, потом сказал. — Наливай, Марья. За встречу выпьем, да потом за наших, кто в журавушек превратился.

Выпили.

Следом еще по одной. И старый Илья засобирался.

— Всё, пора и честь знать, — сказал он. — Корми сына, Марья. Потом к нам зайти. Наташа всякой травки ласт. Отваром будешь лечить.

И ушел, притворив дверь.

До вечера покоя не было от гостей. И каждый норовил спросить, а не встречал ли наших мужиков. Да как встре-

тишь, фронт вон какой большой. И говорил каждому, что рядом с братом был, а свидеться не пришлось.

— Даже поговорить не удалось, — сказала мать, когда ушли последние гости. — Так и будут тянуться друг за дружкой, пока вся деревня не перебивает в гостях. Но всех можно понять. В деревне мужиков не осталось. Одни старики да калеки, а еще бабы с детьми. Вот вся наша гвардия. Ты ложись, сынок. Дома всяко спится лучше...

Назар скинул одежду и завалился на топчан, прикрывшись старым тулупом.

...«Ах, ты, паскуда! — заорал он и, размахнувшись, воткнул штык в фашиста, когда они залетели во вражеские окопы, а навстречу ему выскочил немец и всё пытался передернуть затвор у автомата, и не получалось. И он заверещал, когда Назар с размаха воткнул штык, выдернул и снова воткнул. — Сучье вымя!»

Развернулся. Ткнул еще одного. Неподалеку разорвалась граната. Следом протархтела долгая очередь. Назар увидел, как упали наши солдаты, сраженные очередями. Снова взорвалась граната, и еще двое наших упали. Назар крутнулся. Бой шел в стороне. И рядом из наших никого. На него с бруствера свалился фашист и принялся душить его. В глазах потемнело. Нечем стало дышать. Он закрутился, стараясь вырваться, и всё искал нож, хлопая по голенищу сапога. А ножа не было. И воздуха не было. И Назар рванулся из последних сил и закричал протяжно, взывая к помощи. Рванулся в сторону и грохнулся. Закрутился, пытаясь нащупать врага, вывернулся из чьих-то рук, намахнулся, чтобы ударить, и тут услышал голос матери. Замотал головой, пытаясь открыть глаза, а вместо этого всего лишь мутное пятно. И плач матери...

— Сынок, ты же дома, — плакала мать, прижимая его к себе. — Говорили мне, а теперь сама убедилась, что так и будешь ночами воевать.

— До последнего часа своего будет сниться война, — растирая лицо, сказал Назар, уселся на топчан и вздохнул. — Снится, что воюю, а бывает, дружки погибшие приходят. Стоят и смотрят на меня, словно говорят, почему не помог, а теперь будут они жить мертвые рядом с живыми, станут курлыкать в сини небесной, словно напоминая о себе. Постоят рядом со мной, а потом уходят, чтобы в следующий раз снова вернуться...

И мать заплакала, проклиная эту страшную войну.

Таким оказалось возвращение Назара в родную деревню.

Первые дни никуда не выходил. В избе сидел, посматривая в мутное оконце. И редкие разговоры с матерью. Или

выходил на крыльцо и сидел, кутаясь в ватник. Конец апреля. Вроде бы на солнышке тепло, а в тени еще снег лежит. Дороги раскиселило. Ни пройти, ни проехать. Но наступал вечер и тянулись гости к ним. И каждый приносил гостинчик. Пусть немного, но несли и обижались, если он отказывался: мол, самим есть нечего, а вы несёте. «Мы же от души приносим, и отказываться — грех». И совали свертки и узелки матери. Но Назар всегда был рад табачку. На себе испытал, как туго без него. Курить хотелось, аж уши опухали. И радовался, когда солдаты делились куревом. И сейчас не отказывался, если приносили табачок.

А ночами хоть не ложись. Едва задремлет, и снова перед ним встают дружки, погибшие в боях. Стоят и смотрят на него. А то батя и старший брат приходили. И было видно, радовались они, что Назар живым вернулся. А бывало, разговаривал с ними. Всё жаловался, что в живых остался, а лучше бы лечь во сыру землю, чтобы журавушкой взмыть в синь небесную, но отец хмурился и говорил, что придет еще твое время, а пока не торопись в небеса. Живи, как другие живут, а мы будем приходить, чтобы о нас не забывал. И они словно в тумане исчезали. В такие дни Назар бывал задумчивым и хмурым. Без того мало говорил, а тут вообще замыкался. Выйдет на крыльцо и садит одну самокрутку за другой, посматривая на деревню. Как вернулся, еще ни разу никуда не выходил. Только новости слушал, что гости приносили вечерами. А бывало, дед Евсей, что жил напротив, подходил, если видел, что Назар появился во дворе. Усядется рядом и начнет о чем-нибудь рассказывать. Всех в деревне переберет, обо всех скажет. А потом притихнет. Назар покосится, а дедок сидит, засыпыхивает, пригревшись на солнце...

Но однажды Назар не удержался. Сколько ни сиди, а привыкать к жизни нужно. Надумал на речку Ветвянку сходить. Пока на фронте был, ночами снилось, как рыбу с мальчишками ловил. А вернулся — и ни разу не был. Набросил ватник на плечи, взял палку, чтобы собак отгонять, хотя осталось их всего ничего в деревне. Открыл калитку и зашагал вдоль заборов. Потом свернул в проулок и по меже подался к речке, что заросла по берегам тальником.

Хоть зрения осталось всего ничего, но всё равно чувствовал молодую травку, запахи листвы и нераспустившихся почек, а особенно чуял запахи воды и влажной земли. Земля — это особый запах. Еще со времен фронта, когда наступали фашисты, а им был дан приказ, чтобы ни шагу назад. И они стояли, отбивая атаку за атакой, а фашисты надвигались лавиной, которой, как казалось, конца и края не видно, а их

оставалось всего ничего, но они стояли насмерть, потому что стояли за свою землю, за отцов и матерей, за жен и малых детей — за свою Родину-мать. Всё меньше и меньше оставалось наших бойцов, и всё чаще с небес доносились тоскливые крики журавлей, что кружились над полем боя, а потом уносились в родные места и курлыкали протяжно и печально.. И тут Назар увидел, как на него несется немецкий танк. Едва он успел лечь на дно окопа, как над головой загрохотали гусеницы. И закрутился танк, стараясь похоронить Назара в его окопе. Сравнял с землей и двинулся дальше. Но зашевелилась земля. Медленно появился Назар из заваленного окопа, держа в руках бутылку с зажигательной смесью. Откинулся на спину, чиркнул, не услышал, а почувал шипение, и словно в замедленном действии, бросил. Видел, как бутылка разбилась о моторный отсек, и взметнулось пламя. А дальше наступила тьма...

С той поры вдоволь нанюхался земли, пока выбирался из заваленного окопа. И нанюхался, и наелся, выкарабкиваясь наружу. Видел, как полыхнул танк, и потерял сознание. Потом сказали, что повезло ему, что вылез, а то бы могилкой мог бы стать окоп...

Ощупывая дорожку суковатой палкой, Назар добрался до берега Ветвянки. Хотел было спуститься с обрыва, но побоялся — высоко и круто. Навернешься и обратно не выберешься. Так и будешь куковать, пока тебя не вытащат.

Он осторожно подошел поближе к краю и присел на траву. Провел рукой по ней. Молоденькая. Сорвал травинку, растер в руках. Понюхал. У, какой запах!

Назар достал кисет. Скрутил сигарку и задымил, прислушиваясь к бормотанью переката, а сам все слушал, как в кустах заливались соловушки. Пахло речной водой и тиной. Вроде на солнце тепло, а потянет ветерок и сразу зазнобит.

Донеслись голоса ребятишек, которые торопились вдоль берега. Останавливались. Слышно было, как бросали камни в воду, наблюдая за кругами на поверхности, а потом бежали дальше. И притихли, заметив Назара на краю обрыва. Зашептались. Осторожно прошли мимо него, а потом приступили по берегу.

Следом еще легкие шаги.

— Здравствуй, Назар! — и Назар произвольно сдвинул шапку на обгоревшую сторону лица. — С возвращением, солдат! Не прикрывай шрамы. Они получены в бою. Гордись ими. И не прячься от людей. Мне говорили, что ты вернулся, а забежать времени не найти. В нашу Васильевку детдом перевели. Там работаю вместе с Марийкой, женой Ефима. Едва

справляемся с сорванцами. Так и норвят на фронт сбежать. Вот и сейчас перехватила на дороге.

— Это они сейчас пробежали? — запнулся он. — Слышал голоса.

Не поворачиваясь, он махнул рукой.

— Да, наши сорванцы, — сказала она и вздохнула. — А ты моего Леонтия не встречал? Может, сталкивались...

И снова тихий вздох.

— Нет, Варь, не виделись, — он понял, что возле него осталась Варвара Шаргунова. — Там столько народу, что рядом пройдешь и не заметишь. Со старшим братом рядом были, и ни разу не повстречались. Вернется твой Леонтий, никуда не денется. Главное — верь!

— Да я верю, — снова вздохнула она. — Как ушел на войну, до сих пор ни одной весточки не получила. Но я верю, что он вернется. А ты, Назар, не сторонись людей. Они всё понимают...

Сказала и заторопилась вслед за своими сорванцами.

А Назар остался сидеть на берегу Ветвянки.

Он прислушался. Показалось, с небес доносится курлыкание журавушек. Он вздохнул. Вот еще солдатские души возвращаются в родные края. И будут кружить над домами, и станут курлыкать, словно говоря, что это мы вернулись — ваши отцы и сыновья, а люди не понимали, о чем они говорят. И закурлыкают печально журавушки, закружатся над домами. А потом умчатся в синь небесную, но всякий раз будут возвращаться, о себе напоминая...

Назар долго сидел на берегу. Слушал картавый перекат, шелканье соловьев, редкий раз пролетали курлыкушки, и тогда он надолго застывал, прислушиваясь. Со стороны деревни гавканье собак, два или три петуха подавали голоса, но самое редкое — это мычание коровы.

Скрип-шлеп, топ-топ-топ — это шли Ерохины. Всегда вместе, всегда вдвоем. Мать рассказывала, что у дядьки Ерохина все остались на войне. А мальчонку подобрал в госпитале, как две капли воды похож на младшего, на Алешку. И даже имя такое же у мальчика. Пусть живут. И ему радость, и мальцу семья...

— С возвращением, Назар, — за спиной раздался голос дядьки Николая. — Как живешь, солдат? Все воюешь ночами? — он вздохнул. — Я тоже воюю. Наверное, все мы, кто был там, ночами возвращается на войну, чтобы встретиться с ними — погибшими друзьями, которые легли во сыру землю, чтобы журавушками подняться в синь небесную. Эх, жизня!.. А это мой сыночек, Алешенька...

И подтолкнул мальчика к нему.

И правда, мальчишка был похож на погибшего сына.

Назар неумело погладил его по голове.

Малец смотрел на него, а взгляд серьезный, как у взрослого. Наверное, у всех ребятишек, кто глянул в глаза войны, такие же взгляды, как у Алешки.

— А вы, дядька Николай, как поживаете? — сказал Назар и повернулся обожженным лицом к нему. — Мать говорила, будто ваш дом сгорел.

Он коротко махнул покалеченной рукой.

— Эка, как тебя зацепило, — не удержался, качнул головой Николай. — Ничего, главное, живым вернулся. Радость для матери. Береги ее. А дом... да, сгорел. И в землянке жили, и времянку ставил. А сейчас с Алешенькой за новый дом взялись. Вдруг старшие сыны вернуться, а у нас новый дом ждет.

— Ну тогда и меня в помощники записывай, — криво улыбнулся Назар. — Правда, от меня толку мало, но все же буду помогать. Вон, Алешка подскажет, что делать. Да, Алешка?

Малец с серьезным видом кивнул, а потом повернулся к Николаю.

— Батя, айда. Я покажу, где старые скобы видел, — сказал он. — В хозяйстве пригодятся.

— Хозяин растет, — едва заметно улыбнулся дядька Николая. — А строгий растет — страсть! Иногда сам боюсь...

И они пошли. Скрип-шлеп, топ-топ-топ...

А вскоре поднялся Назар. Медленно зашагал по меже. По проулку вышел на улицу. Постоял, прислушиваясь к шуму. Где-то гомонили ребятишки. Наверное, там был детдом. Мимо неторопливо протрусила собака. Гавкнула, заметив палку в его руках, сослужила свою службу и отправилась дальше по своим собачьим делам.

Назар неторопливо зашагал в сторону дома. Он вспоминал слова Варвары, что не нужно скрывать свои шрамы, полученные на войне. А ведь она правду сказала. Я не на гулянке был, а воевал за них, за землю нашу. Так почему же я должен скрывать это? Душой понимал, но...

Он толкнул калитку и зашел во двор. В избу не стал проходить, а уселся на крыльце и закурил. Назар сидел, подставляя лицо под солнечные лучи. Жмурился. Было тепло. А на душе появилась радость. И он не мог понять, откуда она взялась. Эти годы, что провел на войне, отучили его улыбаться. Нет, почему же, он смеялся, когда с солдатами шутили, потому что без шуток на фронте тяжело. Шутки любили. И он подшучивал над другими. А потом узнал о гибели отца и бра-

та. А следом сам чуть было не погиб. И сколько месяцев провёл в госпитале с забинтованной головой, с покалеченной рукой, которую собирали по кусочкам и сделали почти как новую, так говорил врач. А когда увидел в зеркало свое обезображенное лицо, ему жить не хотелось. Чуть не взвыл, когда еле-еле рассмотрел, что с ним стало. И грохнул осколок зеркала о пол, чтобы не видеть эти страшные шрамы и пустую глазницу...

Заскрипела дверь. На крыльце появилась мать. В старенькой кацавейке, платок на плечах, сама простоволосая, она присела рядом с ним на ступеньку и зябко повела плечами. Назар покосился на нее, но промолчал и снова задрал лицо вверх и зажмурился. Как-то непривычно было, что стоит тишина, что не свистят пули и не тарахтят пулеметы. Не слышно разрывов снарядов и стонов раненых. Не было того, что слышал изо дня в день. А сейчас перед ним мирная жизнь и вдалеке заорал петух, а там кричат ребятишки. Наверное, играют. Да уж, где-то идет война, а здесь мирная жизнь, и он находится в ней. И это было непривычно. Ему всё казалось, что сейчас поднимется ротный, взмахнет пистолетом и протяжно закричит — «В атаку!» И он вскочит с солдатами. Закричат — «Ура!» и помчатся на врага, чтобы гнать его с нашей земли, чтобы никогда, сволочи, не совались к нам, потому что нас не победить. И Назар заскрипел зубами протяжно, знобко — зло...

— Опять про войну думаешь? — покосилась мать. — И днем думы о ней, а ночами тем более.

Мать вздохнула и сгорбилась.

Назар покосился. Мать превратилась в старушку с той поры, как они ушли на фронт. Маленькая стала, сухонькая. И голова седая. Он вздохнул.

— Да, мам, о ней, проклятой думы мои, — помолчав, сказал он. — Кто побывал там, тот до последнего своего часа о ней не забудет. Так и будет сниться ночами. Так и будут приходить погибшие дружки, кто в синь небесную поднялись журавушками. Будут стоять и смотреть. И ни словечка не скажут. А потом словно в тумане исчезнут. Утром поднимешься, а в душе тоска...

Сказал и принялся скручивать сигарку, а руки трясутся, махра рассыпается...

Мать покосилась. Молчком забрала кисет. Свернула козью ножку и подала ему.

— Ты бы ходил куда, — сказала она. — Вон, кто вернулся, у Семена собираются. Видать, тоже душами маются. Я бы бутылочку дала. Есть у меня припасенная. Посидел бы с

ними, поговорил. Глядишь, на душе бы стало полегче, а то маешься, как неприкаянный...

Назар снова покосился на нее, но промолчал.

— Жениться бы тебе, Назарка, — неожиданно сказала мать. — Глядишь, ребяенок бы появился. Мне бы в радость, и у тебя заботушки бы прибавилось. Может, и дум бы стало поменьше.

Сказала она и задумалась.

— Придумала тоже — жениться, — буркнул Назар. — Я мимо зеркала прохожу и отворачиваюсь, чтобы себя не видеть. А ты — бабу...

Он мотнул головой и нахмурился.

— С лица воду не пить, как говорится, — упрямо сказала мать. — Вон сколько девок вокруг. Или всё о своей Вальке сохнешь? Так одна живет. Не сложилась жизнь с мужиком-то. Еще до войны разбежались. А больше никого не захотела принимать. Видела ее, когда ты воевал. Про тебя спрашивала. Я ничего не утаила. Всё рассказала, как есть. Она привет передавала...

— Ты ничего лучше не могла придумать? — взвился Назар. — Моей мордой детишек пугать, а ты Вальку чуть ли не сватаешь. Подумала бы перед тем, как разговор говорить. Дай бутылку! К Семену пойду, а то разлаемся...

Он сунул бутылку в карман, в другой положил небольшой сверток со снедью: как сказала мать, времена голодные. Прихватил кисет и подался со двора.

Прошел по улице вдоль нескольких домов и только заметил, что шагает без своей спутницы — палки. Хотел было повернуть обратно, но раздумал. Появись, мать снова заведет разговор про женитьбу, да еще Вальку приплетет. Нужен он ей, как корове пятая нога. Хотя, что говорить, на фронте частенько о ней вспоминал, но гордость не позволяла ей написать, хотя не знал, что она одна живет. А сейчас тем более не пойдет к ней. Сразу скажет: пока был здоров, не нужна была, а теперь прибежал. Не дождется! И Назар зачертыхался...

Он остановился. Закурил. Прищурился, пытаясь сквозь мутную пелену рассмотреть, где он стоит и в какую сторону ему шагать. Он помнил, что Семен жил далековато от них. И нужно было идти в сторону речки. Его изба стояла чуть ли не на краю обрыва. Ведь не зря же называли Васильевку пьяной. Она была раскидана по пологим холмам. Где-то больше домов, в других местах меньше, а там всего штук пять изб виднеется. И вот среди этих пяти домов была и Семеновская изба.

Придерживаясь за заборы и плетни, Назар осторожно зашагал по деревне. Спотыкался и падал. Поднимался. Чертыкался и снова шагал. Он уж много раз пожалел, что не вернулся за палкой. Это в избе или во дворе он мог пройти с закрытыми глазами, а тут нужно каждый шаг делать на ощупь. Хоть ложись и ползи, как на фронте бывало. Но там было легче, как ему казалось, а тут сам нечистый голову сломит, а уж он тем более...

— Здоров был, Назар! — со стороны донесся старческий голос. — С возвращеньцем! Куда лыжи навострил?

— К Семену Мытникову иду, — приостановился Назар и закрутил головой. — А с кем я говорю? Что-то не припоминаю по голосу..

Он пожал плечами.

— Дык, дед Лександра я, — захекал старик. — Помнишь, как крапивой лупцевал, когда с дружками в колхозный сад залез? Хотел из берданки солью стрельнуть, да пожалел вас, оглоедов.

И тоненько засмеялся.

— А, помню, конечно, — закивал Назар. — Я уж думал, тебя на свете нет, а ты еще небо коптишь, дед Лександра.

И тоже криво засмеялся. Радовался, что узнают в деревне.

— А что со мной будет? — снова захекал старик. — всех своих схоронил, а про меня, наверное, позабыли. Говоришь, к Семке идешь? Дык, мимо проскочил. Тебе нужно в проулок свернуть и по нему спускаться к речке.

Назар зачертыкался.

— Ладно, дед Лександра, я пошел, — он развернулся, и, придерживаясь за забор, зашагал. — Будь здоров, старик!

И снова заспотыкался. Падал. Поднимался и снова шаггал, стараясь вспомнить дорогу. Редкий раз останавливался, когда его окликали. Недолгие разговоры, и снова шел по разбитым, едва просохшим дорогам, пока не добрался до дома. Открыл калитку. Поднялся по ступеням, толкнул дверь и зашел, ударившись лбом об косяк.

— Здоров был, Семен! — потирая ушибленный лоб, сказал Назар. — Гостей принимаешь?

И затоптался возле двери.

Донеслись шаги, и из горницы появился Семен. Босиком, в галифе и гимнастерке с красной нашивкой о тяжелом ранении. Один рукав болтался. Из второго выглядывала покалеченная кисть. Он облапил Назара одной рукой и подтолкнул.

— Здоров был, солдат! — забасил он. — С возвращением, Назарка! Наши ряды пополняются. Проходи...

Назар не стал проходить в горницу. Остался в кухне. Знал, что Семен бобылем живет. Назар подошел к столу. Положил сверток, а рядом поставил бутылку. Достал кисет и уселся на шаткую табуретку.

— Давай, Семка, выпьем за возвращение, — сказал он, выдернул тугую пробку, и по кухне потянуло сивухой. — Фу, зараза вонючая!

Назар передернул плечами.

Они разлили по стаканам. Развернули сверток, в котором лежало несколько полураздавленных картошек в мундирах — это Назар раздавил, когда падал, горка мелкой рыбешки, кто-то из соседей поделился, пара луковиц да головка чеснока. Вот и всё угощение. Да Семен поставил большую чашку с кислой капустой.

Они взяли стаканы. Не успели выпить, в дверь стукнули, и на пороге появился сосед, Николай Морозов с ведром в руках, в котором была видна картошка с ростками, немного свеклы и с пяток луковиц.

— Здорово, мужики! — сказал он и поставил ведро возле печки. — Это моя Аннушка передала. Немного, но прожить можно. С возвращением, Назар! — он ткнул широкую ладонь, здороваясь, громыхнул табуреткой и присел рядом. — Видел Генку Козина. К тебе собирался. Тоже что-то хотел принести.

Едва договорил, дверь распахнулась, и в избу ввалился Геннадий в солдатской форме. В руках залатанный мешок. Он оставил его возле входа. Подошел и облапил Назара.

— Здоров был, солдат! — чуть ли не прокричал он. — Не обращай внимания — это после контузии. Врач сказал, что пройдет. Набрехал, наверное. Ору да ору.

И он громко захохотал, шлепая ладонями по ногам. И затряслась голова, в страшном оскале открывая шербатый рот. И схватился он за голову. Застонал протяжно, громко и — больно...

— Всё, Генка, успокойся, — прижимая его голову к себе, забасил Семен и оглянулся на Назара. — Ни радоваться нельзя, ни злиться. Сразу трясушка нападает. Всё, Генка, всё...

Он дождался, когда Генка притихнет, налил в стаканы и поднял.

— Ну, братцы, с возвращением!

Они чокнулись. Выпили. Закряхтели. Передернули плечами и потянулись к незамысловатой закуске.

— Давайте-ка, братцы, выпьем за всех погибших, кто лег во сыру землю, что журавушками поднялись в синь небесную!

Подняли стаканы. Замерли на мгновение. У каждого было, кого вспомнить и помянуть. Не чокаясь, выпили. Молчком достали махорку и закурили, выпуская сизый дым.

— Да, много журавушками вернулись в родные края, — вздохнул Семен. — Меня рано списали. Вернулся, а бабы плачут. Радуются, что живой, а некоторые плачут — похоронки пришли. Глянул, а в деревне одни старики и бабы, и я среди них. И такая тоска меня взяла, хоть волком вой. И выл, и головой бился, когда оставался один...

Сказал и замолчал, лишь зубами заскрипел — протяжно и знобко.

Все молчали. Курили. О чем-то думали. А о чем они могли еще думать, как не о своих семьях, о друзьях-товарищах, которые остались на поле боя, но журавушками взмыли в небеса, о дружках, с кем воевали, и которые сейчас гонят фашистов в хвост и гриву. Да обо всем думали и о жизни тоже...

— А что за тележку ты делаешь? — Семен взглянул на соседа. — Что собрался возить на ней? Даже мешок не положить. Слишком маленькая...

— А, эта, что ли... — Николай мотнул головой. — Для Корнея делаю. Оторвало ноги по самую мошонку. Как привезли его, ни разу на улице не был. Сиднем сидит перед окном, и всё на этом. Я заходил к ним. Баба нарадоваться не может, что живым вернулся, а он зубами скрипит. Говорит, лучше бы там остался, лучше бы журавушкой закружил над двором, чем безногим быть. Ну я и предложил, что сделаю коляску. И работа будет у него. Я с председателем говорил. Тот пообещал пристроить на ток или в мастерские. Будет бумажки перебирать. Корней обрадовался, когда узнал. Прохода не дает. Поторапливает.

— Да, досталось мужику, — громко сказал Геннадий, и снова затряслась голова в страшном оскале, и опять схватился он за голову и сидел, пока не успокоился. — А сколько таких корнеев возвращается — не счесть. А сколько еще вернется — одному Богу известно. И нам досталось немало. Каждую ночь воюем. И будем воевать, пока нас на мазарки не снесут. И тогда журавлями поднимемся в синь небесную, чтобы жили мы — мертвые рядом с живыми. И будем жить, пока помнят о нас.

И снова затряслась голова в страшном оскале.

— Правду говорите, братцы, — сказал Назар, нащупал кисет и принялся на ощупь скручивать сигарку. — Помню последний бой. Поднялись с дружкой в атаку. Всю войну бок о бок провоевали. А тут в атаку, закричал взводный. Дру-

жок первым бежал, а я за ним. Приостановился, чтобы винтовку перезарядить, а тут снаряд рванул, где дружок был. И нас обоих одним снарядом. От него ничего не осталось, как сказали, а я боком стоял. Помню взрыв и пламя обожгло лицо, вспыхнул, как свечечка, и всё на этом. Очнулся в госпитале. А когда увидел себя в зеркале, жить не хотелось. Эх, война проклятушая!..

Он задымил быстро, коротко — зло.

— А у нас во взводе был солдат, сколько воевал, ни одного ранения не было, — сказал Семен. — Вся шинелька в дырках, даже сапоги распарывало осколками, а на нем ни царапинки. Словно заговоренный. А воду боялся, как чёрт ладана. А тут нужно было переправляться через речку. Вроде неширокая, но глубокая. Этот солдат весь извелся. Уто-ну и всё тут! Говорит, плавать не умеет. Да еще какая-то цыганка нагадала, что не от руки смерть примет, а от воды. Ну и правда, ни одна пуля не задела, а тут речка перед ним. Всё, смерть за ним пришла. Уперся. Не буду переправляться и всё тут. Лучше на этом берегу сдохну, но в воду не полезу, хоть под трибунал отдавайте. И отдали бы, если бы не наш старшина. Говорит тому, что тоже плавать не умеет, — надо на бревнах переплыть. Плоты большие. В них легче попасть, а в пару бревен промахнутся. В общем, уговорил солдата и даже пообещал, что рядом поплывет. Они связали по два бревнышка. Солдат для пушей верности попросил, чтобы его привязали, а то со страху он может руки отпустить и тогда прямиком на дно отправится. Всё сделали, как он просил. И тут началась переправа. Фашисты как принялись из орудий садить! Гляжу, плоты, словно щепки разлетаются. Осталось немного до берега. И тут вижу, как наше-го солдата подкинуло взрывом и перевернуло плотик. А он же привязанный был! Всё, хана солдату. Я уже на берегу был, когда это увидел. Кинулись к нему. Плот быстрее перевернули, авось еще живой. И видим, солдатик наш рот разевает, а глаза выпученные, морда красная и тужится, того и гляди лопнет. Отвязали его, а от него таким духом тянет, словно пареной репы объелся. В общем того...

Семен замолчал, о чем-то задумавшись.

— А что с солдатиком-то стало? — кто-то не удержался. — Живой остался?

— Живым-то остался, — задумчиво сказал Семен. — Но полные портки навалил. Как увидел, что на берегу стоит, так от радости с полными портками и кинулся на немцев. Те, наверное, подумали, что русские новое оружие применили — такой дух стоял пареной репой, что они врассыпную броси-

лись, а некоторые в плен сдались, лишь бы в душегубку не попасть...

— Он обделался, что ли? — сказал Николай, а потом расхохотался.

Вслед за ним громыхнули остальные. Посмотрят друг на друга и снова хохот, от которого аж стекла дрожали.

— Слышь, Семка, помнится, ты же плавать не умел, — вытирая слёзы, сказал Геннадий. — Уж не про себя ли ты рассказал?

И хохот грянул еще сильнее.

— Эть, придумают же, — удрученно сказал Семен. — Хоть ничего не говори. Сразу же приписали.

Он махнул рукой, посмотрел на них и загоготал, шлепая покалеченной рукой по столу.

Они засиделись допоздна. Кто-то притащил еще бутылку. Выпивали. И снова нескончаемые разговоры. Говорили обо всем. Но в основном вспоминали войну. За столом были все свои, кто прошел через войну, кто испытал то же, что и другие. И поэтому открывали свои души, и они были похожи — эти солдаты войны.

Давно стемнело, когда стали расходиться по домам.

— Назар, может, останешься? — сказал Семен и протяжно зевнул. — Ночь на дворе, как пойдешь?

— Дойду, сказал Назар, набросил на плечи фуфайку, шапку на глаза сдвинул. — Сюда добрался, и до дома дойду.

Он осторожно вышел на улицу. Долго стоял, прислушиваясь к деревне, и шурился, всматриваясь в редкие тусклые огоньки. Медленно шагнул и тут же растянулся.

— Растуды твою качель! — не удержался, рывкнул он. — Хоть под забором оставайся.

Но всё же заелозил и принялся подниматься.

— Давай-ка помогу добраться до дома, — в темноте кто-то подхватил его.

Назар засопел, вырывая руку. Что-то знакомое показалось в женском голосе. И даже запах волос, когда она наклонилась к нему, тоже показался знакомым. Он закрутил головой. Отшатнулся.

— Еще не хватало, чтобы меня баба до дома провожала, — взвился он. — Я и сам в состоянии дойти.

— Уже заметила, в каком состоянии. — И в темноте раздался короткий смешок.

И снова его подхватили под руку.

— Ты? — даже не удивленно, а с яростью, что ли, рыкнул он. — Решила посмеяться надо мной или надумала пожалеть калеку? И без тебя обойдусь, Валька.

Он рванул руку. Споткнулся и упал навзничь. Это была его первая любовь — Валька — гордая и неприступная, которая не простила его и выскочила замуж без любви, ему назло. А он все эти годы помнил о ней. И наверное, она оберегала его от смерти там — на фронте. А сейчас, когда она стояла рядом, Назар взбеленился.

— Да нужен ты мне! — вскинулась она. — Мать попросила, чтобы за тобой зашла. Нечего мне показывать характер. А то я свой покажу. Ты меня знаешь...

И не слушая его, подхватила под руку и повела по темным улицам в сторону дома.

Они шли, ругались. Спотыкались и оба падали. Снова поднимались и шагали по колдобинам, пока не добрались до дома. Ввалились в калитку. Снова упали. И уже не было силы подняться. Поддерживая друг друга, добрались до крыльца и молча уселись, стараясь прийти в себя.

Хлопнула дверь в избе. И на пороге появилась мать с керосиновой лампой в руках. Прищурилась, рассматривая при тусклом свете, потом всплеснула руками.

— Божечка мой! — воскликнула она. — Вас собаки драли или по деревне катали?

— Это Назарка меня по всей деревне катал, — Валентина ткнула в него пальцем и принялась осматривать порванное платье и фуфайку. — Ничего себе — проводила до дома. Нет уж, я лучше домой пойду. Целее буду.

И она принялась приводить в порядок растрепанные волосы, повязала платок и взялась счищать с одежды грязь и пыль. А потом поднялась, чтобы уйти.

— Не уходи, — неожиданно сказал Назар и похлопал по ступеньке. — Посиди со мной, как раньше бывало...

Валентина присела.

Назар сидел и молчал.

Она тоже не шевелилась.

Мать потопталась возле них, что-то спросила, они не ответили. Мать протяжно зевнула, прикрывая ладошкой рот и скрылась в избе.

Они сидели и молчали.

— А помнишь, как я перед ледоставом через Ветвянку переплыл, когда ты замуж выходила? — неожиданно сказал он. — И опоздал...

— Дурак был, потому и поплыл, — помолчав, сказала Валентина. — Мог бы по мосту пройти. А если бы простыл да помер? Сейчас бы не пришлось сидеть...

Они снова замолчали.

Каждый думал о чем-то своем. Наверное, вспоминали прошлую жизнь. Да, скорее всего, что так и было...

Они долго сидели на крыльце. Едва заметно занимался рассвет. Темные предутренние сумерки окутали деревню.

— А я вспомнил тебя... — запнулся Назар. — Особенно на фронте. Наверное, ты оберегала меня от смерти...

Сказал и замолчал.

— И я вспоминала тебя, — задумчиво сказала Валентина. — Каждый день, месяцы и годы — всегда...

И тоже замолчала.

Они сидели и смотрели, как разгорался рассвет.

— И что теперь делать? — он запнулся. — Я же вон какой...

Не договорил. Вздохнул.

— Надо жить, Назар, — наконец сказала она. — А как у нас сложится, чтобы людей не смешить — это от нас зависит...

И так спокойно, словно она заранее всё знала, что с ними будет.

Они продолжали сидеть, посматривая на рассвет. И вдруг внутри этого рассвета несмело зашелкал соловей. Ему завторил другой, за ним еще один. И вот уже целый хор завел соловьиные трели.

Где-то еще шла война, а они слушали, как заливаются соловьи, смотрели на узенькую полоску рассвета и думали о будущей жизни. Они сидели на крыльце и внутри рассвета, и в то же время они были в будущем — светлом и долгожданном...

ЖУРАВУШКИ

Уж который день сыпала холодная морось, скрывая округу в туманной дымке. Черные поля в пятнах грязного снега превратились в непролазные болота: где взгорок, там еще видна земля, а низинки заполнены жидкой холодной грязью вперемешку с талым снегом. Ни пройти, ни проехать...

— Скорее бы... — вздохнул усатый пожилой солдат, прислушиваясь к редким разрывам снарядов. — Уж надоело ждать. Который день не двигаемся. Раскиселило поля. Не пролезешь. А морось сесть и сесть. Вся одежда наскрозь промокла. Скорее бы...

Сказал, вздохнул и поник — взгляд в землю.

— Не бойсь, Мокеич, мы пролезем по грязи, потому что это наша земля, а фашисты застрянут. Знаешь, Мокеич, не торопись на тот свет, — хохотнул разбитной высоченный крепыш в драной телогрейке, из которой торчали клочья ваты, и в шапке, сдвинутой на затылок. — Как в атаку идти, весь изведёшься и другим покоя не даешь. Лучше на меня глянь.

Я вот не тороплюся, а потому что мне на том свете будет скучно. У меня же еще столько недоцелованных девок осталось, что, просто не могу помереть раньше времени, покуда всех не переобнимаю, не потискаю...

Он зажмурился и мечтательно причмокнул толстыми губищами.

— Тьфу ты, охальник! — не удержался, сплюнул под ноги сосед, сидевший напротив пожилого солдата. — Ты, Мокеич, не слухай энтого обормота. У кого что, а вшивому баня, так и у нашего Петьки. О чем бы ни вели разговоры, всё к девкам сведеть, словно других делов нет. Одни бабы на уме. У, паршивец!

Он перехватил винтовку и погрозил кулаком.

— Да я не обращаю внимания, — сказал старый Мокеич, взглянул на темное низкое небо, по которому изредка пробежали всполохи от разрывов, прислушался к монотонному шороху мороси, к беспорядочной стрельбе со стороны фашистов, вздохнул и снова глаза в землю. — Он же молодой. Кровь играет, вот и болтает, что ни попади. Мы такими же были. Помню, батя меня вожжами отходил, когда мать Нинки Антоновой пожаловалась, что застала меня на месте преступления, когда я за баней тискал ее дочку. Честно сказать, вовсе не тискал. Ну, раза два попытался обнять, а ее матери во тьме привиделось незнамо что. Вот и пожаловалась. Отец даже не стал разбираться. Сразу сдернул вожжи со стены. У, как всypал мне — страсть! Я неделю на животе спал. Враз отучил. До самой свадьбы на девок не смотрел. Отца боялся. Жинку впервые на свадьбе чмокнул. И у нашего Петьки кровь молодая и дурная. Не успокоится, покуда не накобелитси, ежели раньше мужики ребра не пересчитают за дочек, — он вздохнул, помолчал, а потом продолжил. — Тут понимаешь, Федор Василич, какое дело... Ждать не люблю. Если в атаку, так сразу, чтобы подняли нас и вперед на фашистов и гнать их, сволочей, ни на минутку не останавливаясь, покуда последнего не прикончим. А ежели уготована судьбой поймать мне пулю аль осколок, пусть тоже сразу будет. Ну, чтобы сам не мучилси и других не мучил. Чмокнуть в лоб, и нет меня. Я заранее местечко для себя присматриваю, когда в атаку поднимают. — Мокеич чуток приподнялся, осторожно выглянул из окопа и ткнул пальцем: — Вот и сейчас... Ты, Федор Василич, видишь в отдалении небольшой лесок? Вон, березоньки растут. Если мне уготовано пымать осколок аль пулю, средь березок схороните и на досточке напишите, что здесь лежит Порфирий Мокеич Лукин, а ниже добавьте, тока обязательно, что родом я из деревни Наумовка, которая подле города Томска находится. Го-

род непременно укажите и речку Томь, на берегу которой наша Наумовка стоит. По России таких Наумовок без счета. А тут сразу будет понятно, что я лежу. Надёжи мало, что мои разыщут могилку, но всё же... И обязательно схороните под березками! Светлые они, чистые. Пусть над головой шумять. Не век же война будет длиться, когда-нить и мир наступит. И тогда, глядишь, какой-нибудь путник остановится. Прочитаешь, что я здесь лежу. Глядишь, помянет. Ну а не помянет, пусть просто посидит под березками. Отдохнет в тенишке, своих вспомнит, а потом дальше пойдет...

— Ну что торопишься-то, Порфирь Мокеич? Как начинается подготовка к атаке, так песню заводишь про свою пулю, — опять влез в разговор разбитной Петька и прихлопнул широченной ладонью шапку, которая едва держалась на затылке. — Твоя пуля тебя найдет, если на роду написано, можешь не беспокоиться. Она мимо не пролетит и в соседа не угодит. И не нужно её ждать, только душу травмишь. А надо чтобы неожиданно, чтобы раз и всё тут. Ну, как я делал, покида меня на фронт не отправили. К примеру, приглянулась девка. Я не жду под окошками и не кидаю камушки, вокруг не хожу и не вздыхаю, как другие делают. А увидел: она идет, подскакиваю и говорю — «Здрасьте вам!», сграбастаю в охапку девку, тока писк разносится, и тут же в щечку чмокну. А сам держу её. Крепко, чтобы не вырвалась! И она прям на глазах начинает таять. «Ах, Петюня, как же ты посмел без разрешения обниматься, а тем более с поцелуйчиками лезть ко мне?» Вроде начнет совестить, а сама крепче прижимается. А что я? Тут разрешения не треба, а нужна смелость и напор, вот как у меня, к примеру. Ага...

— Тьфу ты, пакостник! Гляди, Петруха, отцы-то быстро ребра пересчитают. Не поглядят, что вымахал оглоблей, вмиг юшкой зальешься, что девок позоришь, — опять чертыхнулся Федор Василеч.

Солдаты, сидевшие в окопе, реготнули, но тут же притихли, когда в окопе появился командир взвода. Склонившись, он быстро добрался до них. Внимательно осмотрел всех. Взглядом нашел невысокого юркого Корнея Мохова и кивнул ему. Что-то шепнул, снова взглянул на солдат, нахмурился, когда они засмеялись. Выбравшись из окопа, они вместе с Корнеем Моховым поползли по раскисшему снегу. Останавливались, припадая к земле. Если раздавались автоматные или пулеметные очереди, они тут же скрывались в воронках и прислушивались к свисту пуль над головой, а потом снова ползли. И так, пока не прошмыгнули в крайнюю разбитую избу, стоявшую подле небольшого озера.

— Гляньте, ребятки, уже в который раз наш-то командир в разведку полез, — чуть приподнявшись, сказал пожилой солдат. — Ох, отчаянный! Теперь будут вместе с Моховым за фашистами наблюдать. Не иначе, в атаку поднимемся. Эх, скорее бы война закончилась! Ведь весна же пришла. Землица стосковалась. Гляньте, грачи по полям вышагивают. И наплевать птицам, что война идет. Весна пришла, а с нею жизнь. Пахать-сеять нужно, а мужиков не хватает. Если вернусь домой, упаду на землю и буду обнимать её и ласкать, как бабу свою, а потом в поле подамся, буду хлебушек выращивать. Эх, жизня...

Он вздохнул. Вытащил кисет и задумался, вспоминая прошлую мирную жизнь и супругу свою, а потом опять завздыхал и стал сворачивать сигарку.

— Правду говоришь, Федор Василич, — закивал один из солдат, прислушиваясь к разговору, а потом взглянул в низкое небо. — Надьсь был «Герасим-Грачевник». А значитца, весна пришла. Вон скока грачей прилетело, а ишо больше в пути находятся. Россия-то большущая. Покуда они по всей стране разлетятся — это же скока времени требуется. Вот и летят, вот и несут на крыльях весну-то...

Сказал и завздыхал. Стосковался по мирной жизни.

И солдаты поднимали головы, всматриваясь в тяжелое темное небо, сплошь покрытое облаками.

Солдат, сидевший в обнимку с винтовкой, поднял голову. Прищурился, всматриваясь в небо, сбил шапку, приложил ладонь к уху, а потом вздохнул.

— Показалось, — опять завздыхал солдат, но продолжал смотреть на низкие облака, и повторил. — Нет, видать, братцы, показалось...

— Что показалось, Леонтий? — Мокеич тоже задрал голову и принялся взглядом шарить по небу. — Неужто самолеты летать? Нет, кажись... Тока орудия бьют.

И снова взгляд на Леонтия.

— Жонка письмишко прислала, — помолчав, сказал Леонтий и принялся укутываться в шинель. — Зябко что-то... Жонка пишет, журавушек много появилось. Как война началась, так и летят, так и курлыкают. Душу терзают...

Леонтий свернул сигарку и закурил.

— Правда твоя, Ленька, — закивал головой Федор Василич. — Курлыкают, за душу хватают. Дочка прислала весточку, тоже про журавушек пишет. Как весна-осень наступает, и откуда они берутся, летят и летят. Тока и поднимаешь голову, в небо взглянуть, а там их тьма-тьмушая. И плачут с небес, и покоя не дают...

Он невольно взглянул в небо, словно хотел рассмотреть их — журавлей-то, а потом вздохнул, и взгляд в землю.

И солдаты взглянули, пытаясь увидеть журавушек.

— И у нас в деревне говорят, будто солдатские души в журавлей вселяются, — вскинулся один из пожилых солдат. — В наших краях никогда не было журавлей, а после гражданской войны они появились. У нас в войну словно косою выкосили мужиков. Мало осталось, кто с гражданской вернулся. Зато журавли появились. Много. Кружили над дворами, курлыкали, словно домой просились. Будто хотели сказать — «Что же вы взаперти сидите, откройте двери — это же мы, ваши отцы и сыновья, вернулись!» Вот с той поры у нас говорят, будто солдатские души в журавлей переселяются. Плачут они, в небо просятся, а потом торопятся домой. Так и живут погибшие рядышком с родными. С небес посматривают и курлыкают, весточку подают, что видят, что помнят... А сколько еще до конца войны журавлей с солдатскими душами появится — этого никто не знает. По всей земле-матушке разлетятся наши журавушки. Эх, жизнь!..

И замолчал.

И другие молчали. Одни курили. Другие о чем-то думали. А третьи в небо смотрели. Наверное, хотели увидеть журавлей с солдатскими душами, а может, хотелось услышать курлыканье, что они домой возвращаются, в места родные...

— Наш взводный ишо молоденький, а сурьезный — страсть. Его хотели списать опосля контузии и ранения, а он уперси — нет и всё тут, пойду фашистов бить. И настоял. Так и вернулси, — сказал Мокеич, выглянул из окопа, но взводного и Мохова Корнея не увидел, покачал головой и ткнул локтем солдата. — Угости табачком, Федор Василич, а в следующий раз мой покурим.

Они закурили и замолчали, каждый о чем-то своем задумался.

И солдаты, сидевшие в окопе, тоже продолжали молчать. Они прислушивались к разрывам снарядов да поглядывали на темные нависшие тучи.

— О, лупят и лупят, — прислушиваясь к редким одиночным залпам, не удержался и сказал разбитной Петька. — Слышь, братцы, а скока снарядов и патронов выпустили по фашистам? Да я знаю, что много. Наверное, со счета можно сбиться. Орудия лупят, а я пальцы не успеваю загигать. Так и бросил считать. Много и всё тут! Я что хочу сказать: почему не придумают такие пули, чтобы, к примеру, стрельни в любую сторону, а она всё равно найдет врага и попадет в него? Мы бы всех врагов перебили. А сейчас скока счетоводов нуж-

но держать, чтобы пули да снаряды пересчитать? Замучаешься бумажки перекладывать. Эх, умишка не хватает мне, а то бы я хитрую пулю придумал. Вот уж бы я тогда...

Он замолчал и зажмурился, мечтая, если бы и правда, взял бы да придумал такие пули, чтобы сразу наповал разили всех фашистов и прихвостней, вот тогда бы... Петька вздохнул.

— Что болтаешь, Петруха! — хмуро сказал солдат, кутаясь в потрепанную шинель. — Неча языком зазря молоть. Лучше за собой смотри, сколько пуль в молоко пустил. Не суй нос, куда не просят, а то можно и потерять. Если не отстреляют, тогда... Ишь, хитрую пулю придумал бы! Там и без тебя есть, кому бошку ломать...

Он замолчал, и неопределенно покрутил в воздухе рукой.

— Ты это что — пугаешь меня, да? — взвился крепкий Петька, но тут же в раскоряк уселся на дно окопа, когда его дернули за полу драной фуфайки. — Ну-ка, пусти! Сейчас я ему...

— Что бошку-то под пули подставляешь, дурень? — со всех сторон загомонили солдаты. — И так мозгов не хватает, а тут бы фашисты последние вышибли. Они же не дураки. Враз бы решето сделали. Там же у них снайпер сидит, сволочуга. Спрятался среди кустов и лупит. Головы не дает поднять, а ты выстрочился. Нате вам, какой я храбрый! Ага, велика фигура, да дура...

— А что он вздумал пугать меня, что нос прищемят? — снова стал заводиться Петька. — Видел я таких. Тоже мне, напугал ежа голым задом!..

И замолчал, когда ему в бок ширнули кулаком.

Где-то в стороне громко и разноголосо прозвучало «Ура!», протарахтела короткая очередь, за ней другая и вразной несколько винтовочных выстрелов. Со стороны немцев заполошно застрочили пулеметы. Видать, подумали, что начинается атака, но тут же затихли. Чуть погодя снова донеслись короткие очереди, и с той стороны озера заработали минометы.

— Гляньте, братцы, как фашистов выманивают, — ткнув корявым пальцем, ухмыльнулся Порфирий Мокеич. — Сейчас наши наблюдатели наставят крестиков, где пулеметы, минометы и орудия находятся, разведчики вернутся, глядишь, языка приволокуть, в штабе обсудят и дадут команду из пушек стрелять, и куда только фашистские минометы разлетятся. Что ни говори, а у немцев нервишки стали шалить. Не то что в начале войны были. А сейчас разочек стрельнёшь, а они наугад всю обойму выпускают, да еще торопятси! Эть, дураки-то какие!

Он махнул рукой и снова захекал, прикрывая шербатый рот. — Дураки или нет, а сколько наших полегло за годы войны — это не счесть! Скока журавушек отправились в дорогу дальнюю, душами солдатскими на родину полетели, — насупился и вздохнул Федор Василич, взглядом проводил взлетевшую ракету, прислушался к редким очередям и частым минометным обстрелам и опять завздыхал. — Видать, правда, нужно к атаке готовиться. Не зря уж который день наши беспокоят фашистов. — И ткнул корявым пальцем. — Вон-вон, слышите? Ага, опять наш пулемет застрочил. И фашисты не удержались, вон как стараются, мины словно горох сыпятся. Что ни говори, а наши — молодцы, да еще какие! Вон какую подготовку ведут. Я нынче видел Ивана Головина. Он шепнул, что скоро поднимемся. Большое наступление ожидается. Эх, да полетят журавушки к родным местам. Эх, жизня!..

Сказал и вздохнул, зябко поводя плечами.

Солдаты невольно взглянули на низкие темные облака. Наверное, журавушек высматривали.

— Говорят, танки пойдут в наступление — это хорошо. Мы за ними пристроимся — это лучше, чем первыми быть, — кивнул Петька. — Такая силища попрет, все фашисты разбегутся. У, сволочуги!

И Петька погрозил кулачищем.

— А ты хотел впереди танков побежать? — громко зареготали солдаты и тут же притихли. — Представляем, как наш Петька, словно заяц, зигзагами в своей драной телогрейке несется быстрее танков. От такого вида все немцы будут драпать. Подумают, что русские новое оружие создали. А это наш Петруха несется. Хе-х! Ты бы, Петька, свою телогреечку подлатал. Хвастаешься, за девками ухлестываешь, а сам уж который день в драных подштанниках разгуливаешь. Не лето на дворе, так и причиндалы отморозить недолго. Что делать-то будешь, а?

И опять расхохотались, но тихонечко, чтобы не услышали.

— Что ржете, жеребцы? Застоялись, что ли? — опять взвился высокий нескладный Петька и поправил рваную телогрейку. — Это в прошлую атаку, когда высотку брали, всю телогрейку продырявило осколками. Как рвануло недалече, думал, что всё — хана пришла. В башке до сей поры мозги бултыхаются. Дым рассеялся, Иван Баргузин и Макар Еськов с Колькой Ершовым убитые лежат, которые вместе со мной бежали, а я весь целый, ни царапинки, а вся одежда в клочья, даже сапоги в двух местах зацепило. Видать, не мой снаряд прилетел. Да, Мокеич? Ты же главный мастак по своим пулям...

Сказал и хитровато покосился на пожилого усатого солдата.

— Не шерсьи, охламон, — обнимая винтовку, заворчал Мокеич. — Тебя ничем не возьмешь. На штык напарывалси, чуть ли кишки по земле не волочил. Другой бы помер, а ты жив остался. Вернулси из госпиталя, так словно шило в одно место сунули. Никакого покоя нет от тебя. Видать, в кишках что-то забыли в госпитале. Вот и свербить там, покоя не дает. И стреляли в тебя, даже на переправе умудрилси выплыть, когда рядом с плотом разорвалси снаряд. Плот в клочья! Все потонули, а Петька выбралси...

— Так это же... — кто-то из солдат реготнул. — Говорят, что оно не тонет, так и наш Петруха...

Не договорил. Петька не удержался и с размаху приложился широченной ладонью по каске. Солдата качнуло. Даже не качнуло, а у него словно ноги разъехались, и он лицом ткнулся в грязь. И тут солдаты не удержались, взглянув на него, когда он возился в жидкой грязи, пытаясь подняться. И расхохотались, медленно расползаясь по окопу.

— Я вижу, и ты не тонешь, — с ехидцей сказал Петька, но тут же ухватился за воротник и дернул солдата, поднимая с земли. — А в следующий раз могу и покрепче приложиться. Я бычка с ног валю, а ты, худосочный, от одной оплеухи из штанов выскочишь. — И тут же зажмурился. — Эх, помню, как однажды с Танькой Колесниковой вдоль речки гуляли, а навстречу нам...

— Ну вот, опять взялси за старое, — перебил Мокеич и чертыхнулся. — О чем бы ни говорил, все разговоры к дедкам сведеть. Одна радость в жизни — бабы! Тьфу на тебя, срамник!

И сплюнул, а потом запахнул фуфайку и поёжился — зябко.

— А что еще делать-то? — сказал Петька и снова мечтательно зажмурился. — Вот вернусь после войны и сразу женюсь, — он помолчал, нахмурился. — Нет, не сразу. Сначала наверстаю, что из-за войны не успел, а потом уж женюсь. И девку возьму тихую да работающую. Пусть не красавица, пусть. Главное, чтобы по душе пришлась. Эх, зажали бы с ней!

Вздыхнул, нахмурился и замолчал.

Молчали и солдаты. Каждый сидел и думал о своем. Может, семью вспоминали и родной дом, а может, думали про эту проклятушую войну и мечтали вернуться домой. Контуженными, израненными, без рук или ног, но вернуться. Ну а если суждено погибнуть, так журавушки с душами солдатс-

кими домой полетят. И закурлыкают они, заплачут. Наверное, так и будет...

— А у нашего комбата отец погиб, — неожиданно сказал Федор Василич. — Помните, пополнение подоспело, когда фашисты хотели прорваться под Ивановкой? Они в последний момент подоспели, и их сразу же бросили в бой. Некогда было знакомиться, как наш взводный сказал. Сразу в бой! А потом, когда бой закончился, стали подсчитывать потери. Раненых в санбат или в госпиталь определили, а документы погибших понесли комбату. И тут выяснилось, что среди них был его отец. Вот так судьба распорядилась, что оба в одном бою находились, и друг друга не увидели. Комбат почернел, когда взглянул на документы. Теперь всю жизнь будет корить себя, что отца не сберег. Эх, жизнь...

Федор Василич вздохнул и ссутулился, опустив голову.

— Вот и еще один журавль понес солдатскую душу на родную сторонущу. Эх, война проклятушая! Сколько же еще таких журавушек отправится в родные места! Эх, жизнь!.. — откуда-то со стороны донесся голос. — Ну а если бы комбат знал, что батя прибыл, неужто бы отца в бой не пустил? При себе стал бы держать, да?

— Мы не знаем, что у комбата на уме, — пожал плечами Федор Василич. — Всё же отец, но в то же время он — солдат...

Замолчал и опять пожал плечами. Достал кисет. Неторопливо скрутил сигарку. Прикурил. Несколько раз затянулся и протянул Мокеичу.

— На, друг, покури, — глухо сказал он и прислушался к нарастающему гулу канонады. — О, наши лупят по фашистам — аж земля дрожит. А потом, наверное, и мы тронемся. Дело к этому идет...

И взглянул в темное небо.

— Скорее бы, — сказал Мокеич и, обжигаясь, торопливо стал затягиваться, а сам нет-нет, но поглядывал то в сторону леска, откуда доносился рокот танков, то в сторону немецких окоп, откуда слышны были разрывы снарядов и взлетала черная земля вперемешку с комьями снега, почти незаметная на фоне темного низкого неба. — Не люблю ждать. Скорее бы...

Он повторил, покрутил в руке небольшой тлеющий окурочек и сунул его Петьке, который стал быстро затягиваться едким дымом.

В окоп скатился взводный. Следом юркнул Корней Мохов, чуть было не свалился на спину Порфирия Мокеича. Чертыхнулся, подхватил упавший автомат и бросился к блиндажу. Взводный помотал головой. Схватился рукой за каску.

Голова дергалась — это после контузии. Долго смотрел на солдат, сидевших в окопе, словно хотел что-то сказать или спросить, но не стал, а взглянул с недоумением на Петьку и следом рывкнул.

— Никандров, почему у старшины не заменил ватник? Сколько можно говорить, а?

Сказал, а взгляд ключий до озноба.

— Так это же... — Петька запнулся и развел руки в стороны. — Это... Я несколько померил, а рукава до локтей. Как же воевать-то буду? Старшина сказал, что подберет для меня и притащит. Видать, не может найти.

Сказал и снова развел руками.

Взводный нахмурился. Опять посмотрел на него. Скрипнул зубами. Погрозил кулаком. Поднял голову, взгляд в небо, а потом прислушался к гулу.

— Скоро в атаку двинем, — сказал он, и задергалась щека, в окопе открывая рот, и взводный тут же схватился за нее. — Петров, Шорсткин, не высовывайтесь. Отстрелять голову, как жить будете? А ты чего раскорячился посреди окопа? — он рывкнул на солдата, который сидел, что-то разыскивая в вещмешке. — Не на базаре сидишь. Сдвинься! Приготовьтесь, бойцы. После артподготовки пойдем. По сигналу красной ракеты поднимайтесь. И не высовывайтесь раньше времени, не подставляйтесь! В бою каждый солдат на вес золота. Кто видел, где расположился взвод Малинина, который на подмогу прислали? По левому краю, говорите?.. — он махнул рукой и заторопился в ту сторону, крикнув снова. — Готовьтесь к атаке, бойцы. Ждите ракету. Ждите!

И, продолжая скалиться, снова схватился за щеку и, пригибаясь, по окопу заторопился в сторону деска.

Из блиндажа выскользнул политрук. Двинулся вслед за взводным, но остановился возле солдат. Задумчиво взглянул, а потом улыбнулся.

— Ну, бойцы, держитесь, — хриловато-простуженным голосом сказал он. — Прошло то время, когда мы отступали. Пора в обратную дорогу пускаться. Всё, ждите ракету. Теперь будем гнать фашистов с нашей земли-матушки. В шею гнать, чтобы никогда к нам не совались. Нас не победить, потому что мы...

И он замолчал, крепко сжал кулак и погрозил. Нахмурился, снова посмотрел на солдат и заторопился к другому взводу, который неподалеку от них расположился.

— Ну вот, снова ждать, — заворчал Мокеич, а сам невольно провел рукой по застегнутому ватнику, чуть сдвинул каску на глаза и застыл, прислушиваясь к разрывам снарядов,

потом взглянул на березовую рощицу и не удержался, ткнул локтем. — Ты, Федор Василич, не забудь, о чем попросил тебя. Ежели встречу со своей пулей, знаешь, что делать. Светлые березки, чистые...

И кивнул в сторону березового леска.

— Мы еще повоюем, — покосившись, медленно сказал Федор Василич. — Мне за сынков нужно рассчитаться. Журавушками домой вернулись. Мне никак нельзя помирать. Поклялся, до самого Берлина дойду, но отомщу за сыновей. Сполна, с лихвой рассчитаюсь.

Медленно говорил. Каждое слово, словно камень ложилось на душу. Зубами заскрипел: громко, знобко — больно. И снова лицо в камень превратилось. А взгляд тяжелый и колючий...

Солдаты притихли. Редкий раз скажут что-нибудь и снова тишина. Вроде спокойно сидят, а в то же время настороже, словно струны натянутые. Тронь и зазвенят. Тронь, и сорвутся с места. И тогда...

И тут наступила тишина. Закончился артналет. Резко закончился, словно взяли и отключили орудия. И такая тишина настала, аж в ушах зазвенело. Солдаты подняли головы, всматриваясь в тусклое серо-черное небо, откуда донеслось курлыкание журавушек, которые заметались над округой. И тут прополосила ракета, взлетая ввысь, зависла на миг, и где-то там, возле облаков, расцвел ярко-красный цветок и стал медленно опускаться. Первыми пошли танки. А следом на краю окопа поднялся политрук во весь рост, замер на мгновение, взглянул на журавлиный клин над головой, окинул взглядом солдат, потом взмахнул рукой и, перекрывая танковый гул, в воздухе разнесся протяжный хрипловато-простуженный голос:

— Батальон, в атаку!..

И поднялись солдаты в атаку, и, нарастая, над округой прокатилось:

— Ура-а-а!

А над полем боя закурлыкали журавушки...

ДОТЯНУТЬСЯ ДО ЗВЕЗДЫ

Когда-то здесь построили город. И кипела жизнь. Люди ехали в эти края за счастьем и хорошей жизнью. Одним доставалось счастье, другим эта самая жизнь, за которой они гнались и готовы были на всё, а были еще и такие, кому не перепало ничего, и такие оказывались на обочине этой самой жизни...

За городом поселок возник стихийно. Туда уходили те, кто не нашел своего счастья, за которым они приехали, а денег на обратный путь не осталось. И они перебирались сюда — в этот поселок, который называли Собачьей слободой. И не потому, что здесь обитали собаки, а люди, жившие тут, говорили, что они докатились до собачьей жизни. Ставили себе дома. Даже не дома, а сараи, лишь бы была крыша над головой, и постепенно привыкали к этой самой собачьей жизни. У каждого была своя история, почему он оказался в слободе. Но никто про нее не спрашивал. Захочет человек сам рассказать — поделится, а нет, так нет. Не лезли в душу. Наверное, правильно делали. Здесь принято копаться в своей душе, и никому не позволяли лезть в нее грязными руками.

Из достопримечательностей здесь была пожарная вышка и тянулась старая железная дорога. Никто не знал, почему среди степи стояла эта самая вышка. Что здесь тушить? До города было далековато. Едва видна городская окраина, но самое интересное, что вышка была, а пожарки не было. И торчала она, словно палец в небо указывал, мол, все там будем. И эта железная дорога тоже была странной. В городе были железнодорожные пути, но с другой стороны и они примыкали вплотную к окраине. Вышел из вагона и вот он город счастья, куда ты стремился, но в конечном итоге, если ты не нашел место под солнцем, город выплевывал тебя, все оказывались в Собачьей слободе. А эта железнодорожная ветка вела в никуда. И вечерами, когда солнце садилось за горизонт, словно золотые линии тянулись по степям. А куда по ним можно было добраться — этого никто не знал...

Танька Морозова или Танька Шкалик — молодая девчонка, вроде лет двадцати с небольшим, а может, на год-другой постарше будет, сидела на краю пожарной вышки. Рядом стоял шкалик с водкой, корка хлеба, повядший надкушенный огурец и початая пачка дешевых сигарет. Она всегда приходила сюда, когда было паскудное настроение.

А сегодня как раз паскудное настроение. С утра в город моталась, куда приехала за счастьем после детского дома. Ей много не нужно было, всего лишь капельку, чтобы почувать себя счастливой. Парня встретила. Красавец, каких поискать нужно. Цветы и первый поцелуй, о чем мечтала в детстве. Влюбилась так, что готова была на всё для него. И делала всё для него, что он просил. А потом он исчез вместе с ее деньгами, документами и прочими вещами, оставив кучу долгов и кукиш во всю морду. Вот тебе и любовь, вот тебе и счастье, ради которого она проехала тысячи километров, а в конечном итоге оказалась в Собачьей слободе, когда ее по-

перли с работы, выбросили из квартиры за долги, и она осталась у разбитого корыта. Первое время еще пыталась судорожно удержаться за городскую жизнь, но с каждым днем надежды таяли, с каждым разом она всё чаще видела донельзя шкалика, куда привыкла заглядывать, и еще неизвестно чем бы закончилась ее жизнь, если бы одна сердобольная старушка не увела за собой пьяную Таньку в Собачью слободу. Так Танька оказалась здесь...

И сегодня утром, когда она торопилась по городским улицам на овощную базу, где можно было немного подработать, неожиданно ткнулась в спину мужчины, который шел под руку с расфуфыренной девкой. Танька что-то пробормотала под нос, и уже прошла мимо них, как услышала знакомый голос — это был голос того парня, из-за которого она потеряла не только голову, но и всё, что имела, но повесили на шею его долги, которые тяжким грузом легли на ее плечи, которые пришлось отрабатывать не лопатой и кайлом, а передком. Ей повезло, что наткнулась на старушку и та увела с собой, а куда исчезли ее товарки, с которыми работала, — никто не знает и она тоже...

— Ты? — она развернулась. — Это же ты — сволочуга! Я твой голос узнаю из миллиона. Паскуда!

И не удержалась, врезала по носу своему счастью, который ее обобрал. Брызнула кровь. Жизнь в детдоме и Собачьей слободе всему научила, и постоять за себя — тем более. И она с размаху врезала промеж ног. Парень упал. Девка завизжала и кинулась прочь, и кричала, чтобы вызвали милицию. Милиция приехала быстро. Таньку забрали. А что с нее взять — слободской? И тут Танька разревелась. Знакомому капитану рассказала, что произошло. Почему она кинулась на него. Ведь по его вине она стала такой. Всю жизнь сломал, а сможет ли встать на ноги — она не знала. Капитан не перебивал. Он слушал. За день много всяких историй наслушаешься, а вот Танькина чем-то его задела. Ведь еще совсем молодая, а уже на дне этой самой жизни из-за подонка. И скорее всего, что обратной дороги у нее уже не будет...

Айда, — он подхватил Таньку, вывел на крыльцо, исподтишка сунул полтинник в карман застиранного халата и толкнул в спину. — Иди отсюда. Иди и старайся не попадаться. Сегодня я помог тебе, завтра меня может не оказаться на работе. Иди отсюда. Хоть хлеба купи, одни глаза остались.

Он снова подтолкнул ее и скрылся за дверью.

И Танька побрела по улице с удивлением рассматривая деньги, которые сунул капитан. А потом заторопилась в окраинный магазин, как называли магазин, который стоял не-

подалеку от Собачьей слободы. Хлеб купила, сильно жрать хотелось, в овощном отделе взяла подвявший огурец, хотела было уйти, но не удержалась, сунулась к водочному, взяла шкалик, бутылку пива и заторопилась на улицу.

Танька сидела на краю пожарной вышки. Душа ныла. Она открыла бутылку. Сделала глоток. Нюхнула корочку хлеба, передернула плечами и поморщилась. Настроение паскудное. Были бы деньги, набрала бы водки и пила бы, пока не отрубилась, лишь бы не вспоминать прошлое. И какого черта ее понесло в город, когда на овощную базу можно было добраться другой дорогой? Могла бы и в слободке остаться. Сюда не от хорошей жизни попадали. Одни сами ломались от житейских проблем, а других сам город ломал. И разогнуться уже не было никаких сил. Одни еще бултыхались на поверхности, стараясь удержаться, а другие смирились, что с ними произошло, и с каждым днем опускались всё ниже, пока не превращались в непонятные существа. Вроде обличье человеческое, а нутром хуже скотины. Даже не скотины — она куда чище, а тут даже не червь или слизняк, а нутро смердящее...

— Тьфу ты! — чертыхнулась Танька. — Чего только в башку не лезет! Так и свихнуться недолго...

Открыла бутылку и снова сделала глоточек.

— Танюха! — снизу донесся голос. — Шкалик, ты наверну?

— Нет, меня нет, — отозвалась Танька. — Здесь никого нет.

— А чьи же ноги торчат? — опять раздался голос, и Танька быстро подобрала ноги под себя. — Ага, меня не проведешь! Опять паскудный настрой, если забралась туда? погоди, сейчас поднимусь.

Танька закурила головой. Не хотелось показывать шкалик. Сунула в карман халата. Сорвала косынку и тоже туда, как бы прикрыла. И хлеб с огурцом в другой карман спрятала. Взяла сигарету. Закурила и принялась чадить вонючим дымом.

Из люка появился Ленька Губин, которого в слободке прозвали Леонтьевым за длинную густую гриву волос. Никто не знал, откуда он взялся, а про себя Ленька не рассказывал. Наверное, как и все, за счастьем приезжал, а оказался тут, на обочине жизни. Вообще Леонтьев был странным человеком. Не пил, как все нормальные люди, а носился с папкой под мышкой и что-то рисовал там, но никому не показывал. Говорил, что ищет себя, а когда найдет, уйдет отсюда. Не в город вернется, а по шпалам отправится по старой дороге, где его ждут на закате дня. И махал рукой в сторону солнца.

Многие жители слободки крутили пальцами у виска. Кто сюда попал, обратной дороги нет. Ну, разве на кладбище снесут, которое находилось неподалеку от них, закопают, и колышек с номером воткнут, потому что почти ни у кого не осталось документов. И получается, вроде есть имя, а после смерти один номер останется от человека. Захочешь проведать и не найдешь. А этот Леонтьев собрался на закат солнца, где, по его словам, стоит Золотой город. Хе-х! Дурачок да и только! И снова крутили пальцами у виска...

— Тань, а что с тобой случилось? Могу ли я чем-то помочь? — Леонтьев даже разговаривал непривычно для обитателей Собачьей слободы. Не матерился, как сапожник, что было более привычно здесь, да и слова мудреные говорил, смысл которых многие не знали, но не спрашивали, чтобы не казаться глупыми, а может, наоборот, засмеяли бы, что городит всякую ерунду. Вот мат — это да! И вдоль, и поперек, и по всем диагоналям можно пройти и направить в дорогу дальнюю, многими хоженую...

— Гада одного повстречала, — неожиданно разоткровенничалась Танька, что даже сама удивилась этому. — Это по его вине я оказалась тут. Ну и того... Как врезала по носу, у него кровь во все стороны брызнула. А его девка орет благим матом. Милицию на помощь звала. Ну и того... Меня забрали. А потом отпустили, когда узнали, что я живу в слободе.

Сказала, но про капитана и деньги промолчала.

Леонтьев молчал. Хмурился. Откидывал гриву волос назад. Смотрел на Таньку, о чем-то думал и молчал.

И Танька молчала. Тоже задумалась. А потом протянула руку к небесам, где появились первые звезды, и на ее ладони загорелась одна. Так она и сидела, словно звезду держала в своих ладонях.

— Понятно, — наконец, сказал он. — А я издалека тебя заметил. Сюда же никто не ходит. Ты да я и всё на этом. Ты приходишь, когда паскудное настроение, как говоришь, а я бываю тут, чтобы порисовать в тишине, чтобы никто не мешал и не заглядывал из-за плеча, мол, а что он, дурачок, малюет тут? Главное для меня, чтобы не лезли. Мне с тобой хорошо. Ты сидишь и думаешь о своем, и я сижу и спокойно рисую. И ты еще ни разу не спросила, что у меня в папке, ни разу не сказала, чтобы показал. Поэтому и общаюсь с тобой.

— А если бы спросила показать, что ты бы ответил? — Танька не удержалась и засмеялась, затрясла гривой волос, которые были не хуже, чем у Леонтьева.

— Даже не знаю... — он пожал плечами. — Я покажу тебе всё, но потом, когда время придет, чтобы отправиться в сторону солнца, где есть город, в котором меня ждут.

И опять махнул рукой.

Другой бы подумал, дурачок какой-то, но Танька промолчала, лишь покосилась на него, и снова взгляд в вечернюю степь.

Таньке нравилось приходить сюда. Здесь было тихо. Лишь ветер гудел в пустых глазницах окон да завывал наверху, когда она забиралась туда и усаживалась на краю. День ли, ночь глухая, или раннее утро, она могла подхватиться и шагать туда по степи. Заберется и смотрит на степь или в небо уставится. А со шкаликом в кармане вообще было хорошо. Плоточек отопьет, закурит и смотрит в дали дальние и мечтает: когда-нибудь не удержится, соберется и отправится по шпалам старой железнодорожной ветки. Правда, в слободе говорили, будто некоторые хотели уйти отсюда и даже отправлялись по шпалам, но к вечеру или на следующее утро они возвращались. А спроси у них, что вернулись? Они лишь рукой махали. Конца и края этой дороге нет. Идешь, а перед глазами одни шпалы мелькают и тишина такая, аж в ушах звенит. Страшно становилось, что уйдут, а на обратную дорогу сил не хватит, чтобы вернуться. И они торопились обратно — лучше жить в сарае или собачьей будке, чем дотянуться до небес.

Конечно, можно было прожить в Собачьей слободе, где всё было знакомо и все знакомы. И каждое новое лицо тут же замечали. Даже на постой пускали, как когда-то старуха пустила Таньку, но потребовала, чтобы она приносила продукты, а то на одну пенсию не разгуляешься, и кивнула на топчан, где она будет спать. Документов не было, чтобы устроиться на работу, и ей приходилось каждый день ездить на базу, где можно было подработать. И Танька приносила продукты. А для себя выкраивала шкалик, поэтому и прозвали ее так — Танька Шкалик.

А когда бабка померла, Танька стала полноправной хозяйкой этого сарая. Были желающие отобрать ее жилище, но Таньку не проведешь и не напугаешь. Схватила арматуру, когда нагрянули захватчики, и устроила бойню. Бабу лучше не злить — это тигрица, которая любого порвет. С такой ни один мужик не справится. И нарвались. Так отходила арматуриной, что едва оторвали ее от захватчиков, а то бы покалечила. Стой поры никто не совался. Едва про нее начнут говорить и сразу крутят у виска — баба-дура, лучше не связываться, пока не покалечила. И отходили, чтобы под горячую руку не попасть...

Танька сидела на краю вышки. Рядом примостился Леонтьев. Открыл папку, где были листы бумаги и что-то чиркал там. Взглянет на нее, словно рентгеном просвечивал, и

снова рисует. Опять посмотрит и уткнется носом в папку. Таньке хотелось взглянуть, но в то же время она привыкла никуда не совать нос. Не верь, не бойся, не проси, как привыкли жить тут.

Говорили, что очень давно здесь появился человек. Он пришел не из города. Вообще никто не знал, откуда он и как его зовут. Человек, и всё на этом. Поставил небольшую будку и стал жить. Вода под боком. Рядом было степное озеро. Мелкое и теплое, в нем даже рыба водилась.

Человек остался жить в этих местах. Вскоре неподалеку появилась еще одна будка, а чуть погодя к нему сразу несколько пришли. Хотели забрать готовое жилье, а Человек не дал это сделать. Встал на их пути. Не испугался. Сами ставьте, если хотите жить, а нет, так уходите и больше не появляйтесь. Те помахали руками, погрозились и принялись за работу. А за ними потихонечку стали тянуться другие люди, кого город выплюнул.

И все обращались за советом к этому Человеку, который часто уходил к железной дороге, садился на камень, что лежал на рельсах и начинал петь, посматривая вдаль, где рельсы уходили за горизонт и упирались в заходящее солнце. И было видно: он многое повидал в этой жизни и всё хотел найти свободу, и говорил, что когда-нибудь отправится за ней. А где твоя свобода, Человек? Не знаю, он пожимал плечами. Придет мое время, и я стану свободным человеком. И опять начинал петь странные песни, словно ветер завывал в степи, словно ковыль шелестел неподалеку или шуршал камыш на берегу озера. Странные песни были, непонятные для одних, а другие умолкали, вслушиваясь в его пение...

Танька знала Человека. Правда, он был древним стариком, когда с ним встретилась. По дороге шла и показалось, кто-то поет. Остановилась. Прислушалась. Нет, ветер завывает да ковыль шелестит. Едва шагнула, опять голос послышался. И снова ветер загудел. Она закрутила головой. Испугалась. В степи тишина, а будто ветер гудит. Пошла на звук и увидела его — этого старика, который сидел на камне, смотрел на блестящие рельсы, что уводили в дали дальние, и о чем-то пел, почти не открывая рта. А ей казались звуки ветра и шорох ковыля в степи, а там камыш зашумел, и какая-то птица закричала. Она вскинула голову. В вечернем небе никого не было, как не было и ветра, и шороха. Танька подошла к старику. Ни слова не сказала, а просто присела рядом с ним и молчала, тоже смотрела в дали дальние, где садилось солнце, и в нем исчезали рельсы старой дороги. Так

они просидели до первых звезд. Потом старик поднялся. Долго смотрел на нее, словно в душу заглядывал, а потом махнул рукой.

— Скоро я обрету свободу, — сказал он. — А ты уходи в сторону солнца. Уходи и ничего не бойся. А здесь сгинешь, как другие сгинут, и останутся одни цифры вместо имен, но и они вскоре исчезнут, даже памяти не оставляя о тех, кто лежит в земле.

И потихонечку зашагал по дороге.

— А как тебя зовут, старик? — Танька глянула ему вслед.

— Имя мое — Человек, — не оборачиваясь, сказал он.

И Человек ушел.

А Танька еще долго сидела на его месте и думала над его словами. А потом поднялась и тоже зашагала в слободу.

А вскоре старика не стало. Два или три дня прошло, как разговаривал с Танькой, а потом пропал. Здесь не привыкли интересоваться, куда ушел или чем занимается. Но старика нет и нет. Сунулись в жилище — пусто. И тут Танька помчалась к железной дороге, словно почувала. И правда, старик сидел, привалившись к камню, голова запрокинута и взгляд в небеса. А взгляд словно живой. Будто хотел сказать: вот я и нашел свободу от жизни земной. Похоронили быстро. Здесь не принято долго держать, да и не было смысла. Все уйдут в мир иной и не нужно их задерживать. А когда закопали и воткнули колышек с цифрами, Танька выдрала его, нашла кусок фанеры, прибила и крупно написала — Человек. И все, кто мимо проходил, знали, что здесь покоится старик или Человек, как привыкли его называть в слободе...

— Что молчишь, Тань? — сказал Леонтьев. — Уставилась в одну точку и молчишь.

Он прикрыл папку с рисунками.

— Человека вспомнила, — вздохнула она. — Хороший был, справедливый. Все к нему шли за советом. А теперь каждый для себя живет.

Сказала и опять завздохала.

— Я слышал о нём, но уже не застал, — сказал Леонтьев. — Даже табличку видел на кладбище. Сказали, ты написала.

— Да, я написала, как представила, что колышек сломается, и он исчезнет, — нахмурилась Танька. — Пусть память о нем останется. Давай помянем...

Она достала из кармана шкалик. Открыла его. Сделала глоток. Передернулась. Занюхала коркой хлеба и протянула Леонтьеву.

— Я же не пью, — сказал Леонтьев. — Да и не умею.

— Выпей, Лёнька! — снова ткнула шкалик Танька. — За хорощего человека грех не выпить.

Леонтьев взял шкалик. Покрутил в руках. Потом снова вернул.

— Нет, Тань, не буду пить, — он замотал гривой волос. — Лучшее его в памяти сохрани. И когда будет паскудное настроение, вспомни о нем, а не водкой поминай. Бывает, я захожу в его жилище. Сяду за стол, где он сидел, и молчу. Слушаю. И порой чудится, что слышу голос Человека. Иногда вопросы задаю и кажется, будто он отвечает мне. Вот так в полнейшей тишине посидим и поговорим с ним, а потом оставлю что-нибудь из еды на столе и уйду. А приду в следующий раз, ни одной крошки нет. Видать, принял. И снова долгие разговоры в тишине. Кому сказать, дурачком называют. Ну и пусть. Главное, что Человек учит меня правильно жить.

Сказал, оглянулся на слободу и заулыбался, словно Человека увидел, а потом нахмурился и усталил взгляд в пол.

Танька забрала шкалик. Тоже покрутила его в руках. Если бы не было Леонтьева, она давно бы допила его и выбросила. Внизу была яма. И Танька всегда старалась попасть пустой бутылкой в нее. А теперь... она еще раз посмотрела на шкалик и незаметно сунула в карман. Решила допить потом.

Они сидели и молчали. По небу местами тянулись перистые облака. Горизонт был затянут вечерней хмарью. И казалось, будет дождь. Ан нет, это сумерки опустились на землю. Еще немного и наступит ночь. Здесь и ночами было интересно. Над городом словно купол световой установили. Ярко светится, а от этого тьма еще темнее становится. В лунном свете серебрятся две тонкие нитки, теряясь в стороне горизонта — это рельсы поблескивают от железной дороги. И небо сплошь усеяно звездами. Сколько их — не счесть! Танька однажды попробовала пересчитать, когда осталась со шкаликом на площадке. Долго считала. Сбивалась и снова начинала считать. И не заметила, как уснула. И до утра снились ей звезды. Разные. И большие, и маленькие, а некоторые подмигивали, словно здоровались. А утром проснулась и впервые за долгое время на душе была тихая радость, словно она дотянулась до небес и прикоснулась к чему-то потаенному, одной ей известному, и от этого было тепло...

— А хочешь прогуляться по шпалам? — неожиданно сказал Леонтьев и сам испугался своей смелости, но отступить было некуда да и поздно. — Под вечер пошли бы навстречу солнцу. Рельсы словно золотые, ковыль серебрится, и мы идем. А если приложить ухо к рельсам, можно услышать шум поездов, которые раньше тут проходили. Пойдем, а?

Он покосился на Таньку.

А Танька расхохоталась. Взглянула на него и снова закатилась. А потом резко оборвала смех и нахмурилась.

— Что, на свидание приглашаешь? — как-то медленно сказала, словно слова из себя выталкивала. — По шпалам прогуляться. Рельсами полюбоваться. И на серебристый ковыль посмотреть? А что дальше? Чтобы ты меня в этом самом серебряном ковыле поймел? Да пошел ты отсюда, сволочуга! И ты такой же, как остальные. Пшел вон!

И пнула его ногой.

Леонтьев растерялся. Он не знал, почему взбесилась Танька. Здесь же никто о себе ничего не говорит. Аж в душе зажгло, когда его оттолкнула.

— Тань, да ты что... — растерянно сказал Леонтьев. — Ничего мне не нужно от тебя. Правда, я же просто хотел с тобой погулять. Я всегда один ходил. А вдвоем все же веселее. Тань, ты чего, а?

Он не знал, что делать. Танька сидела, отвернувшись, и молчала. Он дотронулся до плеча. Она скинула его руку и опять ругнулась. Он долго стоял возле нее, а потом медленно спустился и, пожимая плечами, направился в Собачью слободу..

Танька достала шкалик. Прислушалась. Было слышно, как Леонтьев спускался по лестнице, о чем-то бормоча под нос. Вскоре шаги затихли. Танька подобрала ноги, чтобы он не заметил ее. Прижалась к бордюру на крыше. На душе было тошно. Опять появилось паскудное настроение, когда злилась на всех и вся, а сейчас еще и на себя из-за этого Ленки Леонтьева. Что с него взять? Дурачок, как считали в слободе. Ну что он мог бы сделать с ней в этих ковыльных степях? Да ничего! Он, наверное, и с бабой ни разу не спал, а она его послала куда подальше. Это, наверное, со старых времен осталось, когда над ней изгалялись за долги ее парня. У, как же она любила его! А в итоге оказалась в Собачьей слободе. Это он, сволочуга, виноват, что с ней произошло. Ладно, бабка встретилась, которая увела к себе, а то и правда, неизвестно, где бы она сейчас была. А то бы прикопали где-нибудь в степи, и никто бы не узнал, где могила моя.

Танька всхлипнула. Жалко стало себя. Приложилась к шкалику. Выпила немного. И снова мысли то в прошлое затягивали, но в настоящее, а про будущее старалась не думать. Будущее находилось рядом со слободой. Кладбище, где хоронили не только городских, но и их тоже. Еще ни один не вырвался из слободы. Кто попал сюда, здесь и найдет свое последнее пристанище.

Нет, она не могла сказать, что в слободе жили бомжи. Эти бомжи искали полегче жизнь и старались осесть снова в го-

роде. В колодцах жили, на заброшенной фабрике, еще где-то... Они словно тараканы расползались по городу, копаясь в мусорках, лишь бы чем поживиться, и жрали тут же, где нашли, а потом тащили за собой свои коляски, груженные вещами, и опять ныряли в мусорные баки. И так всю свою оставшуюся жизнь...

Всё же жизнь в слободе была куда лучше, чем у бомжей. У них хоть крыша над головой. Даже жрать готовили. Одни на костре варили, а другие в печках. И зимой топили печи, лишь бы не замерзнуть. Всякое бывало. Все равно замерзали или травились угарным газом или какой-нибудь отравой, а то в драке порезали или башку проломил. Тогда приезжала милиция и начиналась проверка. Танька в такое время старалась скрыться. Прошмыгнет за сарай и бегом к пожарной вышке. Заберется и лежит, пока милиция не уедет и с собой не позабирает подозрительных. Но все равно отпускали. День-другой подержат, и вали отсюда, пока мы добрые. И жизнь в слободе продолжалась, как ни в чем не бывало...

Танька снова приложилась к шкалику. Побултыхала. Мало осталось. И снова мысли к Леонтьеву вернулись. Может, зря его обидела? Не от мира сего он. Ну какой нормальный человек будет носиться с папкой весь день по степям или сидеть на пожарной вышке и что-то чиркать на бумаге? Только дурачок на это способен. Есть и пить забывает, когда занимается своими почеркушками. Он рядышком живет. Угол снимает у такой же старухи, к какой Танька попала. Та первое время заставляла приносить жратву или деньги, а к зиме дровами запастись, а Леонтьеву бесполезно говорить. Башкой мотнет и снова уткнется в свою папку. Старуха измучилась с ним, а потом махнула рукой. Ладно, живи, придурошный.

Танька к утру вернулась в свое жилище. Сунулась на топчан и уснула. И снова приснился сон, будто она шагает по шпалам, а рельсы словно золотом горят, и ковыль серебрится, а солнце низкое, глаза слепит, и Танька знает, что там ее ждет необыкновенная жизнь. И она торопится, а ноги не идут, будто связанные. Она рукой срывает путы с ног и мчится навстречу ветру, навстречу солнцу и той самой жизни. И проснулась от солнца, которое светило в глаза через небольшое окошечко. Она зажмурилась, а потом засмеялась, и на душе у нее было светло, и еще была какая-то радость, как тогда, когда она увидела сон про звезды, которые ей подмигивали. И ей стало на душе тепло...

— Как дела, Васька? — она потянулась в проеме двери. — Что готовишь?

Сказала она длинному худому мужику, который сидел возле костра, помешивая в старой кастрюле половником.

— На рыбалку ходил, — буркнул он, немного зачерпнул и попробовал, зачмокал. — Эх, лаврушечки бы сюда, да ладно, и так сойдет. Ушицу будешь, Тань?

— Буду, если нальешь, — засмеялась Танька, и сосед удивленно посмотрел на нее. Такое редко бывало, чтобы она смеялась. Больше рыкала на других и, чуть что, хваталась за арматуру, что всегда была под рукой. А сейчас... Он мотнул головой. — Тащи посудину. Угощу от души.

И снова Танька засмеялась, нырнула в свою конуру и подставила ему глубокую эмалированную чашку с побитыми краями.

Сосед чуть ли не всклень налил ей, зачерпывая гущу со дна.

Она уселась тут же на пороге своего жилища и принялась шумно хлебать горячую уху. Такое редко бывало, чтобы она с утра садилась поесть, а сейчас... Сама удивилась, с каким удовольствием наворачивала уху, выплевывая мелкие косточки.

— Оставь посуду, — не глядя, сказал сосед. — Потом песком продраю на озере. Ты пойдешь в город, Танька? Прихвати дешевых сигарет. Сейчас мелочишку подсчитаю.

Сказал и полез в карман.

— Сама возьми, — отмахнулась Танька. — У меня сегодня настроение хорошее.

И опять засмеялась. Потом достала помятую пачку дешевых сигарет. Себе вытащила, парочку отдала соседу. Закурила и запыхала вонючим дымом.

Она до вечера бродила по улицам города. Смотрела на лица людей, но не видела на них счастливых улыбок. Чаше встречала хмурые взгляды, когда они смотрели на нее, а потом снова свои взгляды в землю.

— Ну и как, нашла счастье в жизни? — навстречу шла знакомая, с которой жили в общежитии, когда приехали в этот город счастья. — Много его тут?

И Танька обвела рукой окоем.

— Больше потеряла, чем нашла, — буркнула знакомая. — От зари и до зари, как каторжница, от темна и до темна, как хотят, так и имеют. Вот это счастье, за которым сюда мчалась. Обратного бы вернуться, но поздно. Увязла по уши. Того и гляди, окажусь в вашей Собачьей слободе.

Она махнула рукой и тоже — взгляд в землю.

— А ты не бойся слободы, — сказала Танька. — Нужно посмотреть.

И она пошла дальше.

Знакомая долго смотрела вслед, словно решалась, пойти за ней или остаться в этом городе счастья, которого тут днем с огнем не найдешь, а потом тоже зашагала своей дорогой, чтобы когда-нибудь, но все же оказаться в Собачьей слободе, когда город ее пережует, вытянет всё, что можно, а потом выплюнет на обочину жизни.

Танька купила в окраинном магазине булку хлеба, консервы, которые никогда не портятся, взяла макароны, соль и перец, вспомнив про соседа, взяла несколько пачек дешевых сигарет и, как обычно, шкалик. Постояла. Подумала и взяла еще один, а в придачу горсточку карамелек, что бывало очень редко. И направилась в слободу.

Нет, она не воровала и не просила милостыню. Она работала в городе. То на рынке листовки раздавала, но в магазинах, а бывало, что и за грузчика прирабатывала. Другие никуда не ходили, а больше жаловались на свою жизнь и всё чаще прикладывались ко всему, что горит, чтобы с каждым разом опуститься всё ниже и ниже, превращаясь из человека в непонятное существо со смердящей душой.

Она отдала сигареты, соль и перец соседу. Сказала, что в следующий раз тоже не откажется от его ухи. Оставила пакет у себя. Взяла шкалик, сунула несколько карамелек в карман, кусок хлеба и огурец и зашагала к камню, где раньше сидел Человек, который говорил о своей свободе. Что-то вспомнился сегодня...

В степи тишина, если можно было так назвать порывы ветра, посвистывание сусликов, шорох ковыля и крики птиц, которые кружились в вечернем небе.

Татьяна добралась до железной дороги. Камень нагрелся за день, а ей казалось, будто Человек сидел на нем и только что куда-то ушел. Чувство было столь сильное, что она оглянулась по сторонам, но вокруг ни души.

— Наверное, его душа приходит на это место, — невольно пробормотала она, уселась, прижавшись к теплому камню, и достала шкалик и стакан. — Обрел ли ты свободу, Человек?

Сказала она, взглянув в темно-синие небеса. Налила немного в стакан и поставила на камень. Сама же сделала из горлышка глоток, передернула плечами, прислонилась к теплому камню и задумалась, поглядывая на позолоченные рельсы, что вводили к закатному солнцу.

Человек многие годы приходил сюда. О чем думал — неизвестно. А рельсы казались ему дорогой в другую жизнь, где всё другое, а люди тем более. Наверное, он мечтал, что когда-нибудь придет время, и он уйдет по этим шпалам в новую

жизнь, где не будет забот, нет зла и насилия, а есть счастье, за которым все гоняются, а найти не могут. И начинают других винить в этом. И с каждым днем всё больше и больше и всё чаще заглядывать в рюмку, после которой люди становятся счастливыми, не понимая, что это счастье всего лишь на мгновение, а потом наступит горькое похмелье и мир покроется черными красками. И так пока снова не похмелится. И опять мир вспыхнет разноцветьем. И так будет длиться до тех пор, пока человек не опустится на самое дно этой самой призрачной счастливой жизни. Опустится, чтобы никогда уже не подняться...

— Тьфу ты, всякая дрянь в башку лезет! — зачертыхалась Танька, достала шкалик, открыла, поднесла ко рту и застыла: а вдруг и правда то, что в башку взбрело? И тогда я окажусь на этом самом дне, откуда уже не выберусь. Ай, ну и ладно, все равно не видела эту настоящую жизнь. Лучше подохнуть, а в какую землю закопают — мне плевать. Пусть призрачное счастье, зато мое. И сделала глоток. Вздрогнула и сморщилась. А потом вдруг вспомнила слова Человека, когда его спрашивала, почему же ты не уходишь отсюда, если знаешь, что там есть счастье? А он сказал: зачем мне одному это счастье? Его нужно делить на двоих. И когда ты увидишь, что счастлив твой человек, значит, и ты будешь счастливой. Вроде понятно сказал, а в то же время слишком путано. Счастье заключается в том, чтобы сделать счастливым другого человека. А если его мало и одной не хватает, тогда почему я должна с кем-то делиться? А Человек говорил: один не бывает счастлив. А счастлив тот человек, который может им поделиться с другими и ничего за это не попросить. Вот и пойми его. Странно и непонятно...

Она снова взглянула в вечернее небо.

— Человек, неужели за свою долгую жизнь, ты не нашел такого же, чтобы с ним разделить счастье? — она продолжала смотреть в редкие облака, и порой казалось, что она видит лицо Человека. И тут же начинает мотать головой. — Чего только не покажется. Ты же говорил о счастье, а почему ждал свободу? Хотел стать свободным. От чего, объясни мне. Разве свободный человек может быть счастлив, если он один в этой жизни? Или, наоборот, когда человек счастлив, как он может стать свободным, если он не один? Видишь, сколько вопросов к тебе, а ты молчишь. Хоть бы знак подал...

Донеслись шаги. Она уже знала, кто сюда идет. И правда, подошел Леонтьев со своей неизменной папкой. Присел рядом с ней. Танька не стала его прогонять. Он молча сидел и смотрел на золото рельс, что тянулись в сторону горизонта и

упирались в вечернее солнце. Смотрел и думал, и по его взгляду было видно, что в мыслях он далеко... И была бы его воля, он бы поднялся и зашагал навстречу закатному солнцу...

Танька молчала. Изредка доставала шкалик, делала глоток и снова задумывалась. О чем, казалось, можно думать, когда в кармане шкалик и закуска? Ан нет, она думала о жизни. Вспоминала прошлое, когда после детского дома, куда ее забрали от пьяных родителей, она дичилась всех, схватив какую-то куклу, которую так и не смогли отобрать у нее воспитатели. И драки, когда рядом не было взрослых. Она кидалась на всех, если покосились на нее и, не дай бог, что-то сказали обидное. Так и росла дичком, пока не выпустилась.

Наверное, всё руководство вздохнуло от радости, когда она вышла за ворота. Вышла и не знала, куда податься и чем заниматься. Долго бродила по улицам, неприспособленная к настоящей жизни. В детдоме худо-бедно, но кормили, а здесь нужно было самой заниматься хозяйством. Да и вообще всем, что есть в жизни.

Танька вспомнила про родителей. Приехала, а их давно в живых нет, как не было и дома, в котором они сгорели. Сказать, что расстроилась, она не могла. Она не помнила ничего хорошего из той жизни, когда жила с родителями. Пьянки, драки, милиция. И однажды она проснулась оттого, что какой-то дядька пытался ее поцеловать, а сам задирает одежду на ней. Испугалась. Слюнявый рот, перегар и кривой сизый нос. И она цапнула за него своими острыми зубами. Так хватанула, что кончик носа остался во рту, и еще помнила, как кровь брызнула, и громкий рев, и матюги. И опять драка. Снова милиция, которая увидела ее окровавленное лицо и мужика, у которого был откушен кончик носа. Так она попала в детдом...

Выйдя из детдома, Танька первые дни ночевала, где придется. Ела, что попало. А потом встретила знакомую девочку, которая рассказала о городе, где люди живут и горя не знают, и она собирается туда, вот только денег немного подкопит и уедет. И Танька на последние деньги взяла билет и поехала в этот город, где счастливые люди живут. Поехала, чтобы найти свое счастье в этой жизни...

Танька вздохнула, вспоминая прошлую жизнь. Огляделась. Солнце почти скрылось за горизонтом, а золотые рельсы будто упирались в него или, наоборот, скрывались в нем. Покосилась. Леонтьев сидел рядом с ней и, казалось, ни разу не шелохнулся и продолжал смотреть в сторону солнца, а по глазам было видно, что в мыслях он где-то очень и очень далеко. Наверное, в том городе счастья, о котором постоянно говорил...

Она поднялась и зашагала в слободу. Узкая тропка, по которой изо дня в день ходил Человек, не зарастала, словно он вчера был тут, а может, и сегодня его душа бродила по знакомым местам и присаживалась на камень, а потом снова отправилась в далекий путь.

Танька не заметила, как добрела до его жилища. После его смерти, или свободы, никто не посмел занять жилище, где он прожил всю свою жизнь, когда первым из всех пришел сюда и поставил его. Никто не знал, откуда он родом и сколько ему лет. Человек и Человек, да еще стариком называли за глаза, но с почтением говорили, и было понятно, что речь идет о нем.

Танька постояла возле прикрытой двери. Не понимала, как и для чего оказалась тут. Нерешительно приоткрыла. Вошла и застыла, прислушиваясь к каждому звуку. Казалось, в жилище кто-то есть. Здесь не было затхлого воздуха, не пахло тленом, как обычно бывает, если человек умирает, не было той запущенности, когда в помещении никто не живет. Но здесь было ощущение Человека, словно он сидит возле стола и смотрит на нее.

— Человек, ты здесь? — нерешительно сказала она, понимая, что его не должно быть тут. — Человек, отзовись...

Но стояла тишина, лишь с улицы доносились голоса слободчан, а потом показалось, что по жилищу скользнул едва уловимый сквознячок, хотя дверь была плотно закрыта.

— Человек, скажи, что мне делать? — запнувшись, сказала она. — Ведь ты же знаешь, что отсюда всего лишь один путь — это кладбище.

Что-то скрипнуло.

Танька вздрогнула и невольно стала оглядываться, пытаясь в темноте рассмотреть жилище.

— Человек... — она тихо произнесла, потом постояла, достала сигареты и шкалик... И тут ей показалось, будто Человек сказал... Нет, даже не сказал, а словно выдохнул:

— Уходи отсюда, пока душа светлая... уходи туда, где солнце...

Танька прислушалась, но стояла тишина. Видать, почудилось...

Она вышла на улицу. Плотно прикрыла дверь, чтобы никто не заходил и, задумавшись, направилась к себе.

— Танька, жрать будешь? — сказал сосед, заметив, как она шагала к жилищу.

Но Татьяна не заметила его. Мимо прошла. Захлопнула дверь за собой, завалилась на старый топчан, отвернулась к стене и притихла.

— Тань... Шкалик... Танька... — ее несколько раз оклика-ли соседи, но она молчала.

Танька вспомнила слова Человека и думала: почудилось ей или это было на самом деле? И не заметила, как уснула.

Она очнулась от стука. Открыла глаза. Светло в жилище. С улицы доносились голоса, смех, а там пьяная ругань. Всё, как всегда. Всё, как обычно. Она потянулась к сумке, доста-ла шкалик. Открыла его. Подержала в руках, а потом отста-вила в угол. Уселась на топчане, когда опять раздался стук.

— Кого принесло? — хотела она рыкнуть, но голос был ус-тавший, словно всю ночь вагоны разгружала. — Заходи, что топчешься?

Заскрипела дверь. Заглянул сосед, которому она сигареты да всякую мелочь принесла.

— Танька, жрать будешь? — он заулыбался редкими про-куренными зубами. — Уху сварганил — закачаешься! И пер-чик, и лавруха — страсть, как вкусно!

Она смотрела на него и молчала.

Сосед затоптался, зная ее характер. Вон арматурина под рукой лежит. Врежет и мало не покажется. Наверное, зря за-шел, как бы того... И он стал пятиться к выходу.

— Нет, Васька, ничего не хочу, — как-то уставши, сказала она и опустила ее плечи. — Вот скажи, Васька, так может быть, что человека схоронили, а ты разговариваешь с ним, словно с живым. Его не видишь, а голос слышится?

Она подняла голову и посмотрела на соседа, а взгляд боль-ной и тоскливый.

— Бывает, Танька, это точно, — заторопился Васька. — Я же в деревне родился. И моя бабка часто говорила, что ви-дела нашего деда. И расписывала, будто гуляла с ним по цветущему лугу, а он всё с собой звал ее. А бабка знала, что деда давно уж нет, и отказывалась. А однажды моей мамке говорит, что ее дед ждет, и она собирается уйти к нему. Мать отмахнулась: мол, чудишь, старая. Спать легли, а утром бабка не поднялась. Подошли, а лицо светлое такое, словно она чему-то радовалась. И, помню, мать сказала тогда, что она к деду своему ушла. Вот и получается, что живой чело-век слышит голоса ушедших в мир иной и даже разговари-вает с ними.

Танька долго молчала. Смотрела в окно, на соседа, и снова взгляд в пол.

И Васька стоял и не знал, что делать. Уйти, а вдруг хуже для себя сделает. А стоять, кто знает, что у Таньки на уме. Взъерепенится, тогда беги со всех ног, пока кренделей не вы-писала своей арматуриной.

— Васька, вот скажи мне, в чем заключается счастье?

Сосед чуть было не грохнулся, когда услышал вопрос. Не иначе Танька белочку поймала. Но вроде не видно по ней. А может, голоса наговорили?

— Ну, как сказать... — Васька соображал, как ответить. — Счастье — это такая штука, что сразу и не скажешь. Оно бывает разным. Я вот на прошлой неделе нашел столбик — у, как обрадовался! Ну, думаю, счастье подвалило! Понабрал выпивона, закуси. Всех угощал. А утром едва голову поднял, так она трещала с бодуна. А моя Верка нашла помаду. Видать, какая-то баба обронила. А у Верки радости полные штаны. И это называется счастье?

— Ну, а со своей Веркой ты счастлив? — не отставала Танька. — Жена твоя, как говоришь.

Васька вообще растерялся. Еще про любовь бы заговорила!

— Не знаю, Танька, — он пожал плечами. — Живем и живем. Жалко, боженька детишек не дал. А то глядишь, по-другому бы жили. Наверное, это и есть счастье, когда для других живешь, а не только себе. Ты у бабки Евдохи с дедом Петром спроси. Они всю жизнь вместе живут. И везде вместе ходят. Их даже прозвали интересно. Как это... Ну, как же? А, вспомнил! Ромео с Джульеткой. О, как! А кто такие — не помню. Наверное, счастливыми людьми были...

Сказал и замолчал.

И Танька молчала, думая над его словами.

Васька долго топтался возле двери, а потом потихонечку выскользнул и заторопился к себе, услышав голос жены.

Татьяна появилась на улице. Хмурая. Неразговорчивая. Ни на кого не глядя, она не пошла в город, а направилась к пожарной вышке. Значит, у нее опять паскудное настроение. Теперь будет сидеть на вышке. И что ее тянет туда — никто не знал. Главное, чтобы ей под руку не попасть. И сторонились, лишь бы не попасть навстречу. Вроде девка, но даже мужики опасались этого паскудного настроения.

А она шла и никого не замечала. Всё казалось, будто слышит голос Человека. Кинулась было к его камню, где он просидел долгие годы, но увидела, что никого нет, и зашагала по тропке к пожарной вышке, чтобы забраться на нее и подумать. О чем? Да все о том же — о жизни, а еще о счастье, о котором он говорил, и попытаться разобраться в его хитро-сплетённой речи...

Танька шагала, опустив голову. Она не боялась споткнуться. Эту дорогу знала наизусть. Видать, слишком часто у нее было паскудное настроение, если могла пройти ночью и не споткнуться.

Да, на вышке ей думалось хорошо. Никто не будет стоять над душой, никто не полезет в душу и не начнет в ней копаться своими грязными лапами. Не руками, а именно лапами, потому что только такие могут соваться в чужие души и там напакостить.

Она привычно сунулась в карман, чтобы достать шкалик, и тут вспомнила, что оставила его в жилище. И не только его, даже сигареты остались лежать на топчане.

— Тьфу ты! — она зачертыхалась, оглянулась на свободу, вернуться или нет, а потом махнула рукой и зашагала дальше. — Не подохну. Вот уж точно — паскудный день и настроение такое же. Тьфу ты!

Она снова чертыхнулась.

Здесь она тоже протоптала тропку к вышке, как и Человек к своему камню. Они были чем-то похожи, и в то же время настолько разные, как небо и земля. Он уходил к камню и весь день просиживал, о чем-то думая. А спроси у него: Человек, о чем твои думы? Он посмотрит, словно в душу заглянет, одно-два слова скажет, а то и вовсе промолчит, и снова взгляд в сторону солнца. Наверное, они в этом были похожи друг на друга — в молчании и думах, а еще в одиночестве.

Она издалека заметила, что на вышке кто-то сидит.

— И сюда добрались, — рыкнула Танька. — Ничего, сейчас покажу свое паскудное настроение. И ступени не понадобятся, чтобы на землю спуститься.

Она закрутила головой. Подхватила палку, что валялась на обочине и заторопилась к вышке. Подошла. Прислушалась. Показалось, кто-то поет. Танька мотнула головой. Нет, всё же показалось. Ветра нет, но оттуда несется шум, словно камыш шуршит, а сейчас ковыль в степи запел. Она невольно оглянулась и опять пожалела плечами. Ковыль стоял поникший. Так раньше пел только один — Человек. И сейчас его песни раздаются сверху.

«Да ну, не может такого быть», — отмахнулась она, прислушиваясь к звукам, а потом стала быстро подниматься по старым ступеням. И с каждым пролетом лестницы звуки становились все громче. Последний пролет она словно на крыльях пролетела и, схватившись за край, появилась на площадке и с недоумением посмотрела на Леонтьева, который сидел на краю вышки, что-то рисовал на листке и напевал. Напевал так, словно Человек был перед ней.

— Ты что приперся сюда? — взвилась Танька. — Тебе мало места в степи? Обязательно на мою вышку нужно лезть? Не зли меня, Леонтьев! У меня сегодня паскудное настроение. А ты знаешь его. Собирай манатки и вали отсюда, пока не выкинула тебя.

Она хмуро смотрела на Леньку, который стал торопливо укладывать свои вещички, рисунки и карандаши. И, не дожидаясь, когда она добавит для скорости, спотыкаясь, стал быстро спускаться с вышки.

Танька не успела сесть, как в глаза бросился листок бумаги, прижатый камнем. Может, он прижал, чтобы не сдуло сквозняком, а может, случайно под камень попал, и он не заметил. Танька потянулась и вытащила лист бумаги. Сначала с недоумением смотрела на него, а потом оглянулась и принялась смотреть в разные стороны, пока не заметила рельсы, что тянулись в сторону солнца. Она снова взглянула туда, потом уткнулась в лист бумаги, на котором был профиль девушки, и она неожиданно узнала себя в ней. Задумчивый взгляд, такой бывает, когда она смотрит с вышки и думает о чем-нибудь, вытянутая рука, а на ладони светится первая звезда, несмотря, что еще солнце не зашло, а в небе уже появились первые звездочки. И Танька любила протягивать руку, и словно на ее ладони оказывалась звезда. И здесь было так же. А вдали на рисунке заходящее солнце. Казалось, можно обжечься, если дотронешься. И на его фоне едва заметен необычный город. Не этот город счастья, куда все слетались, словно мотыльки на свет, и погибали, а другой, и, казалось, она видела его и раньше, но внимания не обращала. И к этому городу на фоне солнца тянулись рельсы. Она узнала их. Это рельсы, где стоял камень Человека, и они упирались в заходящее солнце. А ведь Человек говорил ей, что...

Танька вскочила. Подбежала к раю и увидела, что Леонтьев уже далековато отошел от пожарной башни.

— Леонтьев, Ленька! — она кричала так, что птицы взметнулись над степью. — Ленька, вернись!

Но Леонтьев продолжал шагать по тропке в сторону слободы.

— Ленька, сволота, вернись! — снова закричала она. — Ты знаешь мой характер. Я кому говорю? — она потопталась, глядя вслед, а потом нерешительно, даже не закричала, а едва слышно сказала. — Ленька, вернись, прошу тебя...

Непривычно было говорить ей такие слова. Но Ленька словно услышал или почувствовал их. Остановился. Оглянулся на башню, где на краю стояла Татьяна с опущенными руками и держала его рисунок. И Леонтьев повернул обратно. Медленно шагал, потом всё быстрее и быстрее, и в конце побежал. А когда появился наверху, он впервые взглянул в ее глаза. И не нужно было отворачиваться и бояться, не нужно исподтишка смотреть на Татьяну. Он стоял и глядел в ее гла-

за, и ему казалось, что в них вся огромная степь с необъятным небом отразилась, а еще было что-то такое, от чего ёкнуло сердце и на душе стало теплее...

Они сидели на башне. Много не разговаривали. Больше о чем-то думали. Татьяна взяла папку и долго рассматривала рисунки. Всякие! Но в основном был город. Чудный город, необычный, но в то же время ей казалось, что она видела его, бывала в нем, и от этого на душе становилось светлее.

— Откуда это? — сказала она и кивнула на рисунки города.

— Я бывал там, — покосился Ленька.

— А почему вернулся, если там живет счастье? — опять сказала Танька.

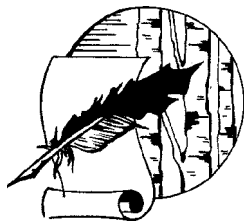
— За тобой пришел, — чуть помедлил Ленька. — Так велел Человек.

Танька не стала спрашивать. Замолчала. Сам расскажет, когда придет время. Она принялась рассматривать рисунки.

А Ленька смотрел вдаль и пел. Пел так же, как Человек когда-то, словно ветер доносит звуки камыша или серебристого ковыля, а сейчас птичка засвистела, и следом опять ветер зашумел, словно раскачивал верхушки растений в степи. А Татьяна не могла оторваться от рисунков. А когда наступил вечер и солнце стало клониться к закату, они спустились с башни и пошли... Нет, они не пошли в Собачью слободу, а зашагали по шпалам в сторону солнца, где должен находиться город, который она видела на рисунках, и про него говорил Человек, что там находится счастье. Но люди в одиночку не бывают счастливы. И они шли, чтобы поделиться друг с другом, а может, еще с кем-нибудь...

У них над головой было вечернее небо и перемигивались первые звезды, и хотелось дотянуться до них, а впереди был город — город счастья...

г. Салават, Башкортостан

Анатолий АВРУТИН

ДОЛГИЙ КРИК

* * *

Еще полчаса до пробудки,
Ещё не румянится даль.
Но мальчик играет на дудке,
И ветер разносит печаль.

Чего это, мальчик, чего ты
Дуденьем встречаешь рассвет?
Струятся печальные ноты
Испуганным птицам вослед.

И птицы от этой погони
Всё мечутся между дерев.
И мальчик их кормит с ладони,
Лепёшку в труху растерев.

Но всё ещё медлит светило,
И всё ещё полутемно.
И кажется — всё это было,
Я всё это видел давно.

И птиц, что с мелодией чуткой
Очнутся в луче золотом,
И этого мальчика с дудкой,
И всё, что случится потом...

* * *

Рудин, Чацкий, Рахметов, Базаров —
Русской классики облик и глас...
Сколько было словесных пожаров,
Сколько диспутов было о вас!

Утопилась в грозу Катерина,
И Каренина шла к полотну...
Всё в минувшем давно, всё едино,
Всё смешалось в картинку одну.

У истории столько изломов,
Столько ужасов, столько пропаж!
Покатил в экипаже Обломов...
Как хоть выглядел тот экипаж?

Вновь Печорин одёрнул тужурку,
И Онегин бредёт среди молвы.
У Ростовых танцуют мазурку...
Позабыты мазурки, увы...

Всё в минувшем давно, всё далёко,
Век железный отправил на слом
Даже чёрную музыку Блока,
Что курсистки вдыхали в альбом.

Не познавшие литературы,
Без души накуражившись власть,
Дети века летят с верхотуры,
Не мечтая в романы попасть.

* * *

Я в Москве... И немножечко странно,
По асфальту неспешно пыля,
Слышать отзвуки речи гортанной
Прямо в центре, напротив Кремля.

Всех пускают сюда? Бога ради!
Но пойми, что у них в голове...
И опасно жмётся к ограде
Русский... В русской столице Москве.

* * *

Начать бы с чистого листа,
Не совершить былых ошибок...
И биография чиста,
И молод... И характер гибок.

Не ту любил... Не так речист...
Не те черты в соседях ценишь...
Здесь бесполезен чистый лист,
Ведь почерк... Почерк не изменишь.

ПЕТРАРКА И ЛАУРА

Было лето... В июле в Италии жарко,
Бог прозрачного неба не хмурил.
И сонеты писал восхищённый Петрарка
О своей недоступной Лауре.

А она, отчего-то грустя между делом,
Не мечтала стать музой поэта.
И лицом хороша, и заманчива телом,
Хорошела в то знойное лето.

Но заботы иные её одолели,
Далека от сонетов Лаура.
Верный пёс околел... Долго дети болели.
Да и муж всё поглядывал хмуро.

Что ей нищий поэт?.. Полоумный и точка.
Не уйти же к нему в самом деле.
Но порою стиха долетевшая строчка
Обжигала... И будто летели

Всё одна за другою греховные мысли,
Все уклады в душе разрушая.
В хитроумных сонетах не очень-то смысла,
Всё ждала, всё гляделась, нагая,

В позолоту зеркал пред молитвой вечерней,
Молодой красотой наливаясь.
Зеркала ей клялись, что Венеры венерней
Наготы острогрудая завязь.

А Петрарка строчил про душевные бури —
Этот первый поэт из поэтов.
И не ведал того, что, женись на Лауре,
Не писал бы бессмертных сонетов.

* * *

Зое

И если я рухну у входа,
Чуток до двери не дойдя,
И следом наступит свобода
От света, любви и дождя,
От рук твоих, глаз твоих, взгляда,
От всех этих споров взахлёб,
От сумрака и листопада,
От капель, упавших на лоб...
Ты знай, что оставил тебе я
Несделанность сделанных дел,
Обманчивость уз Гименея,
Всё то, что сказать не успел.
Да, да, не успел... Не сказалось...
А сколько бы нужно сказать!
Как всё это быстро промчалось!
И вот роковая печать
Поставлена... Заперты двери,
И кто-то упал на порог...
Ты будешь сильнее потери,
Ты сможешь... Хоть я бы не смог...
Поэтому здравствуй, родная!
И, если захочешь, услышь,
Что шепчет снежинка, слетая
На ржавую ветренность крыш.
О чём это — ветка о ветку! —
Морзянят в ночи тополя...
Порадуйся весточке редкой,
Прости, если вздрогнет земля.
Подумай, что просто устала...
Но кто-то же, смерти назло,
Поправил твоё одеяло,
Когда оно на пол сползло...

* * *

До первых слёз, до первого обмана,
До первой лжи ревнивых женских рук,
До звука, что явился из тумана,
До тишины, прервавшей этот звук;
До отблеска, до отсвета, до вскрика,
До первой боли — слева, под ребром,
До скользких лиц, взирающих безлико,
Но всё равно спешащих напролом;
Уже я знал, спиною время слыша,
Что полыхнёт морозом у плеча,
Что будет звук взлетать всё выше, выше,
С собою отсвет боли волоча.
Что полоснёт в груди — внезапно, слева,
И тишина поспешно сменит звук,
И женщина — давно не королева! —
Рук разомкнёт ревнивый полукруг.
Я это знал... Я это кожей слышал,
В окно к любимой за полночь стуча.
Но дождь в ответ бежал по гулким крышам,
И всё не гасла робкая свеча.

* * *

До конца и сам не понимаю
То, о чём с рыданием пою.
То ли хата всё-таки не с краю,
То ли вся Отчизна на краю?

Почему один и тот же почерк,
А строка изменчиво-черна?
Или суть не в строчках... Между строчек,
И чужому глазу не видна?

Заколдуют звёзды, заколышат...
Только мне, родная, объясни,
Почему твой тихий голос слышу,
А крикливых умников — ни-ни...

Почему под стоны непогоды,
Презирая ласку и уют,
Незаметно пролетают годы,
А мгновенья нехотя ползут?

Мы скорей всего повинны сами,
Только признаваться не с руки,
В том, что не в свои садимся сани,
Где запутал кучер постромки.

* * *

Что останется людям и птицам,
Когда здесь не останется нас,
Когда мне уже не восхититься
Золотою бездонностью глаз?
Буду я и нигде, и повсюду,
Близь покинув и дальнюю даль.
Но печалиться больше не буду,
Хоть куда её денешь, печаль?..
Стану криком в ночи лебединым,
Тенью птицы в неспешной реке,
Алой бусинкой спелой рябины,
Тихим шелестом на чердаке.
Чёрной точкой на листике белом,
Крошкой смолы под бурой корой,
Каплей влаги, сбежавшей несмело
По окошку осенней порой.
Стану робким листком повилики,
Долгим криком в безлунной ночи...
А разбудят протяжные крики —
Не пугайся... И не закричи...

* * *

Зачем человеку речь?
Чтоб в нужный момент смолчать,
Молчаньем беду отвлечь
От дома, где благодать.

Зачем человеку сон?
Чтоб долго уснуть не мог,
Коль беды со всех сторон
Спешат на его порог.

Зачем человеку жизнь?
Чтоб мог он её отдать,
Когда, страшись — не страшись,
Кончается благодать.

Когда, от бессонниц слаб,
Поймёшь в тишине ночей,
Что ты — бессловесный раб
Молчащих своих речей.

И вовсе ты не велик —
Ничтожным уйдёшь во тьму...
А жизнь — это долгий крик,
Не слышимый никому.

* * *

Как много лет тому назад,
Здесь липы тихо шелестят,
И вечным кажется окно
В подлунном мире.
Всё тот же дом и тот же сад,
И этот сумеречный взгляд,
И так же вороны бренчат
На хриплой лире.

Как много лет тому назад,
Никто ни в чём не виноват...
Лишь одиночество грустит
У старой липы.
И ты опять наедине
С той тенью женщины в окне...
А где-то дальше, в глубине,
Глухие всхлипы.

Как много лет тому назад,
Такой же липкий снегопад,
И снег за шиворот ползёт,
Напоминая,
Что в этот холод ледяной
Вдруг станешь стылой пеленой
Под этой дымкою сквозной —
Судьба такая.

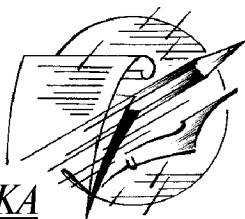
Как много лет тому назад,
Над входом лампы не горят.
И тень твоя перед крыльцом
Всё шире, шире...
И, как давно заведено,
В глазах — печаль, в крови — вино,
И вечным кажется окно
В подлунном мире.

г. Минск

К 85-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФИНЛЯНДИЕЙ

13 марта 1940 года победой русского оружия завершилась советско-финляндская, она же Зимняя или просто финская война. В России периода «Перестройки» и тем более в пост-советский период финская война является любимой темой либеральных публицистов. Поскольку война продлилась три месяца, и потери Красной армии были больше финских, то в своем антисоветском раже российские либералы даже заявляли, что это СССР проиграл войну. Стало складываться нелестное для нас стереотипное представление о войне: злодей Сталин, сговорившись с другим злодеем Гитлером, напал на маленькую демократическую Финляндию, но финны победили Красную армию, которая, конечно же, воевать не умела. В результате остается непонятным, почему же Карельский перешеек все же стал русским.

В наши дни многие публицисты, в том числе и вполне патриотического направления, любят проводить аналогию с современной СВО на Украине. Аналогий при изучении этих военных конфликтов действительно множество. В обоих случаях Россия вела классическую превентивную войну, в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

обоих случаях противостоящие враги — финны и украинцы были не более чем пушечным мясом. Разумеется, все исторические аналогии всегда условность. Финская война СССР решала совсем иные задачи, которые с честью решила. При этом СССР не только отодвинул свои границы от Ленинграда. В значительной степени разгром Финляндии определил присоединение Прибалтийских лимитрофов (как называли маленькие государственные образования, возникшие после распада Российской империи).

Балтийское направление для СССР было наиболее опасным. От Российской империи СССР унаследовал Балтийский флот, но он весь мог находиться только в Маркизовой луже, как образно моряки называли Невскую губу — небольшую часть Финского залива от устья Невы до острова Котлин, на котором был расположен Кронштадт. Все корабли на Кронштадтском рейде были прекрасно видны с финской и эстонской территории в простой бинокль. Советские вожди, включая Сталина, не забыли события лета 1919 года, когда англичане с помощью атак с воздуха и торпедными катерами нанесли существенный ущерб красному флоту в Кронштадте.

А ведь за прошедшие два десятилетия развитие военной авиации значительно возросло, и теперь теоретически вражеские самолеты могли отправить на дно весь Балтийский флот прямо на рейде. В довершение всего Финский залив зимой замерзал, так что почти 5 месяцев корабли Балтфлота стояли вмерзшими в лед. Впрочем, даже при сохранении флота «окно в Европу» могло быть заковано лимитрофами. Разумеется, речь вовсе не шла об опереточных флотах этих лимитрофов, которые по тоннажу и огневой мощи вместе взятые уступали линкору «Марат» (как назывался бывший «Петропавловск»). Просто лимитрофам было в силу географии легко заблокировать русских в Финском заливе. В составе Финляндии оказались расположенные посередине восточной части Финского залива острова Гогланд, Тютерс, Лавенссари. Корабли, шедшие в Ленинград или из Ленинграда, не могли пройти мимо этих островов. Помимо островов, большую военную угрозу представляли береговые укрепления на берегах Финского залива. Еще в начале XX века Россия создала в самом узком месте Финского залива, на его южном и северном берегах, мощные береговые форты и батареи. Это имело огромное военное значение, учитывая, что в самом узком месте расстояние между финской и эстонской частью Финского залива — 36 километров! Но в 1918 году большинство этих фортов были захвачены немцами и финнами, а затем достались лимитрофам. И они пытались максимально использовать это обстоятельство.

Как пишет современный российский автор А. Б. Широкоград, «с 1922 года и финны, и эстонцы затратили большие средства на приведение в порядок береговых батарей и их модернизацию. В итоге при попытке прорыва корабли Балтийского флота должны были пройти около 100 км под огнем 305-мм орудий, одновременно стрелявших с финского и эстонского берегов и островов. А на расстоянии около 70 км залив с обеих сторон перекрывался огнем 254-мм, 234-мм, 203-мм и 152-мм орудий. В самом узком месте Финского залива по советским кораблям за 5 минут можно было выпустить до 1000 снарядов крупного калибра... Обе страны готовились перекрыть залив несколькими рядами минных заграждений... Штабы обеих стран до деталей согласовывали проведение операций по заграждению залива». Второй по значению город страны — Ленинград в условиях отделившихся Финляндии и Прибалтики стал крайне уязвим — финская граница в 32 км, в пределах досягаемости артиллерии, и эстонская в 146 км.

Среди многих экспертов в области экономики, независимо от их отношения к советской власти, распространилось мнение о естественном «угасании» города, переставшего быть столицей и имевшего слишком неудобное геополитическое положение. Однако Ленинград оставался вторым по значению промышленным центром страны. Имело значение и то обстоятельство, что большевики, негативно оценивая имперский период русской истории, испытывали определенный пиетет по отношению к городу — колыбели революции и города Ленина. Так что помимо политического и экономического значения Ленинград имел для граждан СССР еще и сакральное значение. Фактический союз Финляндии и прибалтийских лимитрофов с Германией был особенно опасным для советских военных планировщиков. В силу всего этого советские лидеры были готовы покончить с таким геополитическим положением на Балтике, нейтрализовав лимитрофы, если понадобится, силой их упразднив. СССР был готов применить все военные силы для обеспечения безопасности Ленинграда и всего северо-запада страны. 19 апреля 1939 года в штабе Ленинградского военного округа (ЛВО) подготовили план боевых действий Северо-Западного фронта против Финляндии и Эстонии в условиях войны СССР с Германией и союзной ей Польшей. Вообще-то как раз в это время Польша начала предпринимать попытку перебраться в англо-французский лагерь, но советские военные планировщики не успевали следить за всеми стремительными изменениями 1939 года. Эти изменения внесли свои коррективы в военные планы, хотя для лимитрофов ничего позитивного не ожидалось.

Тем временем 23 августа 1939 года был заключен советско-германский договор о ненападении. То, что сделал тогда Сталин, есть образец гениальности (не побоюсь этого слова!) во внешней политике. Подписание поздней ночью 23 августа 1939 года советско-германского Договора о ненападении, который называют пактом Молотова—Риббентропа, разом изменило положение в Европе. Дело заключалось не в том, что Вторая Мировая война стала неизбежной (она все равно началась бы, причем именно в 1939 году), а в изменении условий вступления СССР и Германии в войну. Западные демократии, делая постоянные уступки (причем исключительно за чужой счет, сдавая Гитлеру австрийцев, чехов, поляков), рассчитывая натравить Германию на Россию, вдруг поняли, что договориться можно и за их счет тоже и что теперь воевать с немцами придется им одним, были просто в ярости. Не случайно именно пакт Молотова—Риббентропа ставится Сталину в вину как его величайшее преступление, которое затмевает его прочие грехи. Запад оказался в положении карточного шулера, рассчитывавшего обчистить своего партнера — Россию и вдруг увидевшего, что Сталин еще более ловкий игрок, у которого к тому же сильные козыри, и который сам раздел до трусов западных «партнеров». Уже месяц спустя были подписаны договоры СССР с прибалтийскими лимитрофами, после чего на их территории были размещены части Красной армии. Речь еще не шла о присоединении этих республик к СССР. В Москве явно еще не знали, как поступить с Прибалтикой. Пока на Западе шла «странная война» англо-французского блока с Германией (когда никаких боевых действий не велось), СССР вполне устроил бы нейтралитет прибалтийских республик или, еще лучше, военный союз с ними. Но обстановка в Европе и в бассейне Балтийского моря менялась не по дням, а по часам. Разместив свои войска в Эстонии, Советский Союз в определенном смысле существенно облегчил стратегическое значение Ленинграда. Но угроза со стороны Финляндии оставалась.

Финляндия, подобно другим лимитрофам, образовавшимся на территориях прежней Российской империи, так и не смогла достигнуть экономических показателей 1913 года. При населении в 3,7 миллионов человек Финляндия имела 100-тысячную безработицу. Единственной функционирующей отраслью финляндской экономики была лесная промышленность, а также строительство укреплений. Страна переживала демографический кризис: во второй половине 30-х гг. в Финляндии умирать стало больше, чем рождаться. Но, несмотря на экономические и демографические проблемы, ма-

ленькая Финляндия была очень милитаризованным государством. Со всей страстью самостоятельно не воевавшей нации финны отдавались парадом, учениям, знаменам, мундирам. Немецкие журналисты отмечали, что Финляндия похожа на Пруссию. Военным делом финны начинали заниматься со школьной скамьи в «беличьих ротах», затем шла действительная военная служба в армии. Политически благонадежные граждане продолжали заниматься военной подготовкой в военизированной организации шюцкор («охранный корпус»). Женщины проходили военную подготовку во вспомогательной организации «Лотта Свьярд». В мирное время в «лотт» насчитывалось 60 тысяч. Когда в 1944 году «Лотта Свьярд» была распущена, в ней насчитывалось 230 тысяч участниц. Военные расходы составляли 1/3 всех расходов страны, и это без учета расходов на шюцкор и строительство «линии Маннергейма». Благодаря всеобщей военизации Финляндия могла выставить под ружье больше солдат относительно общей численности населения, чем Германия после тотальной мобилизации. Война, и причем только война с Россией, была чуть ли не смыслом существования тогдашней Финляндии.

Как и все соседи России, финны имели весьма значительные территориальные претензии к нашей стране. Не удовлетворившись отделением от России, власти новоиспечённого государства попытались урвать кусок в русской смуте. Ещё 23 февраля 1918 года главком финской армии генерал К. Г. Маннергейм заявил, что «не вложит меч в ножны, пока не будет освобождена от большевиков Восточная Карелия». 15 марта Маннергейм утвердил так называемый «план Валлениуса», предусматривавший захват российской территории по «трем перешейкам», т.е. до линии Белое море — Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро. При этом Финляндии отходил также Кольский полуостров, а Петроград должен был получить статус «вольного города» наподобие Данцига. В тот же день финляндский главком отдал приказ экспедиционным отрядам из добровольцев выступить на завоевание Восточной Карелии. 15 мая 1918 года правительство Финляндии объявило войну Советской России. В 1920 году между Советской Россией и Финляндией был заключен мир, но еще в 1921—1922 гг. в восточной (российской) Карелии происходили бои с финскими добровольцами, оказывавшими поддержку местным белым восстаниям. Маннергейм и после финских неудач в Карелии оставался ведущей фигурой в Финляндии, даже в те периоды, когда он не занимал государственных постов. В Финляндии существовал

культ личности Маннергейма. День его рождения — 4 июня, отмечался как государственный праздник. В этот день проходил военный парад, Маннергейм шагал по дороге, усыпанной лепестками роз (в самом буквальном смысле), затем следовал торжественный прием на несколько сотен человек в его официальной резиденции в Кайвопуйсто.

Амбиции ряда финских деятелей шли дальше линии трех перешейков. Как и прибалты, финны считали себя частью западной цивилизации. Так, в частях, проходивших пограничную службу на границе с Советским Союзом, в 1926 году появился обычай «крещения в Граничной реке» (как называли реку Сестру). Эта река как последний рубеж цивилизованного мира наделялась сакральным значением, а прошедшим церемонию омовения военнослужащим давали особый сертификат. Когда война с русскими началась, то обращаясь к нации с воззванием, главнокомандующий армией Финляндии Карл Густав Маннергейм призвал к борьбе с «исконным расовым врагом».

Впрочем, при всей своей воинственности, финляндские лидеры хорошо понимали, что Финляндия не сможет самостоятельно отхватить у русского соседа хоть вершок земли. Поэтому все стратегические планы финнов заключались в том, чтобы вступить в любую антирусскую коалицию. В разработанном финским Генштабе плане ВК 1 предполагалось, что вооруженные силы СССР будут вести боевые действия против европейских стран на всем протяжении его западных границ. Следовательно, они не смогут иметь достаточного количества сил для противостояния финской армии. В такой ситуации финны были готовы не только отбить советское наступление на Карельском перешейке, но и продвинуться вглубь Восточной Карелии и перерезать Мурманскую железную дорогу, выйдя к Белому и Баренцеву морям.

Опасаясь, что Финляндия потерпит поражение раньше, чем получит помощь, финские военные планировщики сделали ставку на сооружение на границе почти напротив Ленинграда мощной линии укреплений, известной как «линия Маннергейма». План ведения войны заключался в том, чтобы измотать советские войска на «линии Маннергейма», а затем, дождавшись помощи от западных союзников, перейти в наступление. Сооружение «линии Маннергейма» шло с 1927 года (впрочем, первые полевые укрепления появились в 1919 году), и к началу войны «линия» была почти готова. Сама «линия Маннергейма» пересекала весь Карельский перешеек. Эта «линия» была уникальным сооружением, состоявшим из трех полос. Ширина «линии» была 135 км, глубина — 90 км. Обой-

ти ее невозможно, стало быть, надо ее будет брать в лоб. Но при этом надо преодолеть 1000 дотов и дзотов, из которых 296 были настоящими крепостями. Также имелось 19 бункеров, куда могло укрыться по 360 человек личного состава. Кроме железобетонных укрытий, имелись фортификационные сооружения для полевых войск: 804 полевых укрытия для личного состава, 606 пулемётных гнёзд, вырыто 404 километра траншей. А также 331 километр проволочных заграждений и 136 километров противотанковых заграждений.

Еще в апреле 1938 года, задолго до пресловутого «пакта Молотова—Риббентропа», начались советско-финляндские переговоры. Сталин лично предлагал финской делегации перенести границу на 90 км от Ленинграда (то есть Выборг и Кексгольм был готов оставить финнам). Кроме этого, СССР должен был получить острова посередине Финского залива, а также взять в аренду на 30 лет полуостров Ханко для постройки военно-морской базы. Взамен в Карелии финнам отдавали территорию в два раза больше. Предлагалось также заплатить финнам золотом. СССР больше года вел переговоры, постоянно предлагая финнам различные уступки.

Между тем финны всё больше втягивались в военный союз с Германией. Впрочем, и с англо-французской «демократиями» Финляндия сохраняла союзнические отношения. Самое поразительное заключалось в том, что формально Финляндия считалась нейтральным государством. По действовавшим законам ей запрещалось присоединяться к каким-либо союзам и размещать военные базы на своей территории. Именно этот довод финские дипломаты выдвигали, отказывая СССР на размещение советских военных баз на территории Финляндии. Но по факту Финляндия сумела установить союзные отношения с обоими блоками — Германией и англо-французскими «демократиями». В середине июня 1939 года Финляндию посетили высокопоставленные командиры английских вооруженных сил. Правительство Финляндии с чувством законной гордости демонстрировало перед ними силу возведенных у советских границ укреплений «линии Маннергейма». А уже в конце июня — начале июля в Финляндии побывал с инспекцией начальник штаба германского вермахта генерал Ф. Гальдер. Большую часть своего визита Гальдер провел в Выборге и его окрестностях, присутствовал на военных маневрах и всюду осматривал военные укрепления. Он остался доволен увиденным. Финляндия закупала в западных странах большое количество техники и вооружения, боеприпасов, особенно мин. Строились новые стратегические дороги, военно-морские базы, аэродромы.

Оборудованные с помощью немецких военных специалистов аэродромы Финляндии могли принять в 10 раз больше самолетов, чем их имелось в стране. Поскольку авиационная промышленность в Финляндии практически отсутствовала, (производились устаревшие самолеты «Фоккер» по голландской лицензии), а подготовка военных летчиков занимает много времени, было ясно, что на финских аэродромах скоро будут базироваться чужие самолеты с чужими экипажами. Как видим, вся финская военная инфраструктура готовилась под чужие экспедиционные войска. Таким образом, Финляндия с энтузиазмом готовилась к войне, причем именно помощь финнам, которым явно не придется ждать легкой победы в схватке с русским медведем, полагали в Хельсинки, станет фактором объединения западных «демократий» и Германии. 7 августа 1939 года Финляндия начала самые крупные в истории страны военные учения, продолжавшиеся 5 дней. Под предлогом учений фактически была проведена мобилизация резервистов. На эти учения были приглашены военные атташе всех стран, кроме СССР. На них отрабатывалась операция по отражению наступления на «линию Маннергейма» с востока. Правда, ранняя мобилизация привела к срыву посевной кампании (ведь мобилизация вырывала из деревни наиболее работоспособную часть населения, а также машины, технические средства и лошадей). К осени не удалось собрать урожай, были потрачены стратегические резервы, включая ГСМ и уголь. СССР на войну еще не явился, а Финляндия уже понесла большие материальные потери.

В сентябре 1939 года началась Вторая мировая война. Это обстоятельство вызвало энтузиазм у финляндских лидеров, почувствовавших, что наступает момент долгожданной войны с СССР. Между тем Сталин еще продолжал вести переговоры с финнами о мирном разрешении конфликта. 12 октября в Москву прибыла финская делегация, которую возглавлял будущий президент Финляндии Ю. Паасикиви. Он зачитал меморандум, в котором было заявлено, что безопасность Ленинграда вполне обеспечивается наличием военных баз СССР на южном побережье Финского залива. После этого Паасикиви задал риторический вопрос: «А кто собственно собирается на вас с нашей территории нападать, Англия или Германия»? Сталин ответил, что с Германией мы сейчас имеем хорошие отношения, но всё может измениться, что у Англии и Германии достаточно сильные военные флоты, которые они в любой момент могут ввести в Финский залив, и что вряд ли Финляндия сможет в этом случае остаться вне воен-

ного конфликта. 23 октября 1939 года И.В. Сталин дал понять, что пункты о передвижении границы на Карельском перешейке и аренде Ханко были фундаментальными для СССР, отметив, что требования СССР по этим пунктам были минимальные и корректировкам не подлежат. Поразительно, но главнокомандующий финской армией маршал Маннергейм, узнав об этих переговорах, предлагал правительству уступить Москве, обменять не только запрошенные острова, но и территорию на Карельском перешейке. Как военный человек Маннергейм понимал, что опасения Москвы вполне обоснованы, и СССР выдвигает вполне приемлемые требования. Карл Маннергейм, вождь финляндских белых в 1918 году, уговаривал не воевать с Россией и принять условия Москвы. Маннергейм даже предложил себя финскому правительству в качестве ответственного за обмен территориями. Но гражданские политики Финляндии вдруг проявили воинственный характер. Министр финансов В.Таннер торжественно провозгласил: «Ни на дюйм»!

Финляндия решилась воевать, надеясь на помощь обеих западных блоков. Уже 14 октября была объявлена новая всеобщая мобилизация. С Карельского перешейка было эвакуировано гражданское население (422 тысячи человек, что составило примерно 12% населения Финляндии). Была создана ставка главного командования во главе с Маннергеймом. Были введены цензурные ограничения, арестованы сотни членов левых партий. 25 октября Финляндия начала минирование вод Финского залива. Началось ускоренное строительство дополнительных укреплений на «линии Маннергейма», которые «проглядела» советская разведка. (Советские командиры в начале боев имели карты финских укреплений 1936 года).

Финские политики надеялись, что в борьбе за помощь Финляндии смогут примириться всерьез еще не воевавшие друг с другом немцы и англо-французская коалиция. Эти надежды были не беспочвенными. В американской печати заявлялось, что советско-финляндская война «вполне может привести к созданию единого фронта против Советского Союза». Впрочем, советские руководители также решили, что именно теперь, когда англо-французская коалиция отвлечена от Финляндии, а Германия (по договору о ненападении) не будет возражать против территориальных изменений на севере Европы, настал момент изменения границ. Разумеется, когда обе стороны стремятся к войне, она начнется. И 30 ноября 1939 года, в 8 часов утра, залпы тысяч батарей возвестили ее начало.

«Малая» война оказалась не такой уж малой. С советской стороны в боевых действиях принимало участие свыше 1 миллиона солдат, с финской — 600 тысяч. За 105 дней боев обе стороны понесли огромные потери. Погибли 126 875 советских солдат, 265 тысяч были ранены и обморожены. Финны потеряли 48 243 человека убитыми и 45 тысяч ранеными, что составляло 20% состава финских войск. Впрочем, учитывая отсутствие у Финляндии резервов, эти потери означали полное поражение финских вооруженных сил, исчерпавших все ресурсы. О характере боевых действий говорит небольшое количество раненых в общем числе потерь, причем у финнов раненых оказалось даже меньше, чем убитых. Все объяснялось лютыми морозами, и поэтому раненые, но не госпитализированные немедленно погибали от холода. Об упорстве обеих сторон свидетельствует удивительно малое по масштабам войны количество военнопленных. В плену оказались 5 567 красноармейцев, в большинстве своем обмороженных, и 806 финнов. Похоже, что бойцы противоборствующих сторон сражались по правилу — в плен не сдаваться и пленных не брать. Как видим, соотношение потерь было 1:3 в пользу обороняющихся, что является вполне приемлемой нормой потерь в наступательной операции (звучит это, конечно, жестоко, но таков военный язык). Более того, потери советской стороны вовсе не были чрезмерными, ведь русские наступали на хорошо подготовленную линию укреплений, в неблагоприятных климатических условиях.

Вероятно, начиная войну, сталинское руководство надеялось на приход к власти в Финляндии просоветского правительства. Финские политэмигранты, ветераны финляндской революции и Гражданской войны 1918 года, ставшие главными советниками советских лидеров по Финляндии, за два десятилетия полностью оторвались от родины и всерьез верили в восстание рабочего класса страны при известии о начале войны с СССР. Показательно, что советская пропаганда называла финнов «белофиннами», подразумевая, что есть также и «красные финны», которые союзники СССР. Не случайным было провозглашение уже на второй день войны, в первом же занятом Красной армией городе Терийоки т.н. «правительства» некоей «Финской Демократической Республики» во главе с Отто Куусиненом со своей вооруженной структурой — финской народной армией из числа советских военных финской национальности. Впрочем, советские вожди и в этом следовали примерам финнов, которые в 1918—1922 гг. создали и северо-карельскую Ухтинскую республику, Олонецкое правительство, Олонецкую добровольческую армию

и Республику Северная Ингрия на территории России. Впрочем, так же, как и соответствующие профинские правительства в Карелии, просоветское терийокское правительство ничего не смогло сделать и было распущено сразу после окончания войны.

Следует заметить, что финляндские власти и англо-французская коалиция аналогичным образом пытались спровоцировать гражданскую войну в СССР. В Лондоне и Париже всерьез обсуждали вопрос о формировании на территории Финляндии некоего «русского национального правительства». Предполагалось также формирование при этом «правительстве» т.н. «русской народной армии» из эмигрантов и советских военнопленных. Уже 15 декабря 1939 года тогдашний премьер-министр Финляндии Р. Рюти объявил о необходимости формирования альтернативного Советам «русского правительства». Эту идею одобрил главнокомандующий Маннергейм и министр иностранных дел В. Таннер. Во главе «правительства» собирались поставить А.Ф. Керенского. Рассматривалась также кандидатура Л.Д. Троцкого, который, живя в Мексике, выступил по радио с осуждением войны. В своих мемуарах В. Таннер размышлял о том, что Троцкому и его «правительству» необходимо выделить небольшую территорию, которую надо отвоевать в советской Карелии, дабы правительство могло считаться чем-то большим, чем сборищем эмигрантов.

Свои услуги финнам предлагали также и русские эмигранты-монархисты. В своем письме от 16 декабря 1939 года председатель Российского Общевоинского Союза (РОВС), основной военной организации белых эмигрантов, своего рода армии в изгнании, генерал А.П. Архангельский обратился к Маннергейму, заявляя, что «помощь Финляндии должна выразиться не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии для поднятия гражданской войны в СССР». Бежавший в конце 1920-х г. бывший секретарь Сталина Б. Бажанов даже начал формировать «русскую народную армию». Впрочем, как признавали сами финны, пленные красноармейцы оказались невосприимчивы к пропаганде. Более того, в плену красноармейцы создали подпольные партийные и комсомольские ячейки. Быстрое окончание войны не позволило создать и антисоветское «русское правительство».

Англичане и французы, мастера разделять и властвовать, пытались поднять внутри СССР восстание горцев Северного Кавказа. Французская разведка вела работу с кругами русской эмиграции — с выходцами с Кавказа. Среди тех,

кто был привлечен Генштабом Франции к данной деятельности, был Султан Клыч-Гирей, участник Белого движения, в эмиграции ставший одним из руководителей националистической «Народной партии горцев Северного Кавказа». Финны для советских пленных нерусских национальностей создавали отдельные лагеря, условия содержания в которых были значительно лучше, чем в лагерях, где находились русские. Расчет был на то, что, по мнению западных политиков, этот факт должен вызвать дезертирство и переход на сторону финнов представителей меньшинств в Красной армии.

При этом планы ведения войны против СССР разрабатывались еще с сентября 1939 года, то есть еще до советско-финской войны. А в октябре министр финансов Франции Поль Рейно поставил перед ним конкретный вопрос: в состоянии ли французские ВВС совместно с англичанами «подвергнуть бомбардировке из Сирии нефтеразработки и нефтеперерабатывающие заводы на Кавказе»? Ответ был положительным. Посол США в Париже У. Буллит 19 октября 1939 года телеграфировал в Вашингтон о том, что премьер-министр Франции Э. Даладье известил его о проработке возможности «бомбардировок и разрушения Баку». Готовиться к войне с СССР западные «демократии» стали открыто.

Лига Наций объявила СССР агрессором и постановила исключить его из своих рядов. Когда СССР стали исключать из Лиги Наций, из 52 государств, входивших в Лигу, 12 своих представителей на конференцию вообще не прислали, а 11 не стали голосовать за исключение. И в числе этих 11 были соседи Финляндии — Швеция, Норвегия и Дания. Как видим, это обстоятельство свидетельствует о том, что соседи не считали Финляндию невинной жертвой. За исключение СССР проголосовало лишь 7 из 15 членов Совета (Великобритания, Франция, Бельгия, Доминиканская республика, Боливия, Египет, ЮАС), то есть меньшинство, причём последние три страны членами Совета были избраны за сутки до голосования. Ирония судьбы в том, что проект резолюции базировался на «Положении об определении агрессора», принятом Лигой по инициативе тогдашнего главы НКИД (Народном комиссариате иностранных дел) СССР Максима Литвинова. Из 40 государств — членов Лиги Наций за проект резолюции Ассамблеи за исключение СССР проголосовали 28 государств (в том числе Великобритания и пять британских доминионов, а также Франция и две её подмандатные территории).

Разумеется, вся эта дипломатическая суета особого значения не имела. Важнее было другое. Западные страны ока-

зывали Финляндии масштабную помощь оружием и боеприпасами. Как признавал в своих мемуарах министр иностранных дел Финляндии Вяйнё Таннер, «В своем ответе на парламентский запрос премьер-министра Франции Даладье 12 марта отметил, что Франция поставила оружия Финляндии больше других стран. На день его выступления Франция поставила: 145 самолетов, 496 орудий, 5 тысяч пулеметов, 400 тысяч винтовок и 20 миллионов патронов для легкого стрелкового оружия. Премьер-министр Великобритании Чемберлен 19 марта информировал членов парламента о британских поставках. Из 152 самолетов различного назначения отправили 101. Из 223 орудий различных типов отгружены 114. Направлено 185 тысяч снарядов. Пулеметов «Виккерс» отгружено 100. Газовых снарядов поставлено 50 тысяч. Авиационных бомб обещано 20 700, отгружено 15 700. Противотанковых орудий отправлено 200. В дополнение к этому было поставлено большое количество обмундирования и снаряжения: ранцы, палатки и т.п.

Швеция играла для нас особую роль как поставщик боеприпасов, поскольку была нашим ближайшим соседом. Согласно официальному заявлению, сделанному 19 марта, Швеция поставила нам 90 тысяч винтовок, 2 миллиона патронов, 80 противотанковых орудий и 250 орудий, в том числе 100 зениток». Среди орудий, отправленных финнам, были 305-мм пушки, снятые французами с российского линкора «Император Александр III», уведённого белогвардейцами в Тунис. В Финляндию отправились воевать против русских 8 260 шведских добровольцев. Батарея шведских зенитчиков, защищая город Турку, в феврале-марте 1940 года сбила 7 советских самолетов. Шведские летчики, воюющие в финских ВВС, уничтожили 12 самолетов ВВС РККА. Помимо шведов в Финляндию прибыло (округленно) 800 датчан, свыше 700 норвежцев, 1000 эстонцев, 400 венгров, 300 американцев и более 100 итальянцев. Часть их вступила в бой в составе нескольких авиационных эскадрилий и добровольческой бригады из двух шведских и датско-норвежского батальонов.

Но вся эта помощь рассматривалась как начальный этап масштабной войны западных «демократий» с СССР. Первый неудачный штурм «линии Маннергейма» в декабре 1939 года вызвал на Западе настоящую эйфорию. В газетах, как всегда в таких случаях, начали писать, что Россия — «колосс на глиняных ногах». Первые советские неудачи на фронте резко прибавили уверенности западным странам в быстром разгроме России. Правда, англо-французская коалиция

не собиралась непосредственно воевать с русскими. Для этого существовали поляки. Так что войну СССР 18 декабря 1939 года объявило только польское эмигрантское правительство. При этом в изданной во французском городе Анжер декларации этого «правительства» слово «война» не упоминалась. Как бы то ни было, поляков всерьез стали готовить к боевым действиям против Красной армии на стороне Финляндии. В конце концов, польские военные, проиграв войну за свою страну, всегда сражались под чужими знаменами в чужих интересах. Так, после окончательного раздела Польши польские легионы сражались за Францию в армии Наполеона в Италии, в 1831 году бежавшие на Запад польские военнослужащие массово вступали во французский иностранный легион и отправились завоевывать для Франции Алжир.

В конце 1939 — начале 1940 года польская эмигрантская армия собиралась воевать с русскими в Финляндии. В Латвии и Эстонии находилось почти 20 тысяч интернированных солдат разгромленной в сентябре польской армии, которые отступили в Прибалтику. Поскольку с декабря 1939 года Польша и СССР юридически находились в состоянии войны, англо-французские деятели собирались отправить этих солдат сначала в нейтральную Швецию, а затем в Финляндию воевать с русскими. Об этом честно признавал в своих мемуарах Маннергейм. Власти Финляндии пытались привлечь к участию в боевых действиях несколько польских подводных лодок и кораблей, которые, не вступая в бой с немцами в сентябре 1939 года, оказались в прибалтийских портах. Но под давлением СССР прибалтийские правительства интернировали польских моряков. Впрочем, быстрота разгрома Финляндии не позволила полякам отправиться в качестве пушечного мяса на чужую войну. Но после объявления войны Советскому Союзу правительством Польши в изгнании 18 декабря 1939 года, польских военных, интернированных на советской территории в сентябре этого года, отправили в лагеря для военнопленных. К началу 1940 года в СССР оставалось не более 30 тысяч польских военнопленных. Из них примерно 10 тысяч — офицеры. Они были распределены по специально созданным лагерям.

На другой день после Анжерской декларации премьер-министр Франции Э. Даладьё на совещании Высшего военного совета страны предложил направить на помощь Финляндии войска. Англо-французская коалиция, вообще-то воюющая с Германией, начала подготовку к высадке войск на территории СССР и бомбардировке нефтепромыслов в Баку. 29 января 1940 года премьер-министр Великобритании

Н. Чемберлен прямо сказал на заседании правительства: «События, вероятно, ведут к тому, что союзники открыто вступят в боевые действия против России». В этот же день его французский коллега, премьер-министр Э. Даладьё, сообщил финским деятелям о том, что запланирована десантная операция французских войск численностью до 60 тысяч человек в районе Петсамо (Печенги). Таким образом, англо-французская коалиция объявила войну Германии, но с ней фактически не воевала. Зато, не объявляя войны, англо-французы стали союзниками Финляндии в войне с СССР. Явно провоцируя СССР, британские военные корабли захватили в нейтральных водах Тихого океана советские торговые корабли «Маяковский» и «Селенга».

Но и после подписания мира между Финляндией и СССР британские и французские штабы продолжали обсуждать детали войны с русскими. Еще 8 марта 1940 года, когда разгром Финляндии был уже очевиден, британский комитет начальников штабов разработал меморандум, в котором описывались будущие военные действия британско-французских союзников против СССР. Боевые действия планировались с широким размахом: на севере в районе Печенги-Петсамо, на мурманском направлении, в районе Архангельска, на Дальнем Востоке и на южном направлении — в районе Баку, Грозного, Майкопа и Батуми. По мнению французского генерала М. Вейгана удар следовало нанести в июне-июле 1940 года. Объединённое командование союзников планировало бомбёжки советских городов и атаки с суши руками финнов и поляков вплоть до апреля 1940 года. В планах указывалось, на каких аэродромах в Иране и Турции и в каком составе будут базироваться авиагруппы, какое расстояние от них до советских городов, какие типы самолётов больше всего подходят для этих задач. В начале апреля 1940 года английские и британские военные определили, что в атаках должны быть задействованы 90—100 самолетов союзников с совокупной бомбовой нагрузкой во время одного вылета около 70 тонн. Разрушить Батуми предполагалось за полтора дня, Грозный — за 12 дней, Баку — за 15. В апреле британский самолет-разведчик «Локхид-12А» осуществил фотосъемку месторождений в Баку, Батуми и Поти. Выяснилось, что нефть складировалась в открытых нефтесборниках — огромных нефтяных озерах. Кроме того, в Баку было зафиксировано огромное число нефтеперерабатывающих заводов и крупная станция, забитая до отказа цистернами с нефтью и горючим. Баку ждал не только разгром месторождений, но и гуманитарная катастрофа. Весь город в результате бомбар-

дировок был бы полностью сожжен дотла. Это было бы полное уничтожение города, подобное сожжению Дрездена в 1945 году. Последнее совещание по этой теме состоялось в 20-х числах апреля, буквально за две недели до немецкого наступления на Западе.

Закономерен вопрос: почему англо-французская коалиция собирались воевать с Россией, когда довод об оказании помощи финнам уже не действовал? Причина понятна — если бы удары по Баку, Грозному и Потти привели бы к падению всей нефтедобычи в СССР, то Красная армия оказалась бы лишена горючего и перестала бы быть механизированной. В Лондоне и Париже надеялись, что в этом случае Гитлер не выдержит искушения начать войну с русскими, прекратив «странную войну».

Позиция Германии в этот исторический момент, также была своеобразной. Немцы не без злорадства смотрели на неудачи Красной армии в начальный период войны. Немецкие военные скрупулезно выявили все недостатки Красной армии. При этом и к финнам особой жалости не испытывали. Но, в общем, немцы понимали причину войны. 2 декабря 1939 года статс-секретарь германского МИДа Эрнст фон Вайцзекер разослал в ряд германских посольств циркуляр, в котором требовал избегать антирусского тона, а сама война трактовалась как «естественная потребность России в укреплении безопасности Ленинграда и входа в Финский залив».

Но Красная армия очень быстро выучила уроки первого провалившегося штурма «линии Маннергейма». Была значительно увеличена численность войск. За несколько недель было призвано 550 тыс. человек в дополнении к уже воюющим частям. На 1 февраля 1940 на фронте с советской стороны находилось 40 дивизий (975 675 человек), с финской стороны — 13 дивизий (около 300 000 человек). 11 февраля Красная армия начала наступление. К марту 1940 года, поражение Финляндии стало очевидным.

8 марта (в день, когда в Лондоне и Париже приняли решение начать боевые действия против СССР к лету) маршал Маннергейм так писал министру иностранных дел Финляндии Вейнэ Таннену: «Направляю вам доклад о готовности армии к боевым действиям, полученный от генерал-лейтенанта Хейнрихса, командующего группировкой на Карельском перешейке, являющейся нашей основной вооруженной силой. В качестве командующего армией Карельского фронта я считаю своим долгом доложить, что состояние армии таково, что дальнейшие военные действия могут привести только к дальнейшему ее ослаблению и новым потерям территории.

Численный состав батальонов, по донесениям с линии фронта, составляет менее 250 человек; ежедневные потери исчисляются тысячами. Вследствие физического и морального утомления боевая способность оставшихся в строю людей намного меньше той, которая была в начале войны. Значительные потери офицерского состава ещё больше снижают боеготовность подразделений. Огнём вражеской артиллерии и воздушными бомбардировками выведено из строя значительное число пулеметов и противотанковых орудий, их недостаток ощущается на самых важных направлениях. Активные действия вражеской авиации зачастую делают невозможными переброску и снабжение войск. Генерал-лейтенант Оке, командующий Прибрежным корпусом, доносит мне о значительных потерях и моральном утомлении своих солдат, которые утрачивают способность к сопротивлению. Генерал-лейтенант Ёхквист, командир Второго армейского корпуса, считает, что, если не произойдет чуда, существующая линия фронта на его участке продержится не более недели из-за потерь личного состава, в том числе офицеров. Генерал-майор Тайвела, командующий Третьим армейским корпусом, считает, что всё висит буквально на волоске». Через 4 дня Финляндия подписала мирный договор.

Согласно мирному договору 12 марта 1940 года, новая граница примерно соответствовала границе Российской империи и Швеции в 1721 году. К Советскому Союзу отошли территории Карельского перешейка с городами Выборгом и Кексгольмом (которые в ходе переговоров в 1939 году Сталин был готов оставить Финляндии), острова в Финском заливе Балтийского моря. Не менее важным было приобретение СССР военно-морских баз в Ханко и Порккала-Уд: благодаря обладанию ими (вместе с базами в Эстонии) Финский залив был закрыт для проникновения вражеских кораблей. Граница от Ленинграда была отодвинута на 150 км, что увеличило обороноспособность города во время Великой Отечественной войны. Кроме этого, к СССР на севере отходили полуострова Рыбачий и Средний, что в 1941-м помогло русским удержать границу, отбив все попытки германских войск прорваться к Мурманску. В ходе войны русские заняли Печенгу, до 1920 года входившую в Архангельскую губернию. Но в Печенге при финской власти стал добываться никель, причем разработка месторождений велась французскими, канадскими и британскими компаниями. И для сохранения хороших отношений с Францией и Великобританией после войны этот участок был передан обратно Финляндии. Так что западные кампании убытков не понесли. Это сразу ска-

залось на потеплении отношений с западными «демократиями». Там разумно считали, что финнов жалко, но прибыли от добычи никеля в Печенге были важнее.

Отошедшая к СССР территория составила почти 7% территории Финляндии по состоянию на 1939 год, и общая площадь СССР, с учетом водных территорий, увеличилась на 35 000 кв. км. Земли в принципе были замечательны. По утверждениям финских историков в приграничной полосе, главным образом на Карельском перешейке, в 1940 году располагались 15% всех пахотных земель Финляндии. Зато никакого населения на территориях практически не было, ведь его выселило перед войной само финское правительство, оказав тем самым СССР очень большую услугу. Еще более удачным надо признать то, что зачистку территории от населения финские власти провели еще до войны, что снимает с России всякую моральную ответственность за это действие. Всего на перешейке насчитали лишь 98 человек гражданского населения, в основном преклонного возраста, причем 14 из них оказались душевнобольными. С учетом территорий в Карелии осталось приблизительно 3 тысячи человек финского гражданского населения.

Поражение Финляндии вызывало сожаление на Западе. Выступая 19 марта 1940 года в парламенте, глава французского правительства Э. Даладьё сказал, что для Франции «Московский мирный договор — это трагическое и позорное событие».

Косвенным образом в войне были задействованы прибалтийские территории. С советских баз в Эстонии взлетали советские бомбардировщики и уходили на боевую работу корабли. Но в целом Балтийский флот и авиация действовали как со связанными руками, не решаясь выйти за рамки предусмотренных договорами ограничений. Власти лимитрофов и особенно прифронтовой Эстонии откровенно симпатизировали финнам. Тысяча эстонцев отправилась воевать в финскую армию, осведомители сообщали финнам о всех передвижениях на советских военных базах, осуществлялся перехват радиogramм советских воинских частей. В конце декабря 1939 года, как раз в момент поездки генерала Лайдонера (эстонского главкома) в Москву, члены Кайтселиита обещали устроить «Варфоломеевскую ночь» подразделениям Красной армии в Эстонии. Граждане Эстонии погибали как в рядах финских вооруженных сил, так и по обстоятельствам, присущим стране, соседствующей с зоной боевых действий. Так, СССР объявил морскую блокаду Финляндии (действуя прямо по британскому образцу). Эстонский корабль «Кас-

сари» 10 декабря 1939 года не ответил на сигналы о досмотре и был потоплен артиллерийским огнем подводной лодки КБФ «Щ-323» вне пределов объявленной зоны морской блокады Финляндии. Один член экипажа погиб, двое были ранены. Были случаи, когда из-за ошибок навигационных приборов, советские летчики сбрасывали бомбы на эстонской территории. По тем же причинам советские самолеты не раз пролетали над запрещенными для них эстонскими укреплениями на островах. При этом эстонские зенитчики неоднократно открывали огонь, но из-за скверного состояния эстонской ПВО никаких повреждений самолетам с красными звездами нанесено не было. Впрочем, финны также, наплевав на нейтралитет Эстонии, бомбили маяк на острове Вайндло.

Таким образом, война с Финляндией — весьма жестокая и кровавая, но все же локальная, завершилась победой СССР, который обеспечил защиту Ленинграда, отодвинув границу на 150 км и присоединив себе острова Финского залива.

Для прибалтийских лимитрофов эта война имела также серьезное значение. В Москве сочли, что лучший способ укрепить свои границы на северо-западе — это вообще ликвидировать лимитрофы. Для ее военных и политических лидеров имело значение еще и то обстоятельство, что за три с половиной месяца советско-финской войны СССР не побоялся конфликтовать с обеими западными блоками — германским и англо-французским, быстро мобилизовал миллионную группировку войск, массово применял танки и авиацию (только на Карельском перешейке в ходе наступления Красной армией было одновременно задействовано 2300 танков, и 2200 самолетов). За 105 дней военных действий «сталинские соколы» совершили в общем счете 100 940 боевых вылетов (84 307 — сухопутная авиация и 16 633 — морская), советские бомбардировщики сбросили на противника 25 646 тонн бомб. Всего в войне участвовало примерно 4 000 советских самолетов. Из них потеряно 554, то есть около 14%. Финны же лишились почти 40% своей авиации, в том числе свыше 95% от ее первоначального состава. Советская авиация понесла небольшое число потерь при соотношении к числу совершенных вылетов — 0,3% от числа боевых вылетов.

Советскими войсками впервые в истории войн были применены в боевых условиях радиолокационные станции (РЭС-1) для обнаружения самолетов противника. Впервые в боевых условиях был применен тяжелый танк КВ. Танк прошел успешно испытания боем — финские снаряды отлетали от брони, не причиняя вреда. Единственный танковый бой этой войны произошел у железнодорожной станции Хонканиemi

в конце февраля 1940 года и завершился победой советской стороны. Другое дело, что в силу рельефа местности танки не сыграли той роли, на которую рассчитывало советское военное командование. Но важен был сам факт масштабного применения танков на сложном театре боевых действий в тяжелых климатических условиях.

Генералы прибалтийских войск, большинство из которых когда-то были поручиками и прапорщиками российской императорской армии в 1914—1917 гг., помнили «снарядный голод» времен Первой мировой войны. Теперь же они видели, что советская артиллерия за час артподготовки выпускала больше снарядов, чем за всю русско-японскую войну. Во время наступления на Карельском перешейке Красной армией было задействовано 6374 орудия и миномета, из них почти четыре с половиной тысячи — калибром 76 мм и выше. Для разрушения бетонированных укреплений «линии Маннергейма» применялись гаубицы 203-миллиметрового калибра, прозванные «сталинскими кувалдами». Впрочем, эти «кувалды» прозвали также «карельскими скульпторами», после залпов которых менялся ландшафт местности. На месте укрепленных дотов и блиндажей оставались огромные воронки, вырванные с корнем деревья, полосы скрученной арматуры и бетонных фрагментов укреплений. Во время боев при прорыве «линии Маннергейма» от грохота орудийных выстрелов дрожали оконные стекла не только в Ленинграде, но и в Хельсинки, расположенном более чем в 200 км от фронта. Советские подводные лодки проходили подо льдом в Ботнический залив, а сотни самолетов бомбили позиции финнов в любую погоду. Также прибалтийскими политиками бралось в расчет то обстоятельство, что финны понесли громадные людские потери, очень ощутимые для маленького народа, и все равно отдали значительные территории. Прибалтийские лидеры сделали здравый вывод: военное сопротивление СССР приведет только к гибели и разрушениям, и при этом никто реально прибалтам не поможет. И самое лучшее в таких условиях — успеть сдаться в надежде на милость победителя. Что и было сделано всего три месяца спустя.

Итак, финская война закончилась победой. Несмотря на множество ошибок в начале кампании, вызванной недооценкой неприятеля, а также на фактический союз финнов с ведущими странами тогдашнего Запада, СССР добился реализации своих целей. Отдадим же должное советским бойцам и командирам, честно выполнившим свой солдатский долг!

МАРЬИНКА

РАССКАЗ

2012 год. Римма Марковна в педагогической среде славилась стальным характером, колким взглядом и непререкаемым авторитетом. Директор обычной донецкой средней школы, она пережила на своём месте двух генсеков, пятерых президентов и больше десятка начальников Облоно, фамилии которых никто уже и не помнил. Её командный с нотками скрипучего металла голос врезался в память каждого выпускника за тридцать с лишним лет, в которые она занимала свой кабинет на первом этаже. Менялись портреты, флаги, школьные программы, но Римма Марковна оставалась островком стабильности среди бушующего шторма перемен — всё так же каждое утро лично встречала у входа учеников, сверлила взглядом опоздавших и безошибочно определяла запах табака с расстояния в несколько метров.

— Калюжный, не разгоняйся. Зайди ко мне, — скомандовала Римма Марковна одному из учащихся выпускного класса, указав ему рукой на дверь своего кабинета.

— Так это... там же геометрия... — Гена Калюжный обречённо попытал-

ПРОЗА

ся оспорить приговор, но сделал он это не очень убедительно, исключительно ради профформы.

— Эта великая древняя наука ничего не потеряет от твоего отсутствия сегодня. Марш в кабинет! — угрожающе произнесла Римма Марковна, поправив обеими руками очки в толстой ретро-оправе.

Следующую свою жертву директор завидела издалека. Ростом Илюха Трофимов выдался немалым, его светлая причёска «ёжиком» выделялась из общего потока школьников, спешащих к первому уроку.

— Илюша, а что это у тебя под глазом? — Глазунов с младших классов помнил, насколько обманчив может быть этот показательно добродушный тон директора. В одну секунду он мог измениться на прямопротивоположный.

— Та мелочи жизни, Римма Марковна. Не стоит ваших переживаний. В дверь не вписался спросонья.

— Ясно. Ну, зайди ко мне в кабинет, поговорим о твоих мелочах.

Спустя несколько минут после звонка Римма Марковна с хозяйским видом вошла в кабинет, моментально оценив диспозицию — вчерашние друзья сидели в противоположных углах, не глядя друг на друга. Стопка журналов она грохнула на крышку стола, что не предвещало учащимся ничего хорошего.

— Чего расселись по углам? Сюда садитесь, — директор указала на стулья для совещаний.

Оба юноши нехотя поднялись со своих мест и подошли поближе.

— Ну? Я давно не в том возрасте, чтобы на вас голос повышать. Вон усы уже отрасли. Садитесь.

Парни, не поднимая глаз, сели напротив директора.

Римма Марковна некоторое время постукивала ручкой по столу, словно подбирая слова, затем подписала пару бумаг и сложила руки перед собой на столе, что обычно означало — разговор будет долгим.

— Вот скажи мне, Геннадий... ты с планами на дальнейшую жизнь определился?

— Да, конечно, Римма Марковна, — в Харьков хочу. В юридический.

— А ты, Илья?

— Я в технический университет. Вы же знаете, это моё, — нехотя ответил Трофимов.

Римма Марковна встала, подошла к окну, заложив руки за спину, некоторое время так и стояла, наслаждаясь последними осенними лучами солнца.

— Значит, в разные стороны. Вы же друзья с пелёнок. Соседи, — тихо изрекла Римма Марковна, наблюдая за тем, как во дворе школы пятиклассники под руководством физрука прыгали в длину в песочную яму. — Ваши родители тоже здесь учились... Ну разве можно так?

Юноши в голосе директора различили незнакомые нотки едва уловимого бессилия.

— Ну зачем... морды бить друг другу, зачем, я спрашиваю?

Парни молчали, глядя перед собой в стол.

— Это ж как надо было разбушеваться, чтобы вот так демонстративно, перед всей школой, в холле! Трофимов!

Илья медленно встал и его стул, отодвигаясь назад, издал противный звук, заставив Римму Марковну недовольно поморщиться.

— Трофимов, дежурная вечером доложила, что пока она мыла полы на третьем этаже, в холле разбили зеркало и стеклянный шкаф с кубками. Что посоветуешь мне с этим делать?

— Я возьмешу, Римма Марковна. Я сайт доделываю, на следующей неделе заплатят.

Гена Калюжный, недолго думая, тут же вскочил со своего места и, приняв вызывающую позу, заявил:

— Заплачу я. Это я его туда лететь отправил!

— Ты глянь, диспетчер выискался! Зубы все на месте? Вроде одного должно не хватать.

— Да я тебя...

Римма Марковна схватила указку, лежавшую с краю на столе, и хлопнула по столу так громко, что оба молодых человека сначала вздрогнули от неожиданности, а затем так и замерли стоя.

— Я же вас с первого звонка знаю! Да какая муха вас кусала? Устроили мне тут петушинные бои! — голос женщины предательски задрожал, к горлу подкатил комок.

— Я настаиваю, Римма Марковна, я заплачу! — тихо произнёс Калюжный. — Это я разбил.

— Только без геройства! Попролам заплатите. Идите оба. От кого-кого, но от вас я такого не ожидала...

Парни быстро направились к выходу, но перед самой дверью остановились, столкнувшись плечами.

Обернуться их заставил тихий голос Риммы Марковны:

— Ни одна любовь не стоит настоящей дружбы. Запомните это. Любовь — это всего лишь химическая реакция. Это я вам как специалист говорю. А дружба — материя другого плана. И если вы Ольге желаете добра, то больше так не делайте. Не заставляйте девушку плакать. У меня всё...

С той поры минуло десять лет.

...— Трофим, смотри справа!

Автоматная очередь прошла поверх головы, осколки серого кирпича мелкой дробью хлёстко ударили по щеке. Самый большой кусок ударил прямо в тангенту рации.

— Чёрт! — Илья упал на землю, оглядываясь по сторонам. Его штурмовая группа тоже залегла кто где в полном составе.

— Лежать! Всем лежать! — хриплым голосом приказал командир группы с позывным Грек.

Характерный свист мины заставил вжаться в мокрую землю всем телом. Хлопок. Ещё свист. Ещё взрыв. Всё ближе.

— Грек! За гаражом засели! Не достанем! Птица нас видит? — прокричал Илья. — Проси помощи!

— Видит! Сейчас подмогнут! Дракон уже в пути!

Свист. Мина. Сверху полетели комья земли, перемешанной со строительным мусором. Следующая будет прямо им в ноги. Нужно двигаться.

Дрон, снаряжённый зарядом, заходил к гаражу, перекрывавшему путь к зданию почты с севера. Это стало понятно сразу, как только огонь со второго этажа враг перенес в ту сторону.

Громкий взрыв, и столб огня осветил руины вокруг и стволы деревьев, ещё не снесённые огнём артиллерии.

— Вперёд! — прокричал Илья, резко поднявшись с места.

До разбитой почты оставалось шагов двадцать по открытой площадке, которая когда-то была её двором. Окна второго этажа ожили автоматными очередями, но уже не так интенсивно.

Только Илья преодолел половину пути, как то место, где он лежал минуту назад, вздыбилось землёй, покрылось густым облаком сизого дыма.

Прижавшись спиной к стене, Илья перекрестился и успел глянуть вверх, в такие же серые, как этот кирпич, тучи.

— Трофим, не стой! — Грек, пробегая рядом, схватил его за броник и втянул внутрь. Тут же следующая мина пришла во двор, разворотив часть стены.

— Ничего не понимаю... Там же, на втором, их пехота. Одна дырка в плите — и привет всем, — прошипел Илья стоящему рядом Греку.

— Да я смотрю, там и не сильно переживают на эту тему, — заметил старшина, доставая гранату. — Расходимся, Трофим! Я по правой стене, ты — по левой.

Три шага в сторону, пригнуться под оконным проёмом, ещё пять шагов... Грек был опытным штурмовиком. Без уверенности на рожон не лез. Сказывалась мужицкая рацио-

нальность и смекалка. Тем более, сам он был родом из Волновахи, места окрестные знал, как свои пять пальцев. А почта — типовая в любой деревне, если из серого кирпича сложена. Так что, лестница та имеет площадку между этажами и дальше заканчивается длинным коридором с дверями по обе стороны.

Илья внимательно смотрел за передвижением Грека. Пока никто из их пацанов площадку не преодолел, а те укры, что засели на втором этаже, будто подкрепление получили. Палили из всех стволов, не давая голову поднять.

— Ложись! — раздалось во дворе. Илья только и успел, что присесть, прижавшись к побитой ржавчиной и осколками чугунной батарее.

Грады пришли с запада. Взрывов он насчитал с десятков. Один точно угодил в крышу, другой прямо под оконный проём, за которым он прятался. Остальные ударили по двору и немного дальше.

Оглушённый, Илья ошупал конечности, пошевелил головой. Вроде цел, но в ушах звенело так, будто он оказался на колокольне в пасхальную ночь.

— Грек, Грек, ты как там?

Со стороны лестницы едва слышно подал хрипящий голос его напарник:

— Я трёхсотый...

— Сейчас, не двигайся, — Илья пополз по битому кирпичу, издавая громкий шум, но сейчас было не до этого.

— Грек, куда? — Илья перевернул тяжёлое тело и понял, что ответа не будет. Осколок порвал сонную артерию, из которой сильными точками хлестала кровь. — Грек, зараза! Как тебя угораздило?... — и он с горечью закрыл глаза товарищу.

... — Деда, а когда мы пойдём в цирк? — Соня с видом настоящей хозяйки, закинув на плечо вафельное полотенце, перетирала тарелки.

Дед Олег дышал глубоко, носом, крепко сжав губы, чтобы ни одно неприличное слово, не дай боже, не вырвалось в присутствии любимой внучечки. Дед Олег познавал госуслуги в новом смартфоне, который ему наемдни подарила на юбилей дочь Ольга. Сонечка очень вовремя задала свой вопрос. Дед с чувством выполненного долга отложил блестящий стеклом китайский прямоугольник от греха подальше — ещё не хватало его разбить в порыве злости — и обратил всё своё внимание на любимую малявку.

— Золотко моё, так цирк не работает сейчас.

— А если медведи приедут? Заработает?

— Они заняты сейчас, велосипеды свои ремонтируют.
— Опять обманываешь, деда. Мне скоро десять, а ты со мной как с маленькой разговариваешь.

— Ты для меня всегда малявкой будешь. Вот как только отремонтируют, в городе сразу появятся афиши, мы их с тобой увидим, купим билеты и пойдём.

Дед Олег и сам мечтал об этом праздничном дне. Много раз представлял, как доедут они до цирка на троллейбусе, поднимутся по ступеням и войдут в зал с красными сиденьями. Зажгутся прожектора, заиграет оркестр... Иной раз старику казалось, что он в этот цирк хочет больше внучки, и в этом была большая доля правды — уже давно хотелось чего-то светлого, радостного и беззаботного.

— А маму мы с собой возьмём? — не успокаивалась внучка, аккуратно укладывая на место для сушки вымытые тарелки.

— Обязательно возьмём, а как же!

— А она будет дома, не в больнице?

Дед Олег подошёл к ней, взял на руки, поцеловал в щёку.

— Когда мы победим, мама будет дома гораздо чаще, а сейчас у неё очень много работы. Работа эта очень важная, она...

Взрыв где-то сбоку от их хрущёвки заставил деда Олега вжать голову в плечи.

— Деда! В коридор! — Соня давно была обучена правилам поведения в такой ситуации. На этот случай в том месте, где не видно было окон, лежали две подушки и плед.

Соня тут же накрыла деда синим пледом с большими белыми звёздами и прильнула к его уху, чтобы прошептать:

— Ты, деда, не бойся. В нас не попадут. У нас окна выходят на юг, ты же сам говорил.

— Точно, точно! А я и не боюсь! Я...

Новый телефон громко зазвонил непривычной мелодией и заставил старика прервать мысль. На экране появилась самая удачная фотография дочери Ольги — в медицинской шапочке, с широкой обезоруживающей улыбкой.

Зелёная кнопка поддалась не сразу — очки он оставил в зале, но сообразительная внучка быстренько помогла сдвинуть её вправо.

— Да, доча, слушаю. Да. Мы в порядке. Ну какая уже разница, куда прилетело? Сидим в коридоре. Да. Окна вроде целы.

Трубка ещё некоторое время голосом дочери инструктировала о дальнейших действиях, которые сводились к тому, что в холодильнике всё есть, выходить никуда не нужно, сидите дома, тем более что сегодня день воды.

— Доча, ты-то как доберёшься? А-а, дежуришь... Ну позванивай. Давай. Целуем.

— А вот я хотела спросить, деда... Где мой папа? — прошептала внучка, опустив голову.

— О! Слышишь? Кран зашипел! Ура! — уходить от этого вопроса деду Олегу было всегда тяжело. В этот раз помог случай.

— Ура! Деда! Ты машинку включай стиральную, а я купаться! — Соня сорвалась с рук и пулей помчалась в ванную комнату.

— Дайте связь! Кто их слышит?

Капитан с красноречивым позывным «Черномор» метался по блиндажу, как зверь в клетке.

— Птицы видят их?

— Так точно, через две минуты будет доклад. Две летят.

— Быстрее, быстрее! — зычный голос Черномора сотрясал ограниченное пространство так, что казалось, сейчас обрушится потолок.

— Есть связь!

— Командир, Трофим и Грек зашли на первый уровень. Нам насыпали градов. Два двести, остальные триста. Со второго этажа по нам ведётся беспорядочный огонь.

— Почему Грек не отвечает? — кричал командир в рацию.

— Нет связи с ними, — прошипела рация, и звук этот утонул в череде взрывов.

— Подкрепление — срочно! Эвакуаторов туда же! — Черномор быстро схватил шлем, автомат и ринулся к выходу.

...Илья очнулся минуты через две. На этот раз — в луже крови, сочившейся из правого бедра.

Перевязался. Сделал обезболивающий укол.

— Эй там, сепары! Как оно? Есть кто ещё живой? — хриплый голос сквозь дыру в перекрытии был слышен отчётливо. Опасная позиция.

Илья, стараясь не издавать лишних звуков, отполз в дальний угол почтового зала и ударом здоровой ноги открыл дверь в санузел.

На звук через отверстие прилетела граната. Взрыв. Свист в ушах. Кажется, цел. Не задело.

— Мимо! Теперь мой ход! — крикнул Илья, всадив в проём на потолке десяток пуль.

Если их там несколько, то долго не продержаться. Илья в кармане разгрузки нащупал гранату. Достал. На всякий случай проверил чеку. Положил в тот же карман.

— Шо молчишь, сепар? — раздалось сверху.
— А нам есть о чём говорить? — ответил Илья.
— Ты наш или русский?
— Мы все русские. Ты, как я посмотрю, тоже не поляк.
— Хорошая шутка. Так ты чей?
— Донецкий! А ты за каким чёртом припёрся сюда? Плохо жилось?

— Не умничай, сепар! Я тоже дончанин!

Специфическое жужжание слева заставило Игоря вскинуть автомат. Квадрокоптер, неосторожно появившийся в оконном проёме, был поражён со второго выстрела.

— Черномор, приём!

— На связи! Что там у вас?

— На втором этаже один с жёлтой повязкой. Остальные лежат, не шевелятся.

— Что с нашими?

— Грек на первом. Похоже, двести. Трофим триста. Занял позицию за дверью. Сбил нашу птичку.

— Чёрт с ней, заходите ещё раз. Пляньте дальше. Укропов не прозевай, если помощь пошлют. Нам минут сорок до них грести. Держи в курсе, что с той стороны.

— Есть!

Со второго этажа раздался стон.

— Зацепило? — спросил Илья.

Нужно было разговаривать с врагом. Наружу не выбраться, он всё из окон простреливает, но ему тоже вниз не спуститься. Лестница под прицелом, а пожарную оторвало от стены. Только прыгать, но он тоже ранен.

— Тебе-то что? Ты там тоже не богатырь Илюша Муромец. Один, что ли, остался? — прокричал хриплый голос сверху.

— А ты спустись, проверь! Я, кстати, Илюша!

— Та погоди ты! Сейчас подлечусь и спущусь. Жди!

— Так добро пожаловать! У меня на всех хватит!

— А ты откуда, сепар? — хриплый голос неожиданно сменил тему.

Некоторое время Илья думал, отвечать или нет.

— С Калиновки.

— О! И я! А там где? Может, пересекались?

— На Ходаковского, возле ГАИ.

— Ничего себе! А год рождения?

— Девяносто шестой! А что ты такой любопытный? Ностальгия замучила?

Некоторое время второй этаж не подавал признаков жизни, и Илья напрягся — зубы заговаривает, хитрит...

— И что, Римма Марковна директором была в школе? — неожиданно раздалось сверху.

— Почему была? Она до сих пор работает.

— Та ладно! Это ж сколько ей уже лет?

— За семьдесят. Но взгляд тот же. Так ты за себя расскажи! — Илья решил взять инициативу в свои руки. — В каком году заканчивал?

Вот теперь длительная тишина сверху вызвала нешуточное напряжение нервов. Что он задумал? Похоже, боец подготовленный. Из старых. Как выжил-то за столько времени?

— В двенадцатом, Илья... В двенадцатом... Здорово, Трофим...

У Ильи в глазах помутилось — то ли от неожиданной резкой боли в бедре, когда он попытался встать, то ли от такого неожиданного поворота событий.

— Геша?!

— Я.

— Вот это расклад... — прошептал Илюха и потом продолжил громче. — Та ладно! Голос твой не узнаю!.. За кого подрались осенью двенадцатого?

— За Ольгу. Разрушили стеклянный шкаф в холле и разбили зеркало. Какие ещё вопросы будут?

— Вопросов на пару часов разговора у меня накопилось! Как тебя угораздило? Это первый вопрос!

— Та как... Отучился, в органах служил, потом батальон, сейчас вот регулярная часть.

— И что, ни разу не захотелось домой?

— Не трави душу! Матушка сказала, проклянёт, если не вернусь. Я ей соврал, сказав, что пожарным служу..

— Аккуратно, не отсвечивать! Дистанция десять шагов! След в след! Медики замыкают! — скомандовал Черномор.

Цепочка бойцов, шедших на помощь своим, растянулась по только им известной тропе между минами, словно длинная весенняя гусеница...

— Жива она? — с надеждой спросил сверху Гена.

— Тамара Фёдоровна? Да. В вашей квартире живёт. Пару месяцев назад в увал ходил, виделись. На чай приглашала. С пирожными.

— И что? Был?

— Был. Плачет. Тебя, говнюка, вспоминает.

— Ну хоть не прокляла пока?

— Вроде нет...

— А Оля?

— Медсестрой в Калинина работает. В приёмном хирургическом отделении.

— Видитесь?

— Пошёл к чёрту, Геша! Как ты поступил и уехал, я с ней не виделся!

— Та ладно! Заднюю включил? Я ж, считай, сдался! Ну и занимался бы.

— Ты, Гена, дятел беспросветный! Родила она. Ровно в мае следующего года. Дочь у тебя. Софья.

Две минуты бесконечной тишины прервал хруст битого кирпича на лестнице.

Илья вжался в угол, взяв ступени на прицел сквозь дверной проём.

Геша спускался медленно, хромя на одну ногу. Автомат он демонстративно положил на промежуточной площадке, там же оставил две гранаты и запасный рожок.

— Я сдаюсь, Илюха. Второй раз я прийти не смогу.

— Ты всегда умел говорить слова с пафосом. Раньше надо было думать.

— И что, убьёшь?

— Говнюк ещё раз. Иди к выходу, я сзади буду. Пленных не расстреливаем.

— Есть идти вперёд, — произнёс Геша, повернувшись к своему бывшему другу спиной.

Подняться оказалось для Ильи задачей непосильной. Сцепив зубы, чтобы не издавать никаких звуков, он сделал две попытки. Обе закончились неудачей.

— Так мне идти или стоять?

— Стой пока... Сейчас... Я справлюсь...

Геша неожиданно обернулся, и шагом, настолько быстрым, насколько позволяло ранение, направился к Трофимову. И автомат, направленный прямо ему в голову, его не остановил.

— Не дури, брат. Сказал же, сдаюсь. Пошли домой...

...Черномор поднял руку, и вся цепочка замерла без движения. Впереди, среди разбитых гаражей, где-то возле камыша на берегу жиденького ручья, послышался шорох. Черномор присел, и его примеру последовали все остальные.

Шуршащий звук усиливался, и через покорёженные ворота гаражного кооператива на фоне уходящего солнца показались два силуэта. Один буквально висел на другом, обняв его за плечо.

— Стой, кто идёт?

— Свои... Трофим. Пленного веду.

Черномор с трудом рассмотрел цвета нарукавных повязок и, к удивлению своему, обнаружил, что это пленный тащит Трофима, а не наоборот.

— Трофим, что с остальными? — тихо спросил Черномор.

— Живых не нашёл, товарищ капитан...

Только Черномор сделал два шага навстречу Илье, как сзади раздался окрик:

— Ложись! Птица!

Заряд, сброшенный с квадрокоптера, не оставил Генке, тащившему Илью, никаких шансов...

— Оля, тампон!

Хирург подавал команды чётко и громко.

— Зажим!

Она никогда не видела лицо того, кто лежал за экраном. Она всегда видела только раны. Она их за последнее время перевидала столько сотен, что могла безошибочно определить, выживет раненый или нет. Этот выживет. Этот сильный, крупный, в таких мужиках много природной жизненной силы.

— Всё, зашивайте, — устало произнёс хирург, снимая перчатки. — Оля, помоги молодёжи, я с ног валюсь уже. Долго работали. Губы ему смочи.

— Сделаем, — автоматически ответила Ольга, погрузив марлю в воду.

Следующим утром она имела право не приходить в отделение после ночного дежурства, но она даже и не ушла. Просидела всю ночь в палате реанимации, благо — коллеги отнеслись с пониманием.

Когда Илья начал отходить от наркоза, он нёс какую-то околесицу. Всё время кого-то называл говнюком, материл последними словами из лексикона сапожников за то, что струсил вернуться вовремя, а потом пытался оторвать бинты, которыми его привязали к кровати.

Только к вечеру, когда туман наркоза рассеялся окончательно, он смог различить черты медицинской сестры, сидевшей у его кровати.

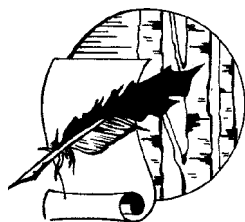
Долго молчал. Не просил ни пить, ни обезболить, молчал, сцепив зубы. А она держала его за руку.

— Выходи за меня замуж, Оля. Я всю жизнь мечтал воспитывать дочку.

Она только долго кивала в ответ головой, вытирая подтёки туши на щеках.

— Теперь дед знает, что отвечать на вопрос, где её папа...

г. Донецк

Иван ЩЁЛОКОВ

РУССКОЕ ВРЕМЯ

* * *

Время ты, времечко — прялка бабуси.
Что ни случилось бы — ссучена нить.
— Кончу куделю — другою займуся:
Зиму-то надо хоть как пережить!..

От Покрова и до Пасхи Христовой
Крутится, вертится веретено.
— Будет бойцам на Донбассе обнова...
Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва у прялки бабуси.
Что ни куделька — Господен ей суд...
Овцы — в хлеву, в палисаднике — гуси:
Хлопают крыльями — время пасут.

— Бабушка, хватит, устала, наверно!
Можно ли днями сучить да мотать?..
Русское время — бабусина вера
И в Иисуса, и в Родину-мать.

* * *

Дождаться апреля — и к предкам
Поехать на родину. Там
Синицей докучной соседка
Вспорхнётся — и рада гостям.

Поманит крылами к погосту,
К родительским тихим крестам.
— Куды дольше жить — девяносто?!
Избави Господь, чтоб до ста...

И выплеснет жалость рекою
Из чуткого сердца она:
— Вон горе-то нонче какое,
Как в нашенском детстве — война!

Одна я на целой серёдке,
Других не осталось годков.
Недавно помёр и Серёнька —
Последний из всех мужиков...

Спасибочки, птица-синица,
За светлые в грусти часы,
Что есть нам куда возвратиться
Из чёрной своей полосы!

УЛИЧНЫЙ ГАРМОНИСТ

На углу Комиссаржевской,
Вдоль пилястр кинотеатра
Ходит люд, мужской и женский,
То туда, а то обратно.

Ходит, думает о всяком,
О плохом, и о хорошем,
И о том — пора бы слякоть
Заменить уже порошей...

В перекрестье судеб встречных
В тёмной курточке кургузой
Гармонист поёт сердечно
Песни бывшего Союза.

Токарь высшего разряда
С оборонного концерна,
В горбачёвскую разрядку
Для державы стал не ценным.

Слава улиц — мёда ложка.
Нет обид на век коварный.
Даже рад, что на гармошку
Поменял станок токарный.

Он по кнопочкам пройдёт
И зальётся баритоном.

На столбе фонарь качнётся,
Вспыхнет ярче на полтона.

Мастер уличного пенья
Ладит гаммы, как детали,
В общей массе — для веселья
И отдельно — для печали.

Сохранил он честь и душу,
Пережил позор и беды...
— Спой-ка, батя, про Катюшу..
— Не-е, сперва про День Победы!

* * *

Мой век — не глашатай,
Но в чём-то — предтеча.
В армейском бушлате
Шагнул нам навстречу.

На плечи саженьи
Примерил тельняшку:
Готова к сраженью
Душа нараспашку.

Век мог бы в Европе
Пить пиво со шнапсом,
Но выбрал окопы
И правду донбассцев.

И бабушкин дворик,
И мудрость училки...
Был в веке том Дворжак,
И Рубенс, и Рильке.

В нём равно творили
Бетховен, Россини...
Мой век отменили
В отместку России.

Простите их, Гейне,
Да Винчи и Гойя!
Вы тоже — в отмене,
Навылет — без боя.

А в русском сюжете
Мелькнёт простодушно
Под бронезилетом
Обложка «А. Пушкин».

В минуты затишья
С блиндажной истомой
Читаем (чтоб слышно!)
Потрёпанный томик.

И кто-то не сдержит
Себя и в ударе
Чайковского врежет
(До слёз!) на гитаре.

Притихнут опушки
У поймы днепровской...
Мой век — это Пушкин,
А также — Чайковский!

* * *

Делим жизнь на любовь и потери,
На дожди и на ночи без сна,
На скрипучие подлые двери
Наших душ: в них отныне — война!

Бьёмся насмерть мы с собственной тенью
И никак не поймём, почему
Кто-то в нашем с тобой облаченье
Свет крадёт и меняет на тьму.

Неустойчивой психики бруствер
Не укроет от пуль и тревог,
Где босые кончаются чувства
И ступает армейский сапог.

* * *

Чем дальше в жизнь, тем больше веры в Бога
И тем дороже куст ракиты на лугу.
Мне для любви не требуется много:
Дышать и видеть — всё, что я могу.

Я двум векам служил по чести-правде,
Советским был, теперь — российский весь.
Не отдавался скуке и браваде,
Хранил лишь нежность ко всему, что здесь.

Не предавал ни друга и ни брата,
Не ныл, не хаял Родину отцов,
Когда её крушили подловато
Лакеи всех мастей и образцов.

Я двум векам, как двум богам, молился.
И горд, что верю в Бога одного.
Мне в двух столетях куст ракиты снился,
И я, мальчонка, около него...

* * *

Привет, Кольцов! Молчишь себе, а зря.
Мне грусть певца — почти ножом по горлу.
Я тоже не восторженный, не гордый,
И даже хмур, как ветер октября.

Нам всем сегодня важно говорить,
Хотя бы жестом, звуком, но от сердца.
Другого Бог нам не оставил средства,
Чтоб братской крови в ссоре не пролить.

Среди утех безудержных и войн,
Среди любви, предательски натужной,
В мятежный омут погружает глубже
Не крик вороний — орудийный вой.

Мечтал вдвоём в воронежских степях
Пройтись с косой под песню жаворонка
По мураве, но на душе — воронка,
И чей-то не остывший в муках прах.

Мне твой бульвар — прифронтовой рубеж,
Мне песнь твоя теперь — передовая...
И я иду, тебя не предавая,
И не готовлю для других мятеж.

* * *

По всем направленьям взъярённой души —
Засады, броски и пальба...
Ты сердце моё в добровольцы впиши,
Пока не утихла борьба.

Впиши меня в пасмурный этот рассвет,
В июньскую морось с Донца...
Что было — к тому возвращения нет,
Что будет — к тому до конца.

И вязнет в густой чернозёмной грязи
Хвалёный заморский сапог.
Ты только назад ничего не вези —
Нет в мире обратных эпох.

Впиши в добровольцы надежд, и побед,
И скорых на смену погод,
Чтоб сердце себе ж не стучало во вред,
Впадая в безвольный разброд.

Ненастье закончится с первым лучом,
Пройдёт с пробуждением от сна...
И взгляд устремляется вслед за ручьём
Туда, где пока что — война.

* * *

Ещё навскидку чувства петушатся,
И день галдит с сорокой вперебой,
И старый клён выходит в люди в штатском,
Но с выправкой для глаза строевой.

И не поймёшь — подвох или загадка,
Играющее красками бытё...
Кленовый лист, как в юности, украдкой
В тетрадку положу я — для неё!

Всё неспроста, и всякое возможно
По логике сердец или времён...
И, глядя на меня, мальчишка тоже
Лист в ранец прячет, пристегнув ремнём.

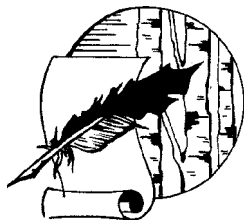
* * *

Когда затревожит, когда не отпустит,
А градус к нулю устремится впотьмах,
Храни себя в бойких, недремлющих пульсах,
Что бодрствуют с дней сотворенья в висках.

Храни листопад вперемежку с дождями,
С ресницами милых обветренных глаз.
Всё сущее проще измерить нулями,
Когда не касается сущее нас.

Храни ноябри, что в досаде без солнца.
Им в помощь листва на берёзах — желта...
И тёплая жилка спасительно бьётся,
В улыбке расправив морщинки у рта.

г. Воронеж

Александр ЛИСНЯК

ГОРСТЬ ПЕСКА

К ИТОГУ

Дня мы не жили выгоды ради
И сейчас это мне ни к чему:
Как отец мой, как дед мой и прадед —
Всё отдам, ничего не возьму.

На мозолях и стройки, и пашни,
И в искусствах отыщется след...
Загляну в кошелёк и заглашник —
Ничего, кроме Родины, нет.

Ну а что здесь имеет значенье?
Деньги, слава... постыдный кураж.
И сказал я себе с облегченьем:
Что ж, дружище, ты истинно наш!

ПРО СЛЕД

Сумбур или покой,
Голодный или сытый,
Убьёшь денёк-другой,
А там и сам убитый.

Мгновенье ли, века,
Различия не много:
Созвездья — горсть песка
Под башмаками Бога.

Но жилы рвём опять,
Махнув на ум и память,
Пытаемся понять
То, что нельзя представить.

Упорно ищем след
Своих забавных странствий...
Нас не было и нет
В означенном пространстве.

ТРАССА

Как за пазухой у Бога
Можно жить бы, но, увы:
За окном шумит дорога
От Ростова до Москвы.
Сутки круглые с надрывом
За окном движки поют.
Мчит народ без перерыва,
Без оглядки на уют.
От Москвы затем на полюс,
От Ростова — за моря...
Я и сам не успокоюсь
Страстью к странствиям горя.
Километры, вёрсты, мили...
Эх, была ты не была —
Пополам планету пилит
Трасса, как бензопила...
Что мы в мире этом ищем?
Что за счастье нужно нам?
Ведь, по сути, кроме пищи,
Все богатства просто хлам.
Все сокровища нелепы:
Нет желающих всерьёз
Драгметаллов вместо хлеба,
Бриллиантов вместо слёз.
В завтра мчим по трассам ловко.
Нас и в мыслях не догнать...

Что нас ждёт за остановка —
Дай нам, Господи, не знать.

ПРИДОРОЖНОЕ

Я с местными одной славянской расы.
И может быть, за эту вот вину
Четвёртый год живу у самой трассы,
На части расчекрыжившей страну.

По ней поток колёс любых размеров
Несёт на разных лицах мысли сплошь...
И в этом вихре есть остатки веры,
Что со страной в попутчиках идёшь.

Туда, где не бывать нам даже близко,
О чём мечтать — забавнейшая дичь,
И, несмотря на труд и степень риска,
Ни взять умом, ни чувствами постичь.

О, Боже правый, дай остановиться
И бесполезность гонки осознать:
В тени лесов еще не смолкла птица,
И солнышку не в тягость дни листать.

Летать, ходить и, может, даже ползать
Не торопясь, с рожденья до седин...
Любая скорость только внешне в пользу,
На самом деле всё в конец один.

НА КРАЮ

Скоро, скоро пересадка
На вокзалах «ад» и «рай».
Жить, наверное, так сладко,
Потому что виден край.

Вместо сна года, как стружку,
Сыплет память за края.
За ночь бедная подушка
Смята, словно жизнь моя.

Наплывает еле-еле,
Не пойму, где даль, где близь...
Вот и ружья заржавели,
Лески удочек сплелись.

Ни работа, ни забавы
Не идут на ум с утра.
Ах, желания, когда вы
Просвистели, как ветра?

Где в мечтах душа томилась —
Вера теплится опричь,
Что не даст мне Божья милость
Одиночества постичь...

ПОДВАЛЬНОЕ

В Закарпатье местами подвалов длина
Как до Франции, может и дальше...
А в прохладе подвалов вина-то, вина! —
Где ж носило меня столько раньше?!
Драгоценною влагой наполнен бокал,
Рядом сплошь просветлённые лица.
И не то, чтоб я сильно по жизни алкал,
Но такого вовек не напиться!
А века оживают во мне и вокруг,
Чувства с мыслями — птицы из клетки!
Как же к месту звучит сокровенное — «друг!»
Как близки мне друзей моих предки!
И как в юности, к добрым делам призовёт
Из ненастья и брани сегодня
Это чудо, что в тёмных подвалах живёт,
Это первое чудо Господне!

ЖИЛИЩЕ

Мой старый друг купил себе жилище.
Он сам его так пафосно назвал.
Сквозь крышу звёзды.
В стены ветер свищет.
Да печь дымит.
Да изгородь вповал...

Оставил это вместе с горькой долей,
Герой войны, прожив почти сто лет.
Внизу река.
Да рощица за полем.

Сирень в окне.
Да над окошком свет...

Живи как бог — ни газа нет, ни лифта.
И нет медпункта — не хрена болеть:
Подумаешь, герой погранконфликта...
Сам ни украсть, ни врать, ни голым спеть.

Вот так же предки все его прожили,
Отца возьми иль деда-кулака.
И глянуть страшно — лишь мослы да жилы.
Да и у друга впалые бока.

Мы телевизор другу подарили.
В нём фейерверки. В нём веселье сплошь:
Москва такие выдаёт кадрили!
Там пьют-едят такое! — фиг поймёшь...

А мы — по сто.
На хлеб лучок да сало.
И все безумства как бы и не в счёт:
Москву Россия много раз спасала,
И в этот с Божьей помощью спасёт...

ПТИЧЬЕ

Дружбой я проникся в школе.
Если вспомнить первый раз:
Санки, горки, Ляля, Оля
И рогатка про запас...

Сбить сосульку Оле, Ляле —
Подрасти в глазёнках дам...
Вот по птицам не стреляли,
Если только по... «жидам».

Семь десятков лет, как в воду,
С ними вместе все друзья.
Но в январскую погоду
Без друзей никак нельзя.

На кормушках все в наличке
Други новые мои:

Дятлы, поползни, синички
И, конечно... воробьи.

Каждый клюв сегодня дорог
В этом звонком randevу:
И хоть век у них не долог,
Я не дольше проживу.

А в течение жизни скором
Я о грустном не хочу:
Мне с крылатым дружным хором
Встретить лето — по плечу!

ОСОЗНАНИЕ

День ото дня я к музам хладнокровней,
Гармошке, да и той уже не рад.
Таким творцам себя считал я ровней!
Я — пахарь. В лучшем случая солдат.

Вот на комбайнах равных я не встретил,
Да кто ж из нас, когда своё ценил?!
Со мной слезу роняет с неба ветер
Над пробой струн и красок, и чернил...

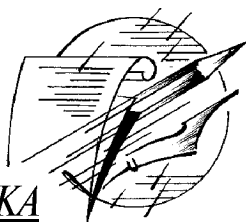
п. Анна Воронежской обл.

ОДЕРЖИМЫЕ ВОЙНОЙ И НЕНАВИСТЬЮ

Американский криминолог, доктор Джордж Л. Келлинг однажды предложил теорию «разбитых окон». Она гласит: «Если одно разбитое окно не отремонтировать, то будет разбито еще больше окон, и в конечном итоге весь город будет опустошен». Если перенести эту теорию на современный мир, то мы найдем сразу несколько окнобойщиков, среди которых первенство, несомненно, принадлежит двум государствам — Соединенным Штатам и Израилю. США после позорного поражения в войне во Вьетнаме фактически не выходят из состояния войны, даже когда их высшие органы государственной власти избегают юридически ее объявлять, несмотря на фактическое ведение военных действий.

Агрессия как стиль и суть

«Соединенные Штаты и Израиль оказались в изоляции как два самых злодейских государства в мире» — написал экс-сотрудник Белого дома при администрации Рональда Рейгана Пол Крейг Робертс после того, как Суд ООН

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

потребовал от Израиля предотвратить геноцид в Газе. И добавил: «А вместе с Израилем, марионеточные правительства Европы, подчинившись диктату внешней политики Вашингтона, оказались в такой ситуации, когда их презирают собственные граждане».

Член палаты представителей конгресса США Марджори Тейлор Грин заявила: «Минобороны Соединенных Штатов одержимо иностранными конфликтами». Это глобальный вызов и нашей стране, в основе которого очевидны геополитические претензии Запада на исключительность, на некое эксклюзивное «право» вершить судьбы мира.

Список военных интервенций США, взявших на себя роль мирового жандарма, в самые разные страны и регионы мира поражает воображение. Вот куда вторгались американские войска только в XX и XXI веках:

1906 год — Куба. Это была уже вторая по счету оккупация острова, который позже будут называть Островом свободы;

1912 год — Никарагуа. Оккупация продлится до 1933 года;

1915 год — Гаити. Оккупация продлится до 1934 года;

1916 год — Доминиканская Республика. Войска США останутся в этой стране до 1924 года;

1917 год — Европа. Участие в Первой мировой войне и последующее участие в оккупации Рейнской области, которое длится до наших дней;

1918 год — Россия. Интервенция во время Гражданской войны. Американцы тогда высадились в Архангельске и Владивостоке;

1941 год — Европа и Восточная Азия. Участие во Второй мировой войне. Послевоенная оккупация побежденных союзническими войсками Германии и других стран.

Соединенные Штаты официально объявляли войну 11 раз в течение пяти отдельных военных конфликтов. Разберем несколько случаев, когда это происходило официально.

1950 год — Корея. Воспользовавшись бойкотом Совбеза ООН со стороны СССР, американцы возглавили военную интервенцию сил ООН на Корейский полуостров.

1958 год — Ливан. Ввод войск по причине политического кризиса в страну, находящуюся за десятки тысяч километров от Америки.

1959 год — Лаос. Участие в гражданской войне.

1964 год — Вьетнам. Ввод полумиллиона американских военных, ушедших с позором через 11 лет.

1965 год — Доминиканская Республика. Организация военного переворота и последующих марионеточных выборов. Оккупация страны до 1966 года.

1967 год — Камбоджа. Развязывание гражданской войны.

1977 год — Сальвадор. Развязывание гражданской войны.

1980 год — Иран. Проваленная операция «Орлиный коготь» по освобождению заложников.

1982 год — Ливан. Интервенция и быстрое бегство из этой страны.

1983 год — Гренада. Вторжение на остров после прихода к власти там нового правительства, ориентировавшегося на СССР.

1986 год — Ливия. Операция «Каньон Эльдorado», объявленная актом возмездия за теракты.

1989 год — Панама. Вторжение в страну под надуманным предлогом.

1991 год — Персидский залив. Освобождение Кувейта, оккупированного ранее Ираком.

1992 год — Сомали. Участие в миротворческой операции.

1992 год — Босния и Герцеговина. Участие в боснийской войне, положившей начало распаду федеративной Югославии.

1994 год — Гаити. Интервенция, санкционированная ООН.

1999 год — Югославия. Война НАТО против СФРЮ, последующий развал Югославии.

2001 год — Афганистан. Война, официально завершившаяся в 2014 году. В 2021 году США поспешно и окончательно оставили эту страну.

2003 год — Либерия. Вторая гражданская война в этой африканской стране.

2003 год — Ирак. Свержение Саддама Хуссейна и продолжающаяся до сих пор оккупация Ирака, уже стоившая жизни, по разным данным, до 650 тысяч иракцев.

2004 год — Пакистан. Война в северных провинциях этой страны.

2011 год — Ливия. Авиационные удары и ракетный обстрел. Свержение и убийство Муаммара Каддафи, спровоцировавшее хаос, непрекращающийся по сей день.

2014 год — Сирия. Продолжающееся по сей день вторжение в эту арабскую республику.

2014 год — Йемен. Ракетные удары по позициям хуситов. Активная поддержка других стран, пытающихся растащить Йемен на куски.

2015 год — Камерун. Военная операция.

2015 год — Ливия. Вторая по счету военная интервенция в раздираемую противоречиями и богатую нефтью страну.

Прокси-войны

В своих локальных авантюрах последнего времени США предпочитают прокси-войны. Что это такое? В буквальном

смысле — это войны чужими руками. По классическому определению, данному Карлом Дойчем в 1964 году, это — международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране.

К прокси-войнам относят Корейскую, Вьетнамскую, Ангольскую, Афганскую войны, подготовленные и развязанные США. В наши дни характер прокси-войны приобрел военный конфликт на Украине, где на стороне бандеровского режима выступает практически весь коллективный Запад, без массивной военной и финансовой помощи которого он бы давно затух.

Украинский полигон США и НАТО

Военная операция США и их союзников по НАТО на Украине — это классическая прокси-война. Она началась практически сразу же после старта СВО — уже 26 февраля 2022 года и включает в себя поставки оружия, экономическую помощь и фактическое руководство военными операциями ВСУ в рамках прокси-войны. Замначальника Главного управления разведки (ГУР) Минобороны Украины Вадим Скибицкий при этом в сентябре прошлого года признал, что Киев использует в основном методики НАТО для атак по России.

Россия распространила в Совбезе ООН в качестве официального документа письмо по поводу ненавистнических заявлений главы ГУР Буданова о планах «продолжать убивать русских, где бы то ни было», указав на русофобию и подстрекательство к насилию по национальному признаку. Ни для кого не секрет, что такого рода призывы — это неотъемлемая часть прокси-войн против нашей державы.

Американские патроны Зеленского и его неонацистской камарильи в своих наставлениях прямо указывают и адрес, и цели развязанной ими прокси-войны. «Украина не должна стесняться агрессии против России, даже если она предполагает уничтожение населения» — такое заявление сделал бывший начальник штаба военной миссии НАТО в Москве, капитан первого ранга ВМС США в отставке Гарри Табах в интервью украинскому YouTube-каналу «Вышка». «Агрессию может загасить только еще большая агрессия», — заявил он. В качестве примеров Табах привел «уничтожение половины населения» Германии для победы над ней во время Второй мировой войны и сброс американцами атомных бомб

на японские города Хиросиму и Нагасаки. (Гарри (Юрий) Табах — выходец из семьи еврейских мигрантов из Москвы, переехавших в 1976 году в США. Занимал различные должности в Госдепе, в том числе работал в американском посольстве в России. В конце 2000-х годов возглавил штаб военной миссии НАТО в Москве, отвечал за связи между военным комитетом Североатлантического альянса и Минобороны России. В 2011-м ушел в отставку.)

Американцы регулярно влезают в военные авантюры за пределами своей страны и... никогда не извлекают из этого должных уроков.

Российские военные и власти неоднократно отмечали, что украинские спецслужбы, в том числе и ГУР Минобороны Украины, используют в ходе военных действий террористические методы. Глава ГУР Кирилл Буданов открыто заявлял о причастности Киева к терактам на территории России. По утверждению The Washington Post, организатором взрыва, из-за которого погибла Дарья Дугина, была Служба безопасности Украины. Причем целью той операции СБУ, осуществленной агентом СБУ украинкой Натальей Вовк, был ее отец, известный философ и идеолог патриотических сил России Александр Дугин. Глава СБУ Василий Малюк заявил по этому поводу, что все цели операций его ведомства «совершенно легитимны». Та же СБУ организовала и покушение на журналиста Владлена Татарского, которому агент СБУ Дарья Трепова вручила статуэтку с взрывчаткой. Та же СБУ причастна к покушению на писателя Захара Прилепина и ряду других терактов.

Если их не остановить...

Российская Федерация не собирается нападать на западные страны, так как ее военная доктрина направлена исключительно на оборону. Такое заявление сделал французский историк Эммануэль Тодд в своем недавнем телеинтервью.

«Агрессия, нападение России на Запад полностью исключены. Российская военная доктрина носит чисто оборонительный характер», — заявил Тодд. В то время как США, напротив, намерены пойти на страшную конфронтацию с Россией, — пишет Пол Крейг Робертс. По его мнению, «Запад находится на краю пропасти, и если его деградацию не остановить, то новая мировая война станет неизбежной».

Год назад президент России Владимир Путин, выступая перед Федеральным собранием, дал следующую характеристику Западу: «...Бессовестно, двулично они вели себя, раз-

рушая Югославию, Ирак, Ливию, Сирию. От этого позора никогда им не отмыться. Понятия чести, доверия, порядочности не для них. За долгие века колониализма, диктата и гегемонии они привыкли, что им все позволено, привыкли плевать на весь мир. Оказалось, что так же пренебрежительно, по-господски они относятся и к народам своих собственных стран — их-то они ведь тоже цинично обманули или обманывали баснями о поиске мира, о приверженности резолюциям Совета Безопасности ООН по Донбассу. Действительно, западные элиты превратились в символ тотальной беспринципной лжи».

Тем российским политикам и журналистам, которые уверовали было в заверения западных лидеров об их благих намерениях в отношении России, понадобилось немало времени, чтобы выйти из плена собственных иллюзий о том, что с кончиной коммунизма удастся похоронить и вековую вражду Запада к России.

Сейчас в Москве отчетливо осознают, насколько серьезными оказались последствия ложных надежд России на честные и справедливые отношения с США и ЕС. «Если деградация Запада не доведет его до полного краха, — предупреждает Пол Крейг Робертс, — война неизбежна. Американцы и европейцы никак не могут повлиять на свои правительства, которые обслуживают интересы и замыслы финансовых воротил. Теперь, когда Запад наглядно продемонстрировал всем и каждому, что он способен безо всякого стыда участвовать в геноциде, даже самые прозападные россияне наверняка постараются держаться подальше от козней Вашингтона».

Война Израиля с палестинским движением ХАМАС показала, что «в интересах Великого Израиля», Украина была на какое-то время вытеснена с экранов и первых полос. Смещение фокуса с Украины на Ближний Восток стало очевидным после того, как в газете *Washington Post* разместили статью, где ответственность за подрыв газопровода «Северный поток» возлагалась на Украину. Ответственным был назван украинский полковник Роман Червинский, предположительно возглавлявший диверсионную группу из шести человек, совершивших подрыв.

«К каким последствиям приведет смещение фокуса внимания заокеанских претендентов на мировое господство? — пишет Пол Крейг Робертс. — Окажутся ли Иран и Хезболла втянутыми в израильско-палестинский конфликт в результате резни палестинцев, которую сейчас устроили израильтяне? Если нет, организуют ли неоконсерваторы операцию под фальшивым флагом, чтобы обеспечить повод и поддержа-

ку США и Израилю для нападения на Сирию, Ливан и Иран? Что еще станет целью крупных военных сил США, оперативно собранных на Ближнем Востоке? Останется ли Путин в стороне, если США и Израиль начнут устанавливать на Ближнем Востоке свою гегемонию? Примет ли мусульманский мир то, что ему назначили роль расходного материала, и распадется ли он в бессилии? Может ли Китай позволить себе существование без иранской нефти, пока Вашингтон создаст проблемы на Тайване? Все это компоненты для еще одной мировой войны. Разразится ли третья мировая? Если не будет активных встречных действий, все может быстро пойти слишком далеко», — предупреждает Робертс.

Закусили удила

Анализ нынешней международной обстановки, данный Робертсом, далек от алармизма. События последнего времени на Украине и Ближнем Востоке, провокации США против Сирии и Ирана, попытки спецслужб США и НАТО спровоцировать антиправительственные выступления в России и в Белоруссии подтверждают, что в своем противостоянии с нашей страной в Вашингтоне, что называется, закусили удила. Там явно готовятся к прямой конфронтации с Россией, уже не ограниченной одними прокси-войнами. «По нашим разведывательным данным, — заявил в январе с.г. руководитель Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин, — мы ясно видим, что западные спецслужбы и политическая власть западных стран видят, что положение внутри России стабильно, видят, что народ, по сути, объединился вокруг политического руководства страны. Но продолжают при этом свою линию. Целей несколько — прежде всего, это гарантированная возможность под таким предлогом финансировать большую сеть так называемых неправительственных организаций, которые специализируются на антироссийской деятельности. Кроме того, это и возможность как-то взбудорить нашу оппозицию, которая находится на Западе. Потому что всем известно, что лидеров оппозиции ничто так не занимает, как возможность делить руководящие посты даже в таком несуществующем «правительстве в изгнании».

Надо думать, Нарышкин не случайно обратил внимания на действия пятой колонны в России и ее агентуры за рубежом. Ни для кого теперь уже не секрет, что эта публика действует синхронно с западными подрывными центрами и по их наводке.

Эскалация враждебных действий коллективного Запада против России и ее союзников привела к тому, что в мире возникла прямая угроза третьей мировой войны, которая, вне всякого сомнения, будет ядерной. И это нельзя уже объяснить только явными признаками деменции у президента США Джо Байдена или невротическими последствиями гомосексуальных оргий некоторых руководителей стран НАТО и военачальников из этого блока, о чем сообщала западная печать.

Речь идет о деградации куда более масштабной — об упадке не только нравов и общественной морали коллективного Запада, но и о системном кризисе всей западной цивилизации, когда экономика рушится под непосильным грузом триллионного государственного долга США, а культура превращается в суррогат массовости, нравственности и морали.

В условиях этого кризиса правящая элита США обращается к давно дискредитированным средствам времен холодной войны, в частности, к доктрине «балансирования на грани войны» бывшего госсекретаря США Джона Фостера Даллеса. Суть ее заключалась в нагнетании военной угрозы в расчете на то, что в последний момент другая сторона в целях самосохранения уступит, так что в итоге удастся избежать катастрофы и получить односторонние преимущества. Так, статья в журнале «Лайф» от 16 января 1956 года, которая считается написанной под влиянием Даллеса, содержала фразу: «Необходимым умением является способность подойти к самому краю войны, не начиная ее. Тот, кто избегает этой грани, боится ее — проигрывает». А ведь если и проанализировать события начала XXI века и особенно воинственные демарши коллективного Запада последних лет, станет ясно, что от этой доктрины Даллеса в США не отказались по сей день.

На грани безумия

В Словаре русского языка Даля слово «войнолюбивый» разъясняется как «охочий до войны». «Американскую войнолюбивость, конечно, нельзя объяснять только постоянным нагнетанием истерики по поводу «русской угрозы», чреватой психическими отклонениями у лидеров США и их подчиненных, хотя бывало и такое. Пример тому — министр обороны США Джеймс Форрестол. 22 мая 1949 года, в самый разгар холодной войны, он впал в паранойю, ожидая скорого наступления СССР на США, и покончил с собой, выпрыгнув из окна сумасшедшего дома с криком: «Русские идут!»

У американской войнолюбивости нет никакой идеалистической основы, зато есть весьма конкретная шкурная заинте-

ресованность финансистов и заправил военно-промышленного комплекса США в получении сверхприбыли от производства вооружений, от их экспорта в «горячие точки» и в арсеналы союзников и стран-сателлитов, таких как Израиль и Украина. Поставка вооружений в эти и другие горячие точки как раз и обеспечивает американскому ВПК максимальную прибыль, и поэтому его хозяева делают всё возможное, чтобы военный конфликт в этих точках продолжался как можно дольше. Заметим, что, по данным американской печати, доходы ВПК США выросли с начала СВО России более чем на 30 процентов. И, как всегда, в таких случаях весьма солидная доля этих сверхприбылей расходуется на пропаганду, которая призвана прикрыть колониалистскую сущность военной помощи США их подопечным и сателлитам рассуждениями о «необходимости защиты свободы и демократии».

Напомню в связи с этим, как еще в конце декабря 2021 года госсекретарь США Энтони Блинкен, известный своим участием в разработке первых санкций против России еще при Обаме, заявил, что США намерены и впредь играть только ведущую роль на мировой арене. Госсекретарь объявил: «Лидерство США необходимо», так как «мир не организует себя сам», а поэтому без их участия «получается хаос». Блинкен добавил тогда, что по итогам личных встреч и бесед со своими зарубежными коллегами он пришел к выводу: «Каждый регион мира откровенно радуется участию и лидерству США». И чем это обернулось после того, как «при участии и лидерстве США» был совершен бандеровский переворот на Украине и там был установлен неонацистский режим?!

Если называть всё своими именами, то именно США постоянно и повсеместно порождают то безумие вооруженных конфликтов, переворотов и «цветных революций», которые сотрясают мир после того, как в результате подрывных действий спецслужб войнолюбивой Америки, а также других западных подрывных ведомств и их пятой колонны внутри социалистического содружества были осуществлены развал Советского Союза и демонтаж Варшавского договора.

Придет время, когда суд народов учредит новый Нюрнбергский трибунал для суда над западными организаторами войн, геноцида и расправ над непокорными странами. И не будет им ни снисхождения, ни пощады.

ХИТРОВАН ТУНГУС

РАССКАЗ

Дорога в две колеи обежала с десятков стоящих наособицу кудрявых коренастых кедров и резво взяла в гору. Августовское солнышко грело ласково и не жарко, и поэтому идти было относительно легко. В паевках за плечами только снедь, плички-совки для удобства при сборе черники, тёплая одежда для ночлега. Охотничьи тесаки на поясах в кожаных ножнах. На ногах кроссовки с толстыми рифлёными подошвами, головы покрыты панамками.

У Лукича к рюкзаку, в котором разместилась двухведёрная капроновая паевка, снизу приторочен закопчённый котелок. На широких ремнях за моей спиной фанерная паевка с плоской выдвигной крышкой, ёмкость без малого на четьре ведра. Она перешла ко мне лет тридцать назад от отца. Вес у нас, в общем-то, невеликий. Добыча наша пока еще где-то доспевала на альпийских лугах и плоскогорьях.

Астра, лайка рослая, тёмно-серого окраса, со светлыми чулочками на мощных лапах и белоснежным галстуком на шее, по своему обыкновению рыскала впереди, иногда

ПРОЗА

срывалась с дороги в заросли высокой травы. И там носилась, преследуя мышей полёвок, да так, что упругие и круглые, как прямые палки, стебли маральего корня, с венчающими их лиловыми бутонами цветов и синеющие между ними мохнатые метёлочки кисточки-белковки ходили ходуном.

Тунгус, помесь, вероятнее всего, таксы и дворняжки, пёс жёлто-коричневой масти, гладкошёрстный и низкорослый, понуро плёлся позади, заставляя нас поминутно останавливаться и оглядываться: не отстал ли бедолага, не свалился наземь и не отполз ли в изнеможении куда-нибудь в тенёчек.

Если у Астры хозяин Лукич, то Тунгус — пёс вольный, бродячий. То ли оттого, что по жизни он беспризорный и поэтому ухо ему постоянно приходилось держать востро, то ли по наследственности, но Тунгус, как заметил я почти сразу, как только он увязался за нами, выходящими из посёлка в лес, был еще тот, себе на уме. Вдобавок ко всему и разноглазый: правый под густыми шерстистыми бровями — синий, а левый глаз — зелёный. Но оба странным образом выглядели и простодушно-доверчивыми, и одновременно было в их выражении что-то неуловимо плутовское.

Сегодня утром я встретился с ним впервые, а вот Лукичу, по его словам, Тунгус был знакомцем давним, да и Астра отнеслась к новому попутчику более чем спокойно. В самом начале её некоторая благосклонность в отношении прибудившегося кобелька проявилась в позволении тому влажным носом обнюхать и лизнуть её подхвостку, однако допустила до себя лишь единственный раз. Когда воскрылённый пёс сунулся вторично, Астра так клацнула зубами, что вмиг отбила охальнику всякую охоту продолжать вожаделенное изучение её прелестей. И тут я Астру понимаю: всякий сверчок должен знать свой шесток.

У ручья, выбегающего из нагромождённых в теснине мареновых валунов и прозрачно растекающегося по дороге, прежде чем опять собраться на обочине в тугие струи и упасть водопадом вниз на покаты альпийский лужок, решили мы перекусить. Порезали колбаски и огурчиков, разломали хлеба и уселись на травянистую бровку у пробегающей воды. Лукич достал из целлофанового пакета обжаренный куриный окорочок, разорвал пополам, подозвал собак. Тунгус — секунда, тут как тут, жадно схватил брошенную мясистую косточку в зубы и, поджав хвост, злобно прорычал на нас.

— Вот и отблагодарил, — невольно вырвалось у меня.

— Как говорится: не мы такие — жизнь такая, — шутливо откликнулся Лукич.

Астра всё это время стояла в сторонке, спокойно поджидая своей очереди.

— Ко мне, — только и обронил Лукич.

Лайка подошла и аккуратно, я бы сказал — с каким-то внутренним достоинством взяла из рук хозяина свою долю, вспрыгнула на бровку и, улёгшись, принялась неспешно поглощать мясо и разгрызать косточку.

Приступили к трапезе и мы. И хотя на нашем дастархане стояли две эмалированные кружки, я намеренно присел ближе к ручью, чтобы можно было легко дотянуться и обмакнуть ломоть хлеба в пробегающую воду. Намачивать хлебушко в живых и студёных алтайских струях моя давняя привычка, она у меня едва ли не с детства, с той самой поры, когда отец стал брать с собой в горы. У него-то я её и перенял. И скажу вам: вкус и наслаждение непередаваемые! Особенно если всё это приправлено добрым шматком сальца и пучком только что срезанной сочной черемши.

Между тем Тунгус быстро справился со своей порцией и, повиливая хвостом, подбежал и присел на дороге в шаге перед нами. Разноцветные глазёнки его так и пожирали нас, и столько в них было обожания и преданности, что я не выдержал и кинул псу кружок колбасы. Тунгус поймал его в воздухе и, даже не прожёвывая, мгновенно проглотил. И опять он полное воплощение безграничной любви и преданности, только сейчас, как я заметил, для пса никого в мире не существовало кроме меня, такого щедрого и заботливого.

— Ты можешь скормить этому обжоре хоть весь наш двухдневный запас, — Лукич подавил усмешку. — Он всё сожрёт и ни разу не поперхнётся. Однако, когда тебе будет нечего ему дать, ты для Тунгуса станешь пустым местом. А на какие концерты способен этот шибздик, ты еще не раз увидишь, — старый таёжник помолчал и философски закончил: — И запомни: мы для него всего лишь кошёлки с вкусной едой и ориентиры, чтобы не заплутать и не потеряться в горах.

Лукич убрал в паевку эмалированные кружки, полбулки хлеба, половину палки колбасы. Смял пальцами в комок пустые целлофановые пакетики и засунул в боковой кармашек рюкзака; вечером он их достанет и сожжёт в костре. Это наше неписаное правило: никакой пластики в тайге после себя не оставлять. Всё сжигаем или, если громоздкое, уносим назад в посёлок и там забрасываем в первый попавшийся мусорный контейнер. Порожние банки из-под консервов и тушёнки непременно кладём на красные угли костра. Жестянки обгорают и, в скором времени от них и следа не найдёшь. Огуречные и прочие кожурки обычно оставляем, сметая их

кучкой в сторонку — это органика, перегниёт и станет удобрением.

После полудня, пройдя километра полтора по гребню горного хребта, по краям которого кое-где на осыпях виднелись подёрнутые первой позолотой карликовые лиственницы и причудливые тундровые берёзки, начали мы спуск в ущелье к Верхне-Кедровскому озеру, поблескивающему своей прозрачной синевой и уже видимому нами отсюда.

Озеро это, словно вдавлено в середину крутого и каменистого склона, было безупречно круглым, обрамлённым высокими зубцами скал, отвесно выходящих из глубины и увенчанных поверху бахромой оплывающего на них альпийского луга.

Я подозревал, что образовалось озеро в те незапамятные времена, когда формировалась наша планета и, конечно же, не из кратера потухшего вулкана — подобное происходило, как правило, на вершинах и пиках горных кряжей — а вследствие падения метеорита. Видимо, сила удара этого космического пришельца была такой мощной и хлёткой, что сам он провалился глубоко в недра, где и застрял навеки, а правильно очерченная вмятина со временем заполнилась хрустальной и целебной влагой.

Чаша озера смотрелась идеальной, и чтобы ей не переполняться, имела в правом более низком овале слив в виде углублённого русла между двух, обнявших толстыми витыми корнями пологие плиты разлапистых кедров. Это был исток речки Кедровки, что, скатываясь отсюда, петляла между утёсов и останцев, щедро напитываясь по пути из бесчисленных таёжных притоков, пока порожисто не выносилась из ущелья и не впадала в бегущую из Риддерской долины Ульбу.

Глубину озера на резиновой лодке промеряли геологи, и она составила двадцать пять метров в центре и чуть меньше по краям. Вода всегда ледяная, такую и прогреть-то трудно. Окунуться сюда рискуют только самые отчаянные и закалённые. Мужики заходят в озеро с нижней пологой стороны, где неглубокое дно тянется около трёх метров, пока резко не обрывается в подводную бездну. Однако заплывать на середину водоёма на моей памяти никто из них и не пытался. Поплохаются, поморжуют у берега и пулей вылетают на прокалённую солнцем песчаную полоску поваляться после экстремального заплыва.

Путь наш сейчас лежал по изломанно-серпантинной тропинке вниз к озеру по панцирному склону. На сравнение этой стороны ущелья с чешуйчато-панцирной бронёй наталкивал вид разнокалиберных плоских плит, щедро разбросан-

ных по довольно отвесному склону снизу доверху. И пусть некоторые плиты и скалы, похожие на блюдечки, лежали, будто вжавшись всей своей округлостью в травяной суглинистый песчаник, а другие косо торчали в небо замшелыми заламами и острыми зубринами, однако общее впечатление от них оставалось именно как от единого циклопического панциря, тяжело нахлобученного на весь этот крутобокий склон. Попадались и выдавленные на тропу, в рыжеватых пятнах лишайника, углы и овалы плит, их приходилось обходить.

Кое в каких местах склон был изрезан мелкими овражками с пересохшими, усыпанными крупными камнями руслами — именно по этим створам в начале лета, в период активного таянья, с бешеной скоростью неслась талая вода с вершин на дно ущелья в речку Кедровку. Покров снега в здешних горах иногда достигал четырёх метров, поэтому было чему таять и чем vorочать на своём пути неподъёмные валуны.

Мы не сделали и двадцати шагов вниз, как шедший впереди Лукич предостерегающе поднял руку и обернулся ко мне:

— Ступай аккуратней — впереди змеи, — и указал на вытянувшуюся через всё мшистое блюдечко сбоку тропы изумрудную, с чёрными насечками гадюку. — Вишь ты, как разнежилась красавица! Идём, не будем девочке кайф ломать...

— Лукич, гляди! Вон еще одна дрыхнет! А на плите повыше так вообще две штуки валяются! — я засомневался: — А не дай бог, они вдруг проснутся все одновременно да полезут на нас? Куда бежать-то?

— А куда, — беззаботно ответил старый таёжник. — Ты глянь, какие они вялые, будто неживые! Им сейчас просто не до нас. Змеи повыползли из своих нор последний разок в этом году погреться на солнышке, перед тем как залечь до весны в спячку, — Лукич на минутку задумался и продолжил: — Хотя эти процедуры у них обычно случаются ближе к середине сентября, а нынче, вишь ты, что-то раненько — в конце августа. Старики бы сказали: к холодной осени и ранней зиме. Так что, Василий, смотри под ноги да не лови ворон...

Мы продолжили спуск. И тут наш Тунгус опять отличился. Если опытная Астра не покидала тропу и шла за хозяином почти след в след, напряжённо распрямив и прижав к подхвостке пышный крючок своего хвоста, то этот шалопай надумал совершить то, к чему у таких, как он, нет ни навыков да и, смею предположить, не заложено ничего природой в их инстинкт. Пёс решил побегать вокруг и поохотиться. Наверное, наш хитрован прикинул: путь под гору — это тебе не в гору, сил столько не требует, вот и высвободившуюся энергию можно потратить на поиск добычи.

Тем более, при подъёме он наблюдал, как Астра мышковала, а он чем хуже — парень видный, ловкий, вон на какую верхотуру вскарабкался, и ничегошеньки! «Ты, мол, сейчас, Астрочка, увидишь, какой я есть доблестный охотник и добытчик!» Так ли, не так ли думал Тунгус, неизвестно, но весь его воинственный решительный вид и безрассудное поведение говорили, что, скорее всего, так оно и было.

Тунгус носился по редкотравью между торчащих плит и валунов, засовывал свой влажный нос в попадавшиеся норы, что-то вынюхивал, подпрыгивал, фыркал, встряхивался и бежал дальше. А вокруг на шершавых блюдечках плит дремали и нежились десятки узорчатых зелёных, коричневых и серых гадюк.

Оно бы всё и обошлось, кабы раззадоренный пёс не надумал перемахнуть через одну узкую плиту невдалеке от нас. То ли задел хвостом, то ли шаркнул коготками лапок греющуюся на ложе толстую змею, однако, видно, так потревожил гадюку, что та неожиданно вскинулась, в одно мгновение стала упругой, злой, свернулась в кольцо, распрямилась и быстро заскользила вслед за обидчиком, приподняв над землёй сплюсненную мордочку с раскрытой шипящей пастью.

А Тунгус, не оборачиваясь и не чуя опасности, отбежал метра на три, отыскал очередную норку, сунул в неё свой нос, что-то учуял и — давай разгребать, разбрасывать грунт лапами, да так увлёкся, что не замечал вокруг себя ничего! И напрасно. Гадюка подползла уже на то расстояние, с которого можно было прыгнуть на жертву наверняка. Скорее всего, так бы оно и произошло.

Нам с Лукичем уже не успеть даже нагнуться за каким-нибудь пластинчатым сколом, чтоб метнуть в гадюку.. Тунгус же своей перепачканной мордой был давно в норе, снаружи торчали лишь поблескивающий изгиб короткошёрстной спины и тощий, с невзрачным хвостиком, собачий зад. На него-то в шаге от пса и нацелилась змея, упруго подтянув своё блескуче-кольчатое тело и сгруппировавшись для смертельного прыжка. И в этот миг вихревой клубок пронёсся тропы вниз и закружился между Тунгусом и гадюкой.

— Ай, да Астра! Ай, да молодец! — не сдержал я восторга. Но тут же меня ошпарило сомнением: — Лукич! А эта падла не укусит её?

— Сейчас и поглядим, — ответил старый таёжник.

Однако голос и тон у друга были спокойными, чувствовалось, что исход схватки Лукичу известен заранее. И тут же лайка обернулась в нашу сторону. В стиснутых зубах её одного края вбок торчала мёртвая сплюснутая голова с рас-

крытой пастью, с другого на чешуйчатых лоскутах до земли толстой верёвкой свисало тулово змеи.

Отбежавший от норки Тунгус, испуганно жался в сторонке к серому выпирающему из склона ребру плиты, на овальном блюде которой, как я отметил боковым зрением, дремала еще одна гадюка с узорными татуировками, и смотрелась она гораздо крупнее только что разорванной Астрой змеи.

— Лукич, пойдём скорей да веселей! — вырвалось у меня. — Не по душе мне эта компания. А то как бы твари не очухались и не принялись мстить за погибшую товарку.

— У тебя чё, Василий, глаз нету? — Лукич покачал седой головой и поправил чуть съехавшую набок панамку. — Астра тока что на виду у всех задавила одну из них и — вишь ты, хоть бы кто шелохнулся! Нежатся да дрыхнут. Однако ты прав, идти нам пора, скоро солнце сядет, с ночёвкой надо что-то решать.

Стоянку облюбовали ниже озера у горбатого пластинчатого останца на краю покато-широкого, с островками черничных полянок, вдавленного в ушелье седёлка — Сержинский, с него мы недавно спустились, и отвесно-нехожалым Сметанинским.

Пока было светло, натаскали хвороста. Я прикатил от скалы два отколовшихся куска с плоской поверхностью, пододвинул их друг к дружке, чтобы можно было поставить посуду под варево, и развёл между ними костёр. Сухие дрова взялись дружно. Лукич тем временем сходил к останцу, извлёк из притаённой за кустарником ниши пузатый прокопчённый чайник и несколько полуторалитровых пластиковых бутылок в цветастом продуктивном пакете.

— Колись, Лукич, — шутливо спросил я: — Что там еще заныкано?

— Небольшой рулон полиэтилена на случай дождя, — серьёзно ответил таёжник. — Алюминиевые миски, кружки и ложки, старая фуфайка, парочка свитков берёсты для розжига. Правда, из съестного не прячу ничего, чтобы лишний раз не привлекать зверьё. Мне-то не жалко, но они ведь, если доберутся, заодно разгрызут и почикают все тряпки, — говоря это, Лукич протянул мне чайник и пакет с бутылками. — Сбегай-ка лучше, Василий, на ключ за водой; нарви попутно на заварку смородинового и черничного листа с ягодой. А я покуда почищу картошку-моркошку да вскрою тушёнку.

В сумерках поужинали, покормили собак; прикрытый крышкой котелок с недоеденной похлёбкой Лукич отнёс и поставил в холодильник у изножья останца, остальные продукты прибрал в пачку. Наломали пихтовых лапок под подстилку, нарезали теса-

ками травы, — получилось хорошее взбитое ложе. Накрыли костёр двумя листовыми толстыми жердочками, одну к другой — гореть будут неспешно и с высокой теплоотдачей. Только не забывай в срок подвигать. Самое время укладываться спать, что и собирались мы сделать, но помешал Тунгус.

Астра как улеглась под смородиновым кустом, положив голову на вытянутые передние лапы, сразу задремала, а пёсик, хоть и съел пайку в два раза больше, однако угомоняться и не думал, понуро бродя между костром и нами и демонстративно обнюхивая приготовленные на ночь и лежащие ворохом сучья.

— Зырь, Васёк, каков артист! Будто сроду и не кормлен. Куда в него тока лезет?

— А у него, видно, всё как у утки: сразу на вынос... Поди, оформим хлебную тюрю с бульоном?

— Не поможет. Оставь его. Пусть себе покапризничает.

Тунгус, поняв своим собачьим чутьём, что говорят про него, быстро подбежал и присел перед нами, подметая куцым хвостиком остывшую пепельную золу позади себя и преданно поедая нас своими разноцветными глазёнками.

— Лукич, давай я схожу за котелком? Подкормим парня.

— Не блажи. Он сытый и нечего пса поважать! — сказав это, Лукич отвалился на спину вдоль хвойно-травяной подстилки и через минуту захрапел.

Мне же не спалось. Я привстал, выбрал из вороха дров кедровую ветку с сухой желтой иглой и, поправив костёр, бросил её на тлеющие жердочки. Ветка ярко вспыхнула и осветила всё вокруг.

Боковым зрением отметил, как Тунгус, чтобы не подпалиться, нехотя встал и обиженно поковылял, но не к смородине, под которой дремала Астра, а к останцу. Не дойдя метра два до скал, он даже и не лёг, а скорее рухнул на притоптанную нами траву. Всё бы ничего, но было забавно наблюдать, как он почти сразу приподнял маленькую свою удлинённую мордочку, поворотил её, укоризненно глянул на меня и с вызовом отвернулся к освещённому костром останцу. Ишь ты, какой характерный! Ну да ладно: утро вечера мудренее.

Среди ночи я проснулся оттого, что кто-то под ухом у меня посапывал и со сладким стоном шумно причмокивал. Я повернулся и в тусклых отблесках догорающего костра обнаружил сбоку от себя вольготно растянувшегося между мной и Лукичом Тунгуса. Гляди-ка, затесался, бедолага! Нашёл-таки тёплое местечко.

Я встал, зевнул с потягиванием, подбросил в костёр дров и снова прилёг. Пёс за всё это время даже не пошевелился, так

и спал на спине, вольно раскинув, слегка подогнутые передние и задние лапы. Мне стало любопытно: а где же Астра? Поиски вглядом, нашёл её там же, где и вечером: под смородиновым кустом. Только теперь она не дремала, а бодрствовала, и весь вид лайки — напряжённые глаза и уши торчком — говорил о том, что Астра бдит и сторожит не только лишь покой своего хозяина, но и наш, с по-прежнему сопящим с прихрапываньем во сне пёсиком.

Рассматривая крупные, будто врезанные золотом в чёрное бархатное небо, звёзды, вскоре сомлел и я, а прохватился в очередной раз от злобного собачьего рычания и взлаиванья. Полусонный, сел на примятые пихтовые лапки и осмотрелся.

Лукич сноровисто укладывал в костёр хворост пучками, пламя взмётывалось высоко вверх, освещая не только горбатый останец, но и могучий кедр метрах в пятнадцати на лугу с противоположной стороны. Астра, то убегала с лаем в изломанную отсветами ночь, то возвращалась, однако с полдороги обратно уносилась на луг. Тунгус, поскуливая и потявкая, испуганно жался к костру, но опасаясь подпалить шерсть, близко не подбирался.

— Хозяин шастает, — громко бросил Лукич, когда я присоединился и тоже принялся кидать в жаркое пламя сухие сучья. Старый таёжник одобрительно покивал и с усмешкой пояснил: — Чернику нашу Мишенька подъедает. Там же понизу ягодка испокон ясная. И крупная, не хуже смороды.

— А он Астру не порвёт?

— Пускай сначала догонит! Ты думаешь, я от нечего делать такой пионерский костёр палю? Отпугиваю.

— Да я уж понял. Конкурента шугаешь!

— Зверь теперь сытый. По большому счёту мы ему — по барабану.. Однако бережёного Бог бережёт!

Между тем лай Астры начал затихать и минут через пять собака вернулась к костру. И хотя вид у неё был совсем не воинственный, но шерсть на загривке всё ещё стояла дыбом. Лукич, поджидая Астру, достал из паевки колбасу, отломил кусок и сейчас протягивал его приближающейся лайке. Астра шла невозмутимо, но с чувством исполненного долга, оставался какой-то метр, когда в зазор между собакой и Лукичом ворвался Тунгус, ловко подпрыгнув, выхватил на лету кусок из рук мужика и умчался в ночь.

— Вот это жук так жук! — с восторженным недоумением вырвалось у меня.

— Проныра, — снисходительно обронил Лукич и обратился к подошедшей Астре: — Прохлопала, девонька, свой приз?

Та в ответ лишь виновато вильнула роскошным хвостом: — «что, мол, с бродяги возьмёшь?»

— Да уж, точно, миленькая ты моя, — словно прочитав собачьи мысли, вслух согласился Лукич, извлекая остатки колбасной палки из паевки и разламывая надвое. — Давай держи. Заслужила.

Астра осторожно взяла из рук хозяина аппетитный ломоть и удалилась к смородиновому кусту.

— Породу в карман не спрячешь, — уважительно проводил я лайку и поинтересовался у друга: — Пальцы-то хоть целы?

— Сам удивляюсь — но и царапинки нет. Вот ловкач! — Лукич, чтобы лучше рассмотреть, поднёс ладонь к огню, растопырил пальцы и покачал сединой. — Ладно, Василий, пойдём досыпать, а то скоро светать начнёт...

Сон после медведя получился цветным и рваным: то какой-то зоопарк привиделся с африканским жирафом в окружении наших косолапых; то я сползал по крыше многоэтажного дома и никак не мог найти, за что бы ухватиться, чтобы не улететь вниз и не разбиться в манящей и пугающей бездне. Последним приснился берег Верхне-Кедровского озера, ярко-зелёные кусты по окоёму, переливающиеся в солнечном свете разноцветные камешки и я, заходящий босиком в ледяную прозрачную воду. И хотя ощущались пупырышки изморози на коже и начинало сводить пальцы на ногах, но почему-то я не мог повернуться и выйти из студёного озера. Бр-р!

С трудом разлепил глаза и, преодолевая сонливую вялость, резко оторвал свой корпус от ложа и сел наземь по-турецки, подобрал ноги под себя. Рассвело, но солнце еще не встало. С белка, от озера тянуло пронизывающим холодом, это, в общем-то, и объясняло мой последний сон, но только его, а остальные предыдущие мне бы никто наверняка и растолковать не смог. Видимо, просто сказались усталость и напряжение всего вчерашнего дня и беспокойная ночь.

Лукич хлопотал у прогоревшего костра: на подёрнутых пеплом углях сооружал из сухих щепок и сучьев миниатюрный шалашик. Вот он нагнул, набрал полные лёгкие воздуха и начал дуть внутрь шалаша. Угли вспыхнули, затрепетало пламя, теперь можно подкладывать толстые ветки. Тунгус крутился рядом с Лукичом, Астра полёживала на своём месте под смородой.

— Доброе утрецо, — сказал я, поднимаясь с лежанки и подходя к костру. — Что-то холодновато нынче.

— Всё к тому. Это ж высокогорье. Теперь запросто может и снежок пролетать, — старый таёжник уложил кривой сук поперёк горящих дров и обернулся ко мне: — Тока не сегодня. Роса обильная, день сулит быть ясным, — Лукич указал

на мокрые гачины своих штанин: — Спускался на лужок глядеть медвежье топтанье, вымок весь. Вишь ты, теперь сушусь...

— Пока то да сё, схожу-ка я на ключик, сполоснусь... Воды не надо?

— Да я уж принёс котелок.

— Постой. В нём же похлёбка оставалась?

— Вспомнил!.. — Лукич растянул морщинистый рот в снисходительной ухмылке и кивнул на Тунгуса, усевшегося напротив и влюблённо пожирающего глазёнками обоих нас по переменке. — Скажи спасибо этому шалопаю. Видно, ночью, пока мы спали, сбегал к скалам, да и выжрал всё до доньшка. А я-то, старый дурень, не усёк, с кем имеем дело. Лопухнулся по полной. Не прибрал котелок на выступ повыше. Вот и пришлось его драить с песочком.

— То-то он так дрых с полным брюхом, что аж постанывал от удовольствия!

— Когда?

— Да ночью же! Завалился между нами, отыскал ведь, хмырь, где потеплее и не поддувало, и так расхрапелся, что разбудил меня.

— Понятно. И выспался, и попировал. Ничего, сейчас заново наварим. Всем хватит. А там и солнышко всю росу выпарит, чтоб черничку сухой брать.

Доброе настроение друга передалось и мне. Я кликнул Астру, та охотно вскочила из-под куста и, мы направились по чуть приметной тропке к ручью. Тунгус увязался было за нами, но неловко зацепился тощим боком за высокий и густой кустик пижмы, его щедро окатило сверху росяным душем, пёс тихонько взвизгнул и с обиженным видом вернулся сушиться к костру.

Зелёная плантация с тёмно-фиолетовыми островками черники поблескивала в солнечных лучах россыпями спелых ягод, когда мы в траве по пояс спустились к ней, минуя одну заросшую наклонную террасу за другой. Середина плантации оказалась вытоптана, создавалось впечатление, что медведь здесь не только вдоволь полакомился, но и от души поваялся. В двух-трёх местах рядом с мареновыми плитами возвышались пирамидками иссиня-чёрные кучи звериного помёта.

— Вишь ты, не тока у нас, — Лукич вздохнул, — но и среди медведей встречаются засранцы: где пожрёт, там и нагадит. Хотя обычно ходят они в сторонку подальше от мест своей пасьбы.

— Получается, что лай нашей Астрочки был ему до лампочки? — в рифму спросил я и обвёл руками весь взбуровленный участок: — Кабы испугался, столько б не наворотил!

— Он либо старый, матёрый, или же наоборот — пестун неопытный. Медведь — зверь умный, осторожный и коварный. Старый наверняка нас засёк и определил еще засветло, всё оценил, дождался ночи и начал пастись. Молодой же мог случайно на запах выйти сюда, а жадность да и рясная черника перебили всю осторожность, — Лукич на самую малость задумался и уверенно закончил: — А ветерок с вечера, как я помню, дул с белка, что и дало Мишке время хорошо подъесть и раскурочить эту полянку. А как тока ветер сменился, Астра его и учуяла...

Тунгус, что всю дорогу, пока мы лезли по дурбею и кушерам, плёлся позади, терпеливо дожидаясь, когда мы примнём траву и кустарник, с выходом на плантацию, где венчики черники и ему всего-то лишь по брюхо, так обрадовался свободному пространству, что принялся носиться и нарезать круги по поляне. Два раза даже перевернулся через голову, что совсем не сбило его куража.

Остановиться же пса заставила куча медвежьего помёта, на которую он напоролся, продолжая раскручивать свою неистовую беговую спираль. Тормозя, Тунгус выбросил перед собой передние лапы. Это и спасло от того, чтобы ему не вляпаться в свежую и такую пахучую кучу. Тунгус осторожно обнюхал её; хвостик, только что торчавший вверх пистолетом, сник и вжался между ног в подбрюшье. Пёс прижал уши и попятился назад, а когда поравнялся с нами, глянул искоса в нашу сторону да и резво скакнул обратно в ту просеку, что недавно, идя сюда, промяли мы.

— Ты чего это, братишка, струхнул-то? — громко бросил вдогонку Лукич. И будто неразумному человеку отечески прокричал: — Убежишь — потеряешься. Потеряешься — пропадёшь.

Самое любопытное случилось, едва старый таёжник умолк. Уже исчезнувший в травяных зарослях Тунгус, вернулся на поляну. И сделал это напрямую через стоящую стеной высокую траву, а не, как мы ожидали, по тропинке назад. И не испугался ведь, бедолага, ни толстых бодылей и стеблей марального корня, дягиля и пижмы, ни сплетений вязели. Пулей вылетел на ягодную плантацию и, виляя хвостиком и преданно изгибая спину, приковылял к нам.

Обратная дорога домой (пусть и была с виду легче: почти всегда петляла под гору, исключение составил лишь крутой полторачасовой подъём с черничной перемычки на вершину белка) по времени оказалась примерно равной тому пути, которым мы карабкались сюда: на спуск ушло также около восьми часов.

Со стороны глянуть: беги себе вприпрыжку вниз по крутой дорожке да припевай! Ан нет! Немалый груз за спиной да крупный щебень и сколы под ногами не шибко-то дают разбежаться! И потом — спроси любого опытного алтайского таёжника, что предпочтительней: спуск или подъём? Почти каждый, не раздумывая, ответит: «конечно же, подъём». Причём, знаю по собственному опыту — хоть грузёному, хоть порожнему. Уже одно то, что при подъёме на колени нагрузка ослабевает, для человека значит немало. А торопиться, гнать с горы — можно и шею свернуть.

Паевки наши были наполнены отборной черникой под завязку. Тёплые вещи, как и пакет с посудой я приторочил поверх крышки, накрепко притянув жгутом. Лукич рассовал своё в кармашки и пустоты рюкзака. Подъём преодолели спокойно. Змей не встретили ни одной, за эти два дня гадюки расплзлись по норам теперь уж наверняка до первого весеннего грома.

Астра бежала впереди, иногда обшаривала плиты и валуны; Тунгус уныло плёлся позади, всем видом показывая, как жить бедному бродяге трудно и как ему опостытели эти грёбаные вершины и утёсы. Пёс приободрился, когда мы продолжили путь по рыжеватому, поросшему вереском, плато. Он даже несколько раз забегал вперёд и, энергично крутя хвостиком, преданно заглядывал нам в глаза: «Почто не кормите, люди добрые? Видели, как я отважно взбирался вверх? Между прочим, все подушки на лапах себе сбил!».

— Потерпи чуток, братишка, — словно прочитав его мысли, вслух обратился к пёсику Лукич, когда тот в очередной раз перегородил нам дорогу. — У давешнего ключика сядем перекусить, тогда-то и почавкаешь вволю.

Пёс недоверчиво посмотрел на Лукича и посторонился. Как ни странно, но за тот час ходу, что оставался до ручья, Тунгус уже больше ни разу не забегал вперёд, а, опустив голову, молча тащился сзади. Ну как тут не поверишь, что «братьям нашим меньшим» речь человеческая вполне понятна, вот только сказать что-нибудь в ответ они никак не обучатся.

Из леса на окраину посёлка мы вышли ближе к ночи. Ремни так врезались, что думалось: как бы плечи не отвалились. На последних привалах у нас не было сил, чтобы стащить с себя тяжеленные паевки и прислонить их рядом к стволам пихт, а самим блаженно вытянуть нахоженные ноженки. Теперь отдышали, переводили дух, отыскав удобные бугорки или невысокие подходящие навесы над дорогой, чтобы, попятившись, поставить днища своих паевков на твёрдую поверхность, тем самым ослабляя давление ремней на плечи.

Астра, понимая, как мы устали, больше не шныряла по кустам, а степенно шла рядом с Лукичом. Зато Тунгус, откуда только силы взялись, носился как угорелый и перед нами, и по зарослям сбоку.

— Вишь ты, учуял дом. Радуетя, — добродушно ухмыльнулся Лукич. — Сейчас улизнёт и ищи-свищи парня!

И действительно, только мы перешли мост через Ульбу, пёс будто растворился среди низеньких кустов на сумеречной полянке, за которой на взгорке зыбко проступали заборы и крыши поселковых домов. На столбах вдоль переулка зажигались первые фонари. Я покричал, подзывая собаку, но никто не откликнулся, не подбежал...

Прошёл месяц. Однажды решил я сходить, побродить по сентябрьскому пойменному лесу, поискать опят. Утро солнечное, по-осеннему тихое, листва на деревьях жёлтая и багряная. Воздух горьковато-сухой. Бодро шагаю по переулку, сейчас спуск, полянка, невдалеке речной мост.

Пляжу и не верю своим глазам: с полянки, весело повилывающая хвостиком, бежит мне навстречу не кто иной, как бродяга Тунгус. А у меня, как назло, ни крошки хлеба, ни жареного куска мяса в сумке, только ножик — срезать с пеньков опята. И возвращаться за гостинцами далеко.

Мелькнула мысль: неправ был Лукич. Всё-таки мы не кошёлки для пёсика, а что-то большее, коль он с такого дальнего расстояния узнал меня и бежит со всех ног здороваться! Ай да молодец Тунгус! Давай-ка пожалеемся!» И я протянул подбегающему пёсику свободную руку. Однако Тунгус, поравнявшись, ловко вывернулся и, даже не глянув в мою сторону, понёсся дальше.

Я так и замер на месте, в полном недоумении машинально поворачивая голову вслед за убегающей собакой. И тут же всё понял.

Позади, метрах в семи за мной, у калитки остановилась, скорее всего, ходившая за покупками в магазин, пожилая женщина, поставила большой пакет с продуктами на лавочку, склонилась и начала рыться в нём. Тунгус уже рядом, крутится возле старушки и так подпрыгивает, что еще чуть-чуть и с лёгкостью сделает сальто в воздухе. Да, может, и не одно!

Я постоял с минуту посреди дороги и пошёл дальше, напоследок усмехнувшись про себя: «Ну что же тут поделаешь? Может, с грибами больше повезёт...»

п. Пироговский Мытищинского р-на Московской обл.

РАССКАЗЫ

ВЕДРО

О таких, как Василиса, раньше говорили: сто лет в обед будет. Сто не сто, но много... А что делать? Живой в могилу не ляжешь. Жить долго хорошо, но ни к чему. Из родных одна внучка осталась, и та в деревню пятый год глаз не кажет. Остальные давно померли, только её господь никак не приберёт. На всю деревню три древних реликта. Да и деревни, почитай, нет. На дальнем конце улицы Манька свой век дотягивает. Вместе в школу ходили, потом на заработки в большой город ездили, но не прижились там... Вот и доживают в деревне, которой нет. Третий — дед Тимофей. Один жених на двоих, как он сам смеётся, ходит навещать — Маньку по чётным, Василису по нечётным дням. То лампочку вкрутит, то воды натаскает, а иной раз, просто так, поболтать. Заодно и столуется у них. Самому-то лень готовить. Мужики они такие: будут сидеть на сухомятке, но шей себе не сварят.

Василиса посмотрела в отрывной календарик, что висел на стенке — число было шестнадцатое, Тимофея можно не ждать, придется самой лезть в погреб, картошка закончилась. Она

ПРОЗА

надела телогрейку, сапоги — обувь на все случаи жизни — повязала платок и вышла во двор. Коротко гавкнула собака. Это Мохнатка показала, что сторожит никому не нужный сарай.

Ты чего это, Мохнатка? Не признала хозяйку? — Василиса погладила собаку и открыла дверь в сарай. Света здесь не было. А кому светить? Когда-то жили большой семьёй, чего только не бегало по двору и не мычало в сарае: корова, кролики, куры, гуси. В колхозном стаде овечки ходили. Теперь нет ни семьи, ни живности, ни сил держать хозяйство. Ей одной много ли надо? Мешок картошки, ну огурчиков соленых, капусты квашеной. К разносолам за всю жизнь не привыкла, а теперь и подавно, не укусить. Не по зубам, и не по деньгам.

Василиса шагнула в сарай, осветила себе фонариком, и, не глядя под ноги, пошла в темноту, к люку в погреб. За долгие годы, что жила одна, она научилась экономить силы и рассчитывать каждое движение, когда доставала из погреба картошку, соления. Чуть зазеваешься и останешься в погребе. Жди, когда Тимофей придёт или Манька-подружка хватится. Сначала она привязывала толстую верёвку к ручке двери, потом спускалась в погреб, тянула за собой верёвку, на конце которой болталось ведро. Затем, набирала картошку в ведро, вылезала из погреба и тянула верёвку наверх. Сегодня она проделала это ловко, но захотела ещё баночку с грибами достать да и огурчиков не мешало бы... Второй раз спустилась вниз, наполнила ведро банками, вылезла и потянула верёвку. Тут-то ведро, которое служило ей десятки лет, оплошало — не выдержало нагрузки, дно вывалилось. Банки рухнули вниз в погреб, хорошо хоть Василиса удержалась. Она пнула ведро и расплакалась от бессилия.

Господи! За что ты меня наказываешь, — причитала она. — Все нормальные люди давно уже с тобой разговаривают, отчёт дают, а я всё по погребам скачу. Мохнатка подошла к ней и облизала мокрое от слёз лицо, пожалела.

Она поплакала, вроде легче стало. У женщин всегда так — боль и обида слезами исходит. Решила, что на сегодня приключений хватит.

— Вот придёт завтра Тимофей и натаскает банок из погреба, — сказала Василиса собаке. — И тебе будку подправит. Крыша давно течёт. Хватит под порогом скитаться, если собственный дом есть.

У неё от одиночества появилась новая привычка. Она теперь со всеми разговаривала: с мышами, которые грызут что ни попадя; с «ходиками» — эти вечно отстают; сама с собой,

если что-то вспоминалось, а рассказать некому. Иной раз и кошке приходилось выслушивать хозяйку. Всегда в доме жили только коты, с ними проблем меньше, но со временем Василиса поняла, что кошки лучше слушают. Вот и сейчас пришла домой, сварила картошку, но в тишине не вкусно кушать. Она посадила перед собой кошку, налила молока в мисочку и начала жаловаться: на одиночество, на старость, на ревматизм — последнее время совсем одолел. Вспомнила о ведре, которое подвело.

— Думала, этому ведру сноса не будет. Видать, у всего есть предел, что у человека, что у железяки. Жила, росла, старилась, а оно всё при мне было. Помню, мать корову подоит, а часть молока надо в колхоз сдавать. Детей-то нас пятеро, чем кормить, если молока не будет. Голодно жили, только молоком и спасались. Вот и разбавляли его водой, чтобы себе побольше осталось. Несла, бывалыча, в ведре разбавленное молоко, тряслась, как осинный лист. Вдруг поймают, срам-то какой! Они ж там мерили жирность и на бумажке писали, чьё молоко какой жирности. Бумажка потом на стене в правлении висела. Вот однажды мать разбавила молоко, я отнесла в колхоз, а на бумажке потом написали, что молоко у Коржовых жирное. Домой неслась, от радости ног под собой не чуяла, ведром махала, а домой прибежала, кричу матери: «Лей ещё воды, наше молоко самое жирное». Вот так вот и жили...

Кошка пила молоко, наверное, внимательно слушала, но по ней было не видно.

Василиса продолжала:

— А потом ещё помню. С мужем Ванечкой, ещё когда женихались, встречались у колодца. Конспирация такая. Отец детей в строгости держал, гулять вечерами не пускал, а днём некогда, вот и придумали, что встречаться будем у колодца. Собираюсь за водой, а мать и говорит: «Что это ты, Васька, так часто за водой бегаешь. Эту ещё не испили».

— А как только Ванечка сватов прислал, так я о воде и забыла, теперь это была братова обязанность. — Василиса рассмеялась, вспомнила, как брат Андрей бегал за ней с коромыслом, кричал, что не мужское это дело — за водой ходить. О чём с девками у колодца разговаривать?

— В деревне ведро наиглавнейшая ценность: и корову подоить, и воды испить, а состарится, так картошку копали, опять же, вёдрами ссыпали в мешок и считали, сколько вёдер накопили. Больше или меньше, чем в прошлом году. Мешки-то у всех разные, а вёдра одинаковые. Вот и мерялись с соседями, у кого урожай лучше. А если уж совсем никуда негожее становилось, так не выбрасывали. Спросишь,

почему? А жаль было. Никогда не знаешь, как и что в хозяйстве пригодится. Вот и сегодня, думаешь, я его выбросила? Так нет, на кольшешек, на ограду повесила. Пушай висит, авось пригодится. Опять же жаль, столько всего с ним было. Помню, в войну наши быстро отступали, мы и опомниться не успели, как враги уже по деревне шли. Кто пешком, а кто на лошадях. Магьяры — нация такая. Мы о таких и не слышали. Это тебе не немцы. Те всё больше на мотоциклетах. А лошадей-то поить надо. Вот один магьяр заскочил во двор, схватил ведро, что сушилось на ограде, и побежал по улице. Мать так и ахнула, где теперь ведро взять — разруха кругом? А вечером пошла к колодцу, а там ведра со всего села валяются. Мать своё-то и взяла, приметное было: бок чуток вмятый.

Кошка закончила с молоком и сидела, гостей намывала.

— Чего это ты, Мура? Гости нынче не будет, не старайся, не наш день.

Только проговорила, как стукнула дверь, в тёмных сенцах зашебуршало, и на пороге появился Тимофей.

— Привет, Вася. Знаю, знаю, не твой день — Манькин, но у тебя щи вкуснее, да и дело есть.

— За щами завтра приходи. Сегодня картошка в «мундире».

— А с чем картошка?

— С языком. Остальное на дне погребка. Я тут маленько «управилась». Не стала тебя ждать до завтра, сама в погреб полезла. Ведро с банками тянула, а дно не выдержало, вывалилось. Огурцов не жалко, а вот ведро теперь только выбросить, да больно жаль. Как память.

— Зачем выбрасывать? Для моего дела как раз сгодиться. Сейчас его приспособим, ещё послужит.

— Что за дело?

— Ты ж знаешь, я праздники люблю. Каждый день листаю календарик. Сегодня, глядь, а там твой именины. Вот принёс яблоньку — росточек тоненький. Давай посадим возле дома, а чтобы ненароком не сломила, наденем на него ведро, пусть охраняет. Урожая, может, и не дождёмся, но деревце будет расти и мир радовать.

Яблоньку сажали с радостью. Потом долго сидели на порожке, смотрели на новую жизнь, и каждый думал о своём.

Василиса: «Приедет внучка, а яблонька её встретит. Если весной, то цветами, если летом — красными яблочками. Это как привет от меня. Она догадается».

Тимофей: «Может, к Маньке пойти? Щи они везде щи...»

Он поднялся: — Так ты меня завтра жди. Прямо с утра. Дел много: в погребе порядок навести, дверь в сарай перекосило, подправлю. И щи... по расписанию. Он засмеялся и

пошёл со двора, а Васька осталась сидеть на крылечке. Рядом примостилась Мохнатка, на коленях мурлыкала Мура. Всякая животишка любит ласку. У неё как раз две руки: левой гладила собаку, а правой почёсывала за ушком у кошки.

— Ну что, родненькие... Не зря говорят — есть жизнь после смерти, что у человека, что у железа. Будем жить, ждать весны... и Тимофея.

СВЕТ В ДОМЕ НАПРОТИВ

По обоим берегам реки раскинулись два села — Кулебяково и Пески. Хотя нет. Пески на село не тянуло, даже в свои самые расцветные годы — это была деревня. А Кулебяково — дворов на триста, растянулось на четыре километра на левом берегу. Всё здесь было: и свет, и газ, а по центральной улице, которая была одна, асфальт пролёг аж до самой трассы на областной центр. Пескам повезло меньше, если не сказать, что совсем не повезло. Они расположились на правом, самом живописном берегу реки, но что толку от этой живописи, если добраться до магазина-цивилизации можно двумя путями, и оба непреодолимой силы: через реку или в объезд лесом — кругая не один десяток километров. Летом ещё туда-сюда, а вот ранней осенью и с началом зимы — пока река не замерзнет окончательно — ждать приходилось несколько недель, чтобы сходить за хлебом. На эти несколько недель запасались провизией заранее. Домов здесь было немного — штук двадцать, а жителей осталось сильно меньше — трое. Молодёжь подросла и уехала в поисках цивилизации: кто побойчее и расторопнее — в областной центр, многие смогли добраться и до Москвы. А остальные не преодолели притяжения малой родины и осели на левом берегу в Кулебяково. Из удобств — которыми пользовались во всем мире — в Песках был только свет. Остальные: дрова влесу, туалет в саду, огород соток на сорок сразу за садом. Земли вокруг много — бери, сколько хочешь. Но никто её брать не хотел. Как говорил дед Семён: «В гражданскую за неё с кровью пластались — глотку друг другу рвали, а теперь только собаки бегают, серюют. Никому не нужна земляца, политая кровью».

Сначала деревня состарилась, а потом померла. И остались на живописном правом берегу только Митрич с Полканом, Семён с Нюрой и коровой Ласточкой.

В этот год зима не спешила — уже и декабрь к концу, а ни снегов больших, ни сильных морозов не было. Река никак не могла замёрзнуть до пешеходного состояния. Если смотреть на деревню издали, то казалось, что она вымерла. Но нет, два крайних дома дымили печными трубами.

— Ну что, Нюра, какое будет наше решение? Здесь будем зиму зимовать или к зятю на постой переберёмся? — Семён в стареньких подшитых валенках сидел на скамеечке возле печки и подкидывал берёзовые чурочки в огонь. С утра на кухне прохладно, он подзадержался с растопкой печи. Хозяином в доме был Семён, но последнее слово всегда оставалось за Нюрой. Так сложилось за долгие годы — жена не перечила, а муж был с ней согласен.

— Да что ты всё об одном и том же. Решили уже — река встанет, переберёмся к дочери в Кулебяково. Давно ведь звала. Дом большой, всем места хватит. А там, глядишь, понравится, и останемся жить насовсем. И опять же, с печкой не возиться. Газ в доме. Хочешь, сделай газку погромче, хочешь — потише. Всё в твоей власти. И магазин рядом — хлебушек свежий два раза в неделю, а не как сейчас — раз в месяц купим, сначала свежий, а потом сухари жуём.

— Магазин, это хорошо... — мечтательно улыбаясь, протянул Семён, соображая о чём-то своём. Жена строго посмотрела, и он осёкся. Они поняли друг друга с полувзгляда. Давно живут, и ни одна потаённая мысль не может проскочить незамеченной.

Нюра только что подоила корову и разливала молоко по банкам — процеживала через марлю. Молока было много — вдвоём пить не выпить. Летом дачники помогали — у ворот очередь стояла после каждой дойки, а как осень — масло и творог в деревню возили: сначала на лодке через реку, потом полем километров пять до Кулебяково. А зимой хоть криком кричи — молоко девать некуда. Кругом снегá, и по полю с банками много не набегаешь.

— А с коровой-то что делать будем? Её куда? — Семён чуть продвинул кочергой прогоревшие дрова в печи и засунул ещё один полешек.

— И корове место найдется. Полный двор сараев. А сена ещё от дочкиной Буренки осталось. Хорошая корова была, да молодёжь сейчас не приучена скотину держать. Жаль, продали. Так что до весны прокормим. И ей хорошо, а нам ещё лучше. Молоко продавать будем, маслице. Все покупатели на месте, не надо через реку возить, сами на дом придут.

В сенцах стукнуло, заскрипели половицы, потом раздалось чертыханье — кто-то в темноте пытался найти ручку на двери.

— Вы чего без света сидите? Чуть лоб не расшиб в темноте. — В комнату вошел Митрич, пошаркал о половичок валенками, прошёл к столу. — Гостей не ждёте?

— Гостей не ждём, а соседям завсегда рады, — Нюра налила парного молока в кружку и протянула Митричу. — Ты нынче на речке был? Чего там со льдом, замёрзла?

— Ровно половина. Ещё недельки две морозов, и можете отправляться в странствие в поисках счастья на земле в виде газа, света и магазина через дорогу. Не передумали?

— Вот сидим, думаем, но не передумали, — сказал Семён.

— А чего так долго думали? Надо было ещё по теплу отплывать. Корову к лодке привязал, пять минут, и все чады и домочадцы на том берегу. А теперь что? Тащи её через всё поле по морозу, пока добредёте, она либо сиськи отморозит, либо чихать начнёт.

— Хватит балагурить, — сердито сказала Нюра, — тебе легко рассуждать, сидя на пороге дома. А ты вот попробуй бросить всё да и податься незнамо куда... Тут ведь каждый гвоздь, каждая доска своими руками прибитая, каждый уголок родной...

— Чего ты, мать, причитаешь. Как это незнамо куда? К детям переезжаем... тьфу, переплываем. Поживём, пообыкнем, и там все доски родными станут.

— Детям мешать — последнее дело. Старики, сколько могут, должны жить отдельно. — Митрич пил молоко и в шутку морщился. — Хорошее молоко, жирное, душистое, но много не выпьешь, это тебе не водка, — сказал он и протянул кружку Нюре, как бы прося налить ещё.

— А зачем мешать? Дом большой, на два входа — ни они нам, ни мы им мешать не будем. Дом строили для двух детей, но дочка с зятем тут остались, а сынок в Москву подался. Там, видать, соль солонее, да сахар слаще. Вот его половина и пустует, нас ждёт. — Нюра наполнила кружку Митричу, и понесла банки с молоком в сенцы. С началом зимы там было прохладно, и она отключала холодильник. Небольшая, но всё ж таки экономия.

— Так, расклад я понял. Отходную когда собирать будете? На Руси так повелось — в дальнюю дорогу надо провожать с песнями и плясками, иначе дорога не будет скатертью, и прирастание к новому месту вызовет трудности. Гармонь не обещаю, но спеть могу, вы только стол накройте, да чарочку на пососшок налейте.

— Знаю я твою чарочку, потом неделю будете провожаться, а то и две, пока не закончится всё, что горит. — Нюра сердито гремела ведром, обмывая его от молока.

— Анна Васильна, ты чего сердчаешь, я ж пошутил...

— Тут шути не шути, но обычай блюди! — радостно подержал Семён.

— Без обычаев справимся. — Нюра строго посмотрела на него. — Нам бы только реку перейти, а там зять на машине встретит — снегу мало, проехать по полю можно, без отходной доберёмся.

Через две недели, как и обещал Митрич, река окончательно встала. Подождав для верности ещё неделю, чтобы лёд мог выдержать шествие из трёх человек, санок с узлами и коровы, Нюра с Семёном двинулись на новое место жительства в поисках цивилизации — света, газа и свежего хлеба. Процессия растянулась. Первым бежал Полкан, затем мужики тянули санки, замыкала шествие Нюра с Ласточкой. Зять уже ждал на левом берегу. Вещи и Нюру погрузили в машину и тронулись, а Семён с коровой пошёл следом.

Полкан долго бежал за ними, громко лая, стараясь с собачьими почестями проводить Ласточку.

— Молодец, Полкан, достойно проводил подружку. — Митрич ласково потрепал собаку, когда она вернулась. — Жаль, остались мы без молока... ты и я... Но вот помяни моё слово, не задержатся они там, а уж магазин через дорогу — это совсем пагубное дело... Никакой пенсии и никакого здоровья не хватит. Ну, ты меня понимаешь?

Полкан опустил хвост, наверное, понял...

Домой пошли не сразу — сначала побрели вниз по реке до того места, где всё лето лагерем стояли рыбаки, побродили между брошенных домиков-шалашей, сделанных на скорую руку. И тут было запустение и тоска. До лета, когда здесь всё оживёт и можно будет приплыть к мужикам в гости, пообщаться, ещё далеко. Собака и Митрич оттягивали возвращение в дом, где их никто не ждал. Странное дело, их давно уже никто не ждал, но такого острого чувства одиночества не было. Они всегда знали, что по соседству есть люди, к которым можно прийти, поговорить, и тебе не откажут ни в хлебе, ни в соли, ни в стопочке, ни в разговоре за «жизнь». Митрич не задумывался, как выглядит одиночество, но теперь понял — это когда смотришь в окно, а из трубы дома Семёна и Нюры дым не идёт, и ни единого огонька вокруг. Войдя в комнату, он первым делом задёрнул занавески, чтобы не видеть чёрные провалы окон в соседнем доме.

Начались короткие зимние дни, которые тянулись бесконечно. Каждый новый день был похож на предыдущий. Выручала рыбалка и разговоры с Полканом. И всегда беседы начинались одинаково:

— Спорим, Полкан, что Анна Васильна там долго не выдержит? Женщины, они, конечно, выносливее мужчин, но слабее. Нервами. Если тебе интересно моё мнение, то она пер-

вой не вытерпит магазина через дорогу. Или ты думаешь, у Семёна здоровья не хватит пользоваться благами цивилизации? Чего молчишь и смотришь? Мигни хоть....

Полкан молчал и только стучал хвостом по полу.

Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончилась, как никогда, долгая зима. А весной всегда легче: дни становились длиннее, лес в конце огорода зазеленел, птицы весело гомонили в саду. Старый Полкан частенько отсутствовал дома — бегал по округе, гонял зайцев, радовался теплу. На майские праздники зацвела черёмуха, а потом и сады в пустующей деревне оделись в белый, пахучий наряд.

Митрич любил это время года. Красоту рассветов на реке не закрывали листья, и дурмящий запах цветущих деревьев плыл над рекой вместе с туманами. Он просыпался ещё засветло и шёл на рыбалку, но не так уж и нужна рыба... Ему хотелось видеть, как зарождается новый день: поют птицы и громче всех соловьи; молочный туман разливается по реке, и по мере того, как поднимается солнце, окрашивается в оранжевый цвет. Он родился, вырос и прожил жизнь на этой реке, но каждый раз удивлялся красоте раннего утра, как будто видел это впервые.

Сегодня река встретила его особенно сильным туманом.

— Ты посмотри, Полкаша, туман, как молоко — даже поплавок не увидим. — Митрич вставил вёсла в ключины, оттолкнулся веслом от берега. Собака запрыгнула в лодку и приготовилась к длительному ожиданию. Ей было не привыкать — так начиналось каждое утро.

— Нет, собакен, сегодня мы не поплывём на наше прикормленное место — далековато, чую, сил не хватит грести потом против течения. А если рыбы не будет, то ничего страшного — ты её не ешь, а я её с детства объелся. Раньше Нюра выручала, ей отдавал. Она для Семёна жарила, а тот всё шутил... мол, уже в темноте от фосфора светится. А помнишь, мы в прошлом году наловили рыбы, а она вся с икрой, так Нюра меня ругала и два дня не разговаривала. А для меня гнев Нюры страшнее всякого рыбнадзора.

Собака, которая не успела устроиться на дне лодки, начала беспокоиться. Она привстала и зарычала. Сквозь туман еле заметно просматривался противоположный берег, где проступало большое тёмное пятно. Митрич ещё ничего не понял, а Полкан уже радостно заливался лаем. На берегу стояла корова Ласточка, потом из тумана появились Семён и Нюра.

— Эй, эй, сосед! Ты сегодня чего-то припозднился! Мы уж все жданки съели, пока тебя дождались! — Семён в приветствии махал фуражкой.

— Привет беженцам от цивилизации! — Закричал Митрич и, быстро развернув лодку, погрёб к противоположному берегу. — Это не мы припозднились, а вы раненько объявились. У нас с Полкашей всё строго по расписанию, и в нём гостей не предусмотрено. Мы вас через месяц ждали, когда вода теплее будет. Ласточка ж корова, а не морж.

— Давай, гребь уже, мы замерзли, дожидаясь тебя! — кричала Нюра.

— Вот если б ты меня спросил, что такое счастье, — Митрич наклонился, обращаясь к Полкану, — так я б ответил: это когда тебя ждут на том берегу в тумане друзья. — Ну, теперь, брат, заживём... У тебя на ужин молоко появится, у Нюры рыба, а у нас с Семёном будет с кем поговорить. Ты не обижайся. И ты хороший собеседник — никогда не перешибешь, всегда внимательно слушаешь, но уж больно мало-разговорчивый и без своего мнения, с которым не поспоришь.

В последнем рывке лодка уткнулась в берег. Первым выскочил Полкан, кинулся приветствовать друзей. Он гавкал, Ласточка мычала, Семён кричал что-то приветственное, Нюра смеялась. И эти звуки разносились далеко по реке. Вещей было мало, только два узелка в руках у Нюры и корова.

Митрич не скрывал радости от встречи.

— Я ж предупреждал, — сказал он, — что без проводов не приживётесь на новом месте. Он сидел на вёслах и ждал, пока все погрузятся: собака встала на нос лодки вперёдсмотрящей, корову привязали к сиденью. Так караваном и поплыли. Ласточке было холодно, но она не сопротивлялась, молча плыла следом за лодкой.

— Поздно нам уже приживаться, надо продолжать жить, — Нюра восторженно смотрела на оранжевый туман, который разливался по реке. — Сколько живу, а такой красоты не видела....

— Такую красоту видят только рыбаки да влюблённые, ну ещё рыбнадзор. — Митрич с усилием грёб. Его старенькая плоскодонка не привыкла к такому грузу.

— Ты это... заканчивай с рыбалкой... приходи пить молоко. И Полкана не забудь. Нынче у всех праздник — вы нас дождались, а мы домой вернулись.

— Как же! Заканчивай! Теперь-то самая рыбалка и начнётся. Вы там, поди, истосковались без рыбы. Осётров не обещаю, а карасиков к столу привезу.

Они причалили к берегу, Митрич помог Нюре выбраться из лодки:

— А где ж весь скарб? Или решили назад вернуться?

— Какой назад?! Назад больше ни ногой! Зять на днях привезёт. Выходной будет, он и привезёт. А мы не могли ждать, так домой захотелось, хоть криком кричи, — сказала Нюра.

— Так это вы кричали? Я каждое утро слышал крики с той стороны! — рассмеялся Митрич.

— Тебе бы всё смеяться, а тут не до смеха, — ответил Семён. — купишь бутылочку, а поделиться не с кем... Так и употребишь в одно лицо. То есть в одну печень... Вот она и не выдержала, — сказал Семён.

— Кто? Печень?

— Да нет же... Нюра. Но последней каплей стал счёт за газ. Всю зиму почтальонка квитанции в почтовый ящик кидала. Мы тех квитанций и в глаза не видели — дочь с зятем перехватывали. А в последний раз Нюра её возле ворот встретила. Так сказать, из рук в руки... Извольте платить по счетам... И тут открылась тайна нашего финансового благополучия в размере трёх тысяч за газ, тыща за свет, ну и, сам понимаешь... почти каждый день свежий хлеб и песни для души.

— Каждый день до песен? Представляю, Нюра, как тебе трудно было — у него ж ни слуха, ни голоса, — посочувствовал Митрич.

— Тут не смеяться надо, а плакать! — враз осерчала Нюра.

— Ну ладно, ладно, не сердчай. Всё уже позади. Почтальонка сюда не доплывёт, а петь с Семёном мы будем раз в неделю по выходным и не часто по праздникам, — пообещал Митрич. — Идите домой, обживайтесь на своём родном новом месте, а мы с Полканом поплывём, рыбы наловим к ужину. И Ласточку предупредите — сегодня за встречу пьём только молоко, пусть побольше даст.

Нюра с Семёном и Ласточкой пошли через поле к дому, а Митрич с Полканом поплыли на прикормленное место за обещанными карасями.

После ужина, когда караси в сметане были съедены и вечернее молоко Ласточки выпито, прощаясь, Митрич сказал:

— Простите меня, дурака, это я напроорочил, что не будет вам счастья на новом месте.

— А всё наше счастье здесь, — ответила Нюра. — Но пока счастье выглядит как будни, не поймёшь, что оно было счастье.

— Мы тоже скучали. Правда, Полкан?

Полкан, который лежал у двери, поднял голову и высунул язык — то ли от жары, то ли в радостном приветствии, а может, дразнился.

— Будем считать, что правда, — сказала Нюра.

Вернувшись домой, Митрич прошёл к окну и отдёрнул занавески.

— Иди сюда, Полкаша, глянь. Помнишь, я тебе утром сказал, что счастье — это когда на том берегу в тумане ждут друзья. Оно конечно, хорошо... Но лучше, когда в доме напротив горит свет.

ВОСЬМОЙ ГРЕХ

— Завтра помру, обмывать меня не надо, я уж и чистое оде-
ла, — сказала Евдокия Петровна.

Галка, накрывающая стол к чаю, аж присела на стул от неожиданности. Она пришла проведать тётку, принесла продукты, конфеты, собиралась провести приятный вечер. Навещая Евдокию Петровну каждую неделю, иногда и два раза забе-
гая, Галина видела, как одиноко и трудно та жила, старалась поддержать. Самой Галине тоже несладко жилось. Осталась после развода с двумя детьми, работать пришлось на двух работах, иначе на зарплату медсестры не прожить. Своих родителей она не помнила, маленькая была, когда они умерли, тётка осталась единственным родным человеком и всегда хотелось порадовать её. Обычно радости были нехитрыми — колбаса, сыр, хлеб и обязательно любимые конфеты «Ласточка». Конфетам баба Дуся особенно радовалась. Прячала в чемодан, что лежал под кроватью, в котором хранила всё самое ценное, а потом, когда Галка уже с детьми приходила к ней в гости, угощала, радуясь, что может побаловать их.

И вот теперь, чай пили молча, не возвращались к теме зав-
трашной теткой смерти, но на душе у Галины было неспокойно.

— Так ты попомни, обмывать меня не надо, чистая я, — перед уходом напомнила тётка.

Весь следующий день, чем бы ни занималась Галина, она вспоминала слова Евдокии Петровны — они тревожили. Ну как можно знать, помрёшь ты или нет?! Тётка была ещё сильная, сама справлялась по дому, весной посадила огород. Ни одного пустого клочка земли не оставила, урожай ждала хороший. Огород был подспорьем к ее пенсии. Она с конца лета и всю осень продавала овощи и фрукты у поездов на станции. Правда, последнее время ей всё трудней стало носить ведра, но она ухитрялась за день несколько раз сбегать с авоськой яблок или груш к поезду. Какая-никая, а копейка собиралась за лето. И с чего это ей помирать? Давление последнее время скакало, но Галка перед уходом проверила, таблетки ещё есть.

Галина делала уколы, ставила капельницы, а сама всё больше и больше волновалась. К вечеру нервы совсем разошлись,

так она себя накрутила. И решила пойти, проведать тётку. На звонок и стук в дверь никто не откликнулся, но у неё был ключ — тётка когда-то дала на всякий случай. Вот и пришёл... этот «всякий случай». Открыв дверь, Галя позвала тётку — та не откликнулась.

Она лежала в спальне на кровати в своем любимом платье, мирно сложив руки на груди. Галка растерянно смотрела на неё — она первый раз видела смерть родного человека так близко. За спиной хлопнула дверь — это была соседка, которая вошла, увидев, что входная дверь открыта. Видя растерянность Галины, поняла, что та не знает с чего начать, распорядилась:

— Первым делом надо обмыть покойницу, одеть в чистое. Ты посмотри, где-то должен лежать узелок бабушки — они ведь заранее готовятся. У моего деда вон на чердаке и гроб годы стоял.

Галя потянула чемодан из-под кровати с богатством тётки, щёлкнули замки, и она увидела всё, что было нажито за долгую жизнь. Галке стало страшно. Такое богатство уже никому не нужно, осталось сволочь его на помойку. И тут она вспомнила вчерашний настойчивый наказ тётки — не обмывать её.

— Нет. Ничего не надо, — захлопнув чемодан, сказала Галина. — Евдокия Петровна вчера предупредила, что сегодня померёт и обмывать не надо, она всё уже сделала и чистое надела.

— Сама предупредила? — соседка смотрела на Галину, как на сумасшедшую. — Отродясь такого не слышала, чтобы за день подготовиться к смерти. Ну да ладно. Но обмыть все равно придется... Это не оттого, что она грязная, — обычай такой, и не нам его нарушать.

Они стали раздевать Евдокию Петровну. И вдруг, на теле у неё под одеждой оказался пояс с кармашками. Деньги. Это были деньги, которые она всю жизнь откладывала на чёрный день.

— А говорят, в гробу карманов нет, — растерянно сказала соседка.

Галка плакала, жалея не себя, а тётку, которая прожила жизнь кое-как и померла, наверное, в муках, боясь расстаться с богатством, которое копила всю жизнь в ожидании «чёрного дня», не заметив, как все светлые дни пролетели мимо.

ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Бриллиант в кольце был невесть какой, но сиял радужным сиянием настоящего бриллианта. Кольцо подарил муж на рождение нашего первого сына, а потому оказалось самым

любимым из всех украшений. Когда родился второй ребёнок, муж ничего не подарил, наверное, испугался, что разорится, если буду рожать ему сыновей каждый год. Зря боялся, второй сын появился через двенадцать лет.

Сегодня достала кольцо из коробочки, начистила до праздничного блеска, нам предстояло идти в люди, на свадьбу к сыну. Последнее время редко ношу его, со временем стало тесновато — жмёт палец, но ничего, не обувь, жить можно. Примерила его на палец и сразу вспомнила Катьку — жену моего брата Александра. Она была мне как сестра. Я любила её больше брата. За то, что она любила Сашку больше, чем саму себя. Такой же самоотверженной любви я не встречала в своей жизни. Когда Сашка заболел, Катерина ходила к врачу, вставала на колени, просила спасти мужа и говорила, что пропадёт без него, не выживет. Саша без неё выжил...

Так получилось, что мы рожали в один день и подарки за героический поступок пошли выбирать вдвоём. Потратили много личного времени и денег мужей, обошли все ювелирные магазины. Я купила кольцо быстро, так как присмотрела вознаграждение заранее — до похода в роддом. Катьке подарок искали долго. Она была помешена на жемчуге, который трудно выбрать: то слишком мелкий, то слишком крупный, — а это плюс в три раза цена, — то люстр недостаточный. С трудом, совместив цену, размер, блеск, остановились на чудо-ожерелье с золотыми вставками и кулончиком-висюлькой из жемчуга. Где оно теперь? Катерины уже год как нет. Нигде... И этот год мы не виделись с братом, созванивались. Сегодня ждали его на свадьбу.

Гости съезжались медленно. Одним из последних в зал вошёл брат Саша.

И тут меня ударило. Где у нас сердце? Вот туда и ударило. Сашка пришёл на свадьбу с подругой. При знакомстве ближе, оказалось, с будущей женой. Всё правильно... Жизнь идёт... Никто не против, но на шее у неё сверкал жемчуг, который мы так долго выбирали с Катериной. И вот теперь это чудо повисло на шее новой жены. Интересно, какой у неё размер обуви? Может она и туфли донашивать будет?

Свадьба была весёлая. Я пела, плясала и была самая счастливая свекровь в мире. В какой-то момент расчувствовалась и захотелось сделать невестке подарок от меня лично, на всю жизнь, чтобы потом не поставила на полочку или, чего хуже, утром не выбросила на помойку. Кольцо! С сыном пришло, пусть с сыном и уйдет. Не буду ждать, чтобы кто-то его примерил на себя, как Катькино ожерелье. Уверена, Катька всё видит, и ей также больно, как если бы она была рядом.

Я шла через зал к невестке, с намерением подарить кольцо. Шла и пыталась стянуть его с пальца. Нет! Не лезет! Без мыла не обойтись.

По дороге на встречу к невестке, стоял муж с младшим сыном.

— Куда маршируешь деловым шагом? — остановил меня муж.

— Хочу сделать деловой подарок нашей снохе, — сказала я. — Подарю кольцо с бриллиантом. Авось, больше любить будет, а придёт время, воду подаст и утку вынесет, когда потребуется.

— И меня запиши в список требующих любви — попросил муж.

Младший сын дёрнул за юбку и спросил:

— Мам, а моей жене что подаришь?

— Не бойся, сынок, и твоя без подарка не останется. Впереди, надеюсь, ещё много времени, накоплю и твоей жене на кольцо с бриллиантом.

Разговор с мужем остановил всего на минутку, но благотворительный запал иссяк, да и кольцо без мыла не снималось.

— Значит, не судьба. Положи его обратно в коробочку, подаришь младшей снохе, — сказал наш не по годам хозяйственный младший сынок.

Свадьба затянулась за полночь. Одним из последних уезжал брат с будущей женой. Подошла попрощаться. Этикет требует сказать что-то приятное гостям. И я сказала:

— Какое красивое ожерелье. Наверное, Саша вас очень любит, раз позволил взять его из коробочки своей Катьки.

Сашка сделал большие глаза, муж ущипнул за локоть, будущая жена мило улыбнулась, и они отбыли.

— Ну, ты и стерва, — возмутился муж, когда мы остались одни.

Тут мне хватило мудрости не обратить на него внимание и не обидеться. Свадьба завершилась прекрасно! Всё, что могла, я для Катьки сделала.

На следующее утро пошли к молодым домой, провожать в свадебное путешествие. Дверь открыла красивая, но растрёпанная невестка:

— Привет родители, — сказала она. — Быстренько идите на кухню, быстренько пейте чай с праздничным тортом. Всё надо делать быстренько — до поезда остался час.

Сноха бегала по комнате, отдавала распоряжение моему сыну, а он весело выполнял их.

«Вот так дети отпочковываются от родителей. Теперь Митька не наш, а её — нашей новой дочки», — подумала я, и мне

расхотелось дарить кольцо. Настроение скукожилось и оказалось не то, что на свадьбе.

Вещи собраны, чай выпит, все слова сказаны. Присели на дорожку. И тут я вспомнила Катькино жемчужное ожерелье на чужой шее.

— Ну что, доча? Будем дружить? — Мой бодрый голос не выдал переживаний по потере сына.

— Будем. У нас теперь один любимый мужчина на двоих.

— Тогда носи мыло, — сказала я, и сделала счастливое лицо.

РАДОСТЬ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ

По ночам надо спать! Так каждую ночь Дом уговаривал себя — и не спал. Ни скрип рассохшихся половиц, ни беготня мышей не давали ему спать. Мысли. Зимние ночи длинные, что только не вспомнишь...

Самыми яркими были картинка молодости. В своей деревне он был лучшим Домом. Человек, который его построил, был крепким хозяином. Вспоминалось, как закладывался его фундамент, как росли стены. К концу осени поставили крышу. Он всегда улыбался, вспоминая день переезда семьи. Больше всех радовались дети. Они бегали из комнаты в комнату, топотали ногами, хлопали дверью, но его это не раздражало, только веселило. Хозяева жили большой дружной семьёй: дед с бабкой, сын со снохой и шестеро детей. Хозяйство было справное — корова, лошадь и десятина земли. Жизнь катилась размеренно — родители старели, дети подрастали.

Перемены на семью обрушились неожиданно. Слухи из соседнего городка, доходившие до деревни, тревожили хозяев. Дом не сразу понял, что случилось. Затихли дети, дед с бабкой замолчали в своём углу за печкой, родители тревожно шептались по ночам. Всё чаще стало звучать слово «смута». Сначала с обеденного стола исчезло мясо, потом масло и молоко. Голода не было, вся семья работала. Дети подросли, стали помогать родителям в поле.

Всё рухнуло в одну из ночей. Дом проснулся от детского крика, громких голосов мужчин, плача женщин. Вспоминая эту ночь, которая стала поворотной в его судьбе и судьбе семьи, он так волновался, что начинал скрипеть рассохшимися половицами и потрескивать осыпающейся штукатуркой. Когда крики и беготня затихли, увидел, как со двора тронулась телега, гружённая узлами, на которых сидели двое маленьких детей, старшие шли следом. Отъезжая, они оглядывались, молча прощаясь с ним. Посмотрев вокруг — разбро-

санные вещи, детские игрушки, нехитрый скарб семьи, нажитый тяжёлым трудом за долгие годы, — он понял выражение — «дом-сирота».

Утром пришли новые хозяева. Они нагло, бесцеремонно ходили из комнаты в комнату, топали грязными сапогами, рылись в чужих вещах. Он услышал, как кто-то сказал: «Слава Богу! Не взяли грех на душу».

Над его входом прибили дощечку «Клуб», и началась шумная, весёлая жизнь: музыка, танцы, кино, смех до утра.

Прошло ещё какое-то время, и снова всё изменилось. Людям стало не до веселья и танцев. Он вспомнил, как ранним утром от дома отъезжали телеги, на которых сидели мужики со строгими лицами, а бабы голосили по ним, как по покойникам. На долгие четыре года Дом стал никому не нужен. Дверь его заколотили, бабам было не до кино. Выжить бы...

Постепенно жизнь налаживалась. Вернулись мужики, подросли дети, и он опять понадобился, но теперь он стал тесен. Когда на соседней улице построили новый, просторный клуб, Дом опечалился. Вот она — пенсия! Никому не нужен.

Грустил он недолго. Как всегда, утром пришли люди, сняли табличку «Клуб» и прибили новую — «Медпункт». И началась у него совсем другая жизнь — полная боли, страхов, стонов. Он помнил, как долго привыкал к неприятным запахам. Но он был рад и такой жизни. Главное, не один, с людьми.

С некоторых пор, кроме бессонницы мучил страх. Теперь он с тревогой ждал наступления утра. Все крутые перемены в жизни происходили утром. Он боялся: проснёшься, а там люди с топорами, пришли раскатать по брёвнышку. Жить в вечном страхе нельзя — проводка может не выдержать. Замкнуло его под утро, когда страхи были особенно сильными. Пожар начался с крыши, и когда люди подоспели, было поздно. Он горел.

В такие минуты самые яркие воспоминания жизни проносятся мгновенно. Он вспомнил семью, чья радость трёх поколений жила вместе с ним все эти годы.

ЗЛОКАЧЕСТВЕННАЯ ФОРМА ОДИНОЧЕСТВА

Сегодня опять иду по вызову в 182 квартиру. Работая участковым врачом, мне часто приходится бывать в разных домах, видеть чужую жизнь близко. И редко, когда это прият-

но. Может эгоистично звучит, всё-таки заболел человек, но я обрадовался, мне нравилось приходить именно в эту квартиру, нравилось наблюдать жизнь семьи изнутри. Пусть на короткий миг, но я, как бы смотрел красивое кино, где все счастливы и любимы.

Чистота, приятные запахи из кухни; часто звуки музыки из соседней комнаты — всё это обволакивало благополучием прямо с порога. Женщина — хозяйка этого благополучия, открывая дверь, была улыбчива, доброжелательна, но всегда холодна. Сегодня она встретила меня без улыбки, наверное, тревога за мужа стёрла её. Поздоровавшись, кивнула на дверь в большую комнату:

— Подождите в гостиной, доктор, сейчас я позову мужа. — сказала она, проходя в дверь напротив.

В большой комнате стоял стол, накрытый к чаю. Белая скатерть в мелкий весёлый цветочек, сервиз, плюшки на большом блюде. Не думаю, что они так торжественно встречали доктора. По всему видно, что это была привычка жить красиво. Я вспомнил свой стол в коммуналке, накрытый клеёнкой и две табуретки — одна для меня, вторая для возможного гостя. Гость был возможен, но не приходил, поэтому и скатерть не стелил и сервизов не заводил. Для одиночества сервизы не нужны. Оставалось радоваться, глядя на чужую, полную тихого семейного счастья, жизнь.

Пока ждал, я снова и снова рассматривал комнату. Здесь не было случайных вещей, каждая стояла строго на своём месте, всё было подобрано по цвету, со вкусом и любовью. И от этого создавалась атмосфера дома, которая называется тёплым словом «уют». Центральное место занимала стена, где висело множество фото с детьми и внуками, но встречать их мне не приходилось, наверное, как это бывает в жизни — выросли и разбежались. Станным показалось то, что ни на одной фотографии не было родителей. А фотографии были прекрасные, наверное, кто-то в семье почти профессионально занимается этим.

Тихо скрипнула дверь, и в комнату вошёл мужчина, поздоровался, жестом приглашая к столу.

— Простите, доктор, что потревожил вас вызовом. Думаю, что со мной ничего страшного, просто с вечера «сердечным образом» нездоровилось, — улыбаясь, сказал он. — Но сейчас уже легче. Да вы присаживайтесь, попьём чаю, потом послушаете меня. Болячка за это время никуда не денется.

Он был из тех людей, которых раньше называли смешным словом «деликатный». Кто в наше время извиняется за то, что заболел и приходится беспокоить врача вызовом на дом?!

— У вас впереди долгий день, доктор. Начните его вкусно. — Он пододвинул ближе ко мне блюдо, на нём лежала горка ещё тёплых плюшек. Они были необыкновенными, такие я ел последний раз в детстве у бабушки. И чай был душистый, мой любимый.

Он смотрел на то, как я наливаю чай, беру с блюда плюшку; улыбался, но было видно, что мысленно он не здесь. Глядя на него, отчего-то подумалось: «Это не сосудистое недомогание, а «сердечное». Вряд ли ему помогут лекарства». Чай пили молча, это тяготило, и чтобы нарушить молчание, я совершенно искренне сказал:

— У вас прекрасный, счастливый дом...

Хотел добавить, как мне приятно бывать здесь. Закончить я не успел. Мужчина резко вскинул на меня глаза, лицо стало непроницаемым, жёстким, даже враждебным. Это длилось секунду, потом он опустил взгляд и сидел сгорбившись, медленно помешивая чай. И в этот момент я увидел, как дрожит его рука.

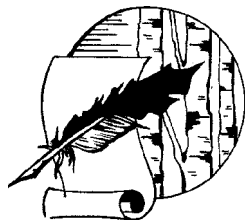
— Если бы нашлась женщина, которая просто провела рукой по волосам, ни секунды не остался в этом доме, — сказал он ровным голосом, по сути, страшные слова.

Было видно, что эта мысль очень давно жила в нём. Совершенно случайно я затронул настолько глубоко личное, что мне стало страшно заглянуть дальше в этого человека, и неудобно от его откровения, как будто он душевно оголился.

Одиночество не спрашивает, куда и когда прийти к тебе, имеешь ли ты скатерть с сервизом и плюшками или живёшь с одной табуреткой для друга, которого нет.

Вот так и закончилось кино, которое я смотрел с таким удовольствием.

г. Тамбов

Виктор КАРПУШИН

ПРОВИНЦИЯ

* * *

Над мёртвой речкой робкие побегии
По Божьей воле тянутся к жилью...
Ещё не время снаряжать телеги,
С утра морозец стиснул колею.

Не стоит осуждать патриархальность,
Здесь так привыкли: верят и живут...
И я живу, на кочках спотыкаясь,
Пока в деревне Масленицу жгут.

И дым идёт, и мгла по всей России,
Но это ненадолго, не впервой...
Осинки, словно девицы босые,
И кружит чёрный грач над головой.

И верится, теплее завтра станет,
Осинкам будет легче у реки.
«В такой же день в столице умер Сталин», —
Напомнили зачем-то старики.

* * *

Живу по колено в туманах,
Брожу по сырým берегам.
Любуюсь на избранных, званых,
Киваю знакомым врагам.

И мне отвечают, кивая,
Но злобы, мне кажется, нет...
И к храму выводит кривая
Дорожка — в две тысячи лет.

И нищий стоит на коленях,
И праведник смотрит на крест...
И воск на могильных камнях —
Примета задумчивых мест.

ПРОВИНЦИЯ

Здесь привычна от станции копоть,
Будний день равнодушен и глух.
Тёмный пруд снова золото копит,
Невзирая на вздохи старух.

Не просите печальное лето
Задержаться в родной стороне.
Выпускница университета
Промелькнула в вагонном окне.

Ей не очень пейзаж интересен:
Древний пруд, огороды, мостки...
Скрип калиток — напевнее песен
И глубинней московской тоски.

Потому и топчу подорожник,
Окликаю с утра лебеду.
Здесь знакомый железнодорожник
Собирает крыжовник в саду.

Не зазорно казаться нелепым,
Неприметно моё бытиё.
Здесь торгуют картошкой и репой,
И висит на верёвках бельё.

БЕРЕСТА

Возле церкви береста прозрачней,
Подорожник — жёсткая трава,
Исцеляет. Даже одуванчик
Доживёт, даст Бог, до Покрова.

Мы живём, пока родные живы,
Мы крепки, пока страна крепка.
Сколько сил в сплетениях прожилок,
Сколько света в шуме сосняка!

Есть грибы — отрада юрких белок,
Есть орехи, изумруды мхов.
Оставляя письма на белом,
Не забыть бы горечи грехов...

Оставайтесь дольше в русской чаше,
Пусть кукушка не смолкает здесь...
Очаруйтесь берестой блестящей,
Потому что грусть — благая весть.

* * *

Скрипят стволы, хворают ели,
Идут дожди — наискосок.
И долго тянутся недели,
Смола твердеет, стынет сок.

Горчит пока ещё рябина,
Во мхах покоятся грибы...
И мать солдатская Арина
Ответа просит у судьбы:

Когда вернётся русский воин,
Когда закончатся бои?
Лес равнодушен и спокоен,
И подмерзают колеи

Просёлочной дороги в поле,
Где в глине — оттиски сапог...
И поутру окно слепое
Глядит на поседевший стог.

* * *

До полыни — долгая дорога,
Нынче верба — символ, оберег.
Мёртвая солома у порога,
Дальше — лес, неласковый ночлег...

Спит Россия. Скоро ли проснётся?
Летаргия всё-таки пройдёт.
Свежий ветер и скупое солнце
Прогоняют застарелый лёд.

Нехотя, но покидает морок
Землю, где родился и живу.
Бродят кошки около помоек,
А сосед зачем-то жжёт траву.

Едкий дым окуривает сырых,
Трут глаза, стараются прозреть...
А бывало ли легко в России
Через дым на Божий мир смотреть?

* * *

Какая неземная береста
Привиделась среди канав и кочек,
Где бесконечна русская верста,
Где на двери — заржавленный замочек.

А ключики потеряны давно,
И где искать, в какой глухой прорехе?
Свистящий рак с утра залёг на дно,
Пересчитала белка все орехи.

И мне пристало подводить итог,
Чего тянуть, сличать тоску и правду..
Задумчивость оттаявших дорог
В конце концов, приводит к листопаду.

К замёрзшим серебристым колеям,
К смирению церквушки у погоста...
Но щавель зеленеет возле ям,
И быть счастливым отчего-то просто.

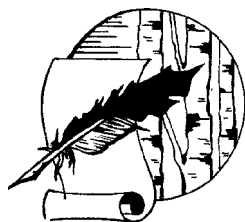
* * *

Отражение света в соломинке,
По которой слезится роса...
Спят в протоке ленивые сомики,
Затишают в лесу голоса.

Колосятся спокойные озими,
Над дорогой кружатся стрижи.
Просыпаясь с далёкими грозами,
Николаю «спасибо!» скажи.

Чудотворец посмотрит приветливо,
Постоит на скрипучем крыльце,
Побредёт вместе с майскими ветрами
Со случайной слезой на лице.

г. Балашиха Московской обл.

Борис ОРЛОВ

МОЙ ГОРОД

* * *

Обо всём забываем. Не верим в приметы.
Взвесить нечего. Замерли чаши весов.
Электронное время течёт незаметно —
Нет ни стрелок, ни боя часов.

И дела, и события — пустые заботы,
Между ними не брезжит просвет.
Для людей электронное время бесплотно,
В нём потеряны запах и цвет.

Обезличено всё. Пронеслись поколения.
И растаял в неизвестности след.
Человек растворён в цифровом межвременье —
Вроде был он, а вроде бы нет.

* * *

Побунтовали! Хочется покоя —
Зазубрины на ржавом топоре.
И время в нашей старости такое —
Увязли, как букашки в янтаре.

А за окошком — то зима, то лето,
Меняет цвет один и тот же вид.
По упаковкам съеденных таблеток
Мы замечаем: время не стоит.

* * *

Шпалы сгнили... Под откосами
Меж руин — трясина гладь.
Камни временем разбросаны,
Наше дело — собирать.

По несчастью мы — подвижники,
Но у каждого свой круг.
Если кинет камень в ближнего,
То останется без рук.

* * *

И позади, и впереди
Толпой затоптан след.
Мой век не брошка на груди,
Не вычурный сонет.

Ни бронзовый, ни золотой,
Ни римлянин, ни грек...
Мне всё равно какой мой век,
Важнее, что он — мой!

МОЙ ГОРОД

Дождь разбился о камни,
Ангел рвётся с креста.
Внешний блеск пред глазами
И дворов нищета.

Он засильем рекламы
Обожжён, что огнём.
Православные храмы —
Оазисы в нём.

Нет округлостей — грани...
Город, словно чужой,
И с нерусским названьем,
И с нерусской душой.

* * *

Тане

Дышат ветерки цветочной пылью
В скверах. И блестит гранит вокруг.
Облака трубят, как в трубы, в шпили:
Город-праздник — летний Петербург.

Тёплый свет. Не остывает русло
Белой ночью. Сквер молчит листвой.
Но мосты поют, как будто гусли,
Над беспечно дремлющей Невой.

Отзвуки божественных мелодий
Озарили память, как мираж.
Мы плывём с тобой на теплоходе
В город-праздник... Этот праздник наш!

* * *

Сквозь скважину замочную смотреть
На будущее тошно и постыло.
Болел — за мною приходила смерть,
Но с ней меня жена не отпустила.

Вползала в сон ко мне, лишая сна
Жену... Но мы лечились крепким чаем.
Смерть хуже, чем любовница — она
Уводит из семьи, не возвращая.

* * *

Март. Лампады пред иконами.
Радость утренних молитв.
Утро каркает воронами
И синицами звенит.

Из семян взойдут растения —
Плоть меняется на плоть.
Смерти нет... Есть обновления
Мира, что создал Господь!

* * *

То кверху нос, то на колени
Встают... Дурной и мудрый вид.
Из заблуждений и прозрений
Жизнь человека состоит.

И в одиночестве, и в стаде
Стремятся что-то совершить.
А если каяться не надо,
Зачем тогда на свете жить?!

Ты кто? Песчинка или глыба?
Угаснет вовремя звезда.
И кем бы ты при жизни ни был,
Смерть низвергает в никуда.

* * *

Дверь открыл на крыльцо человек
Угасающим днём насладиться.
Под сиренью сиреневый снег,
На сирени притихли синицы.

Бросит зёрна синицам рука —
И опустится вечер на плечи.
Мир прекрасен, но жизнь коротка...
Дышит с неба созвездьями вечность...

г. Санкт-Петербург

Георгий СИДОРОВ,
писатель, историк, антрополог,
член Русского географического общества

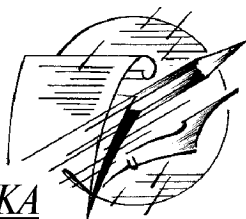
О КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРАХ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Те, кто противостоит нам, не хотят осуществления нашего плана. Потому что у них совсем другие виды на Россию. Им нужно слабое, больное государство. Им нужно разделённое общество, чтобы за его спиной обдѣлывать свои делишки. И, к сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» у иностранных посольств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа.

В.В. Путин

В советский период и в период новейшей истории XX — начала XXI вв. Россия прошла не имеющий мировых аналогов исторический путь развития. Это кризисный путь трансформаций: революций, войн и кардинальных перестроек политического, социально-экономического устройства государства.

Произошедшие изменения в стране и породившие их процессы не прошли для общества бесследно. Они глубоко укоренились в исторической памяти россиян, оставаясь отражением коллективного опыта прошлого и его «алгоритмов

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

действия». Заданные когда-то траектории развития страны в рамках исторической преемственности до сих пор имеют значительное влияние на настоящее России и негласно, на фоне современных событий, включены в процесс конструирования её будущего. Именно понимание взаимообусловленности исторических процессов развития страны, а также знание укоренившихся в истории методов управления социумом позволит нам в будущем избежать угроз «раскачивания» российской государственности.

Такой подход требует на перспективу углубленных знаний об истории страны и оперативной аналитики текущих процессов, поскольку общество без знания своего прошлого, не имеет настоящего и лишено будущего, что также формирует актуальный запрос к современному образованию, науке и государственному управлению.

Начнём с того, что большинство из нашей современной молодёжи не знает этапы гибели Советского Союза, справедливо охарактеризованной президентом Российской Федерации В.В. Путиным как крупнейшей геополитической катастрофой и гуманитарной трагедией прошлого века¹.

Знания о его «агонии и смерти» намеренно изъяты из российской истории. Вопрос: зачем? Ответ прост: чтобы позднее, не меняя технологии, проделать то же самое и с Россией — лишить её политического суверенитета, разрушить до основания её экономику, разоружить в пользу США и их союзников, а потом расчленить на десяток «суверенных», «независимых» государств.

Западным аналитикам надо отдать должное: кое-кто из них предполагал, что преемница погибшего СССР сможет найти в себе силы встать с колен и снова превратиться в великую державу. Ошиблись доверенные транснационалов только во времени. Никто из западных «кукловодов» не предполагал, что Россия справится с этой задачей так быстро. Но такое случилось — и теперь Западу надо срочно принимать меры.

Воевать с мощной военной ядерной державой, как и с бывшим СССР, — бессмысленно. Значит, нужна другая война.

¹ «...Граждане СССР жили в единой стране, у них были родственные связи, работа, квартира, они были равноправны, однако в одну секунду оказались за границей. В стране возникли сначала признаки, а потом и полномасштабная гражданская война. Была разрушена система социальной защиты, здравоохранения, остановлены целые отрасли экономики, в плачевном состоянии оказалась армия, и миллионы людей оказались за чертой бедности» (В.В. Путин в интервью режиссеру Оливеру Стоуну).

Похожая на ту деятельность, которую вёл Запад против СССР. Благо, что в России технологии, посредством которых был разрушен Советский Союз, помнят немногие. Это китайцы, чтобы разобратся в западных технологиях разрушения, открыли у себя целый научно-исследовательский институт. Но вряд ли их предупреждения и советы в России могут что-то изменить.

К сожалению, многие до сих пор не разобрались, что с ними тридцать лет назад произошло — и в этом вина их самих. Заодно надо поблагодарить и западных «агентов влияния», которые сумели «закрыть» рот патриотам и прекратить обсуждение неудобной для разрушителей темы.

Но что мы в настоящее время наблюдаем в России? Многие процессы, происходящие в стране, действительно исторически преемственны, уже имели место быть и получают своё продолжение в «обновленном» формате реалий современности. Речь идет о ряде определяющих направлений в развитии современной России и разрушительных факторах дестабилизации, к которым можно отнести расширенный формат «социальных лифтов» в новой реальности. Практически так же, как и во времена СССР и перестройки, прозападные эмиссары по всей стране «берут на заметку» ограниченных материальными интересами, жадных до власти и денег граждан. Их сконцентрированное сугубо на материальной сфере сознание подвергают ненавязчивой сетевой обработке, помогают таким «подопечным» окончить нужные вузы, а потом открывают перед ними двери социальных лифтов. Так данный контингент с низким морально-нравственным уровнем без особого труда проникает во властные структуры. Социальная лестница наверх — к их услугам.

Стоит ли удивляться, что многие современные российские чиновники презирают и свою страну, и свой народ, которому они обязаны служить. Вся эта высокопоставленная публика преследует только свои личные «шкурные» интересы — других интересов у неё нет. Такими их вырастили и воспитали прозападные круги влияния на деньги наших налогоплательщиков. Вот почему Россия утонула в океане коррупции: что ни чиновник, то, как правило, коррупционер.

Самое печальное, что коррупция поразила те государственные органы, которые по характеру своей деятельности являются гарантами безопасности общества — силовые структуры, прокуратура и суд. В этой связи невозможно забыть вопрос, который несколько лет назад задал автор этих строк одному из своих знакомых студентов юридического факультета: зачем тот пошёл учиться на этот факультет, а не куда-то

ещё? И получил исчерпывающий ответ: «Чтобы брать взятки!» — честно признался юноша. И пояснил, что на зарплату юриста, прокурора или судьи дачи на юге Франции или Канарах не купить. Всё верно, так оно и есть. Десятки миллионов «зелёных» можно получить, только продавая свои «услуги», — другого пути нет. На вопрос: зачем ему нужна дача на Канарах, он не ответил.

Вот наглядный пример того, о чём мечтают так называемые «сливки» нашего «больного» общества. Люди стремятся во власть не для того, чтобы служить стране, а для того, чтобы использовать её в своих личных интересах.

Вторым традиционным фактором разрушения государственности России является **«заигрывание» с Западом и поддержка российских национальных элит.**

Недопустимо то, что всеми национальными округами страны и федеративными республиками управляют местные национальные кадры. С Россией усилиями ставленников Запада происходит то же самое, что и с поздним Римом. Пока сами римляне правили своими провинциями, всё было спокойно: никто против них не бунтовал, народы империи жили в дружбе и согласии. Римские прокураторы и наместники являлись той цементирующей силой, которая не допускала сепаратистских настроений и превращала живущие на её территории народы в единую могучую нацию. Но стоило римлянам передать управление над провинциями в руки национальных элит, как тут же в провинциях возникли националистические настроения и началась ожесточённая борьба против титульной нации. Чем это кончилось — хорошо известно — развалом и гибелью великой империи. Центробежные силы разорвали её «в клочья».

Непонятно, почему современная российская элита в целях сохранения целостности страны в федеративных республиках и некоторых национальных округах упорно не желает ставить в управление представителей славянского этноса. «...Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию» (из выступления В. В. Путина на форуме сторонников президента России). В соответствии с этим встает закономерный вопрос: неужели в Кремле не знают, чем занимаются национальные элиты?

В средствах массовой информации постоянно идёт речь о западной русофобии. Разуйте глаза, господа хорошие! Русофобия усилиями Запада и национальных элит в федеративных республиках России стала неотъемлемой частью их политики. Если национальным элитам нужно что-то от нас,

русских, они, нисколько не стесняясь, требуют от Москвы всё, что им необходимо. Но когда для общего дела необходимо поделиться чем-то своим, то, как правило, следует вежливый отказ. Отношение титульной нации страны и национальных меньшинств складывается далеко не на равных.

Кто это инициировал — понятно. Но почему в Кремле предпочитают ничего не видеть? Русофобия усилиями национальных элит продолжает набирать силу. Примеров на этот счёт можно привести сколько угодно. Во всех национальных округах и республиках русские превратились в людей третьего сорта. Оговорки нет: не второго, а третьего! В Татарстане людьми второго сорта считаются чувашаи, мордва и башкиры. В Башкирии людьми второго сорта считаются татары и другие этносы — все, кроме русских. Мы на последнем месте. То же самое происходит на Кавказе, в Якутии, Бурятии, Тыве и так далее. В федеративных республиках России, как и в союзных республиках позднего СССР, нас, русских, считают оккупантами.

Национальный вопрос стоит в России ребром, и если его вовремя не решить, то страну ждёт в будущем неминуемый распад. Сепаратистское движение разорвёт Россию на части. Процесс этот полномасштабно идёт, но, к сожалению, его предпочитают не видеть. Что происходит? С каким трудом правительству России удалось избавить страну от «не нужных» ей президентов. На эту процедуру ушло несколько лет, но в республиках мало что изменилось, и отношение к русскому народу не стало лучше. Из вышеизложенного хорошо видно, что технологии, разрушившие СССР, отлично работают и по уничтожению современной России.

Третьим фактором атаки на Отечество изнутри является **мощное информационное влияние Запада на отечественную культуру**. Речь идёт о взятом странами Европы и Америки ещё в середине 90-х годов XX века генеральном курсе на скрытую «не военную» или информационную оккупацию России, которая крайне агрессивна и очень действенна. Такой вид оккупации имеет тонкие механизмы воздействия на сознание социума, активно использует манипулятивные практики и нацелен на подмену исконных культурных, духовно-нравственных ценностей русского народа. Через культуру и СМИ происходит активное привнесение чуждой России западной культуры, а по сути, уничтожение национального «кода» через отказ от традиций и уход из Русского мира.

Культура является той «лакмусовой» основой, по которой можно определить, что происходит с социумом, жизнеспособен ли он, какие ценности исповедует, поскольку именно на

их основе общество планирует и конструирует основную линию своего будущего. Доминирующая культура говорит о доминирующем цивилизационном влиянии.

Разумно вспомнить, что когда в Великую Отечественную войну советский народ сокрушил собранное вокруг Германии НАТО того времени, то вскоре весь мир запел наши русские и советские песни. Свою культуру мы никому не навязывали — простые люди Европы и Америки, восхищаясь подвигом нашего народа, старались на нас походить. Они с удовольствием учили русский язык, интересовались русской историей и культурой. В послевоенную эпоху русские песни звучали не только в Лондоне или Париже — их пели на площадях Нью-Йорка, Вашингтона, Лос-Анджелеса и Чикаго. Чтобы остановить «экспансию» советской культуры в страны Запада, транснационалам пришлось немало потрудиться: западной элитой были созданы специальные, генерирующие ложь про жизнь в СССР радиостанции и институты влияния, и, как любил «говаривать» один известный политик, «процесс пошёл».

Через некоторое время в Европе и Америке стали появляться новые жанры самовыражения в музыке, изобразительном искусстве, кино и театре. Своей беспринципностью, смелостью и напором они шокировали западную молодёжь, оторвали её от традиционализма и погрузили в inferнальный мир саморазрушения. Очень скоро эти короли рок-н-рола, такие как Элвис Пресли, исполнители западной поп-музыки и авангарда, похожие на группы «Beatles», «Rolling Stones» и др., стали кумирами советской молодёжи. Естественно, в СССР появились такие «деятели» культуры, которые за деньги стали копировать всё западное и втаптывать в грязь своё отечественное.

После перестройки этот процесс в разы усилился. В девяностые и двухтысячные годы свои песни в России почти не звучали, а вокруг слышалось звучание западных хитов, звуки рока, рэпа и другой англо-американской поп-музыки.

Нечто похожее продолжается и в настоящее время. Складывается такое впечатление, что многие исполнители разучились петь по-русски. Во всех конкурсах и телевизионных шоу больше половины песен продолжают звучать на английском языке. (По «Маяку» — круглосуточно. — Ред.) Было бы ещё простительно, если бы эти песни были хорошими, но по большей части мы слышим англо-американский «ширпотреб».

Возникает вопрос: зачем это исполняется? Похоже, ради того, чтобы в России звучал язык её победителей. Чтобы мы, русские, глубже осознавали свою генетическую и культур-

ную неполноценность. Неужели отечественные исполнители не понимают, что делают? Наверняка понимают.

Действительно, с подачи чиновников от культуры и с молчаливого согласия российской «богемы» экспансия западной антикультуры в нашу страну становится всё беспринципнее и активнее. Дошло до того, что со сцен ведущих театров страны началась пропаганда не только западного образа жизни, безнравственности, различных форм насилия, животного секса, но и гомосексуальных отношений. Примером может служить балет «Нуреев», которым бывший министр культуры (Мединский) осквернил сцену Большого театра. Про продукцию «фабрики грёз» однозначно можно сказать следующее: на один российский фильм приходится десять голливудских — и это у нас считается нормой.

Не хочется утверждать, что все западные фильмы не заслуживают внимания — попадают среди них и выдающиеся. Но крайне редко. В своём большинстве продукция «Голливуда», выполняющая политический заказ, штампует фильмы чрезвычайно низкого качества. Все эти «остросюжетные» и «захватывающие» фильмы агрессивно навязывают зрителю западные псевдоценности: индивидуализм, беспринципность, различные формы насилия, «дикий животный» секс, половые извращения и однополые браки.

Фактически культурное сотрудничество с Западом представляет собой мощную информационную агрессию и культурную экспансию. Но почему-то российское Министерство культуры ничего этого не видит. Вопрос: почему?..

Заданные Западом алгоритмы разрушения: потенциальные «взрывные точки» современного российского социума. Чтобы включить в России очередную смуту, Западу не хватает мощного движения недовольных — их в СССР называли диссидентами. Всё, кажется, сложилось, но толпы ненавидящих своё Отечество — это тот цемент, который собирает в единое целое все разрушающие государство факторы. Где их взять, этих ненавистников своего собственного народа?

В советское время было проще: тогда элита СССР «купалась» в привилегиях, имела право ездить за границу и жить на широкую ногу. Народ же имел право только на труд. В настоящее время социальная несправедливость закамуфлирована под демократию и псевдосвободы. Если жизнь у тебя не складывается, то виноватых нет — значит, ты просто неудачник. Вيني себя сам. Можно, конечно, обвинить государство в том, что оно не в состоянии справиться с коррупцией, но этого явно мало. И тогда Запад, что называется, сделал «ход конём». Чтобы понять его логику, придётся немного отвлечься.

Всё началось с пандемии вируса COVID-19. Пора признать, что вирус создан искусственно, причём давно, ещё в начале шестидесятих годов XX века. До последнего времени он хранился на одном из складов боевого бактериологического оружия и ждал своего «звёздного часа». И этот час настал. Вирус был завезён в Китай и оттуда распространился по всему миру.

Так началась активная фаза Третьей мировой войны, которая очень скоро переросла в военное столкновение России и НАТО. Полем битвы между сатанинским миром псевдодемократов и Великой Россией, которой управляет, со слов нашего президента, Творец, Запад выбрал территорию обманутой и ограбленной им Украины. Некоторые вышеописанные автором технологии воздействия, с добавленной к ним идеологией культурного и расового превосходства, были с успехом обкатаны Западом не только в бывшей Малороссии, но и в примыкающей к ней Молдавии. И там, и там была поднята волна ненависти ко всему русскому. Молдавانه относятся к романскому миру — их не трудно понять. Но когда ты встречаешь Ивана Ивановича Иванова, который со скрежетом зубов ненавидит русских и призывает убивать «проклятую русню», то становится не по себе. Когда ты ему говоришь, что у него и имя, и фамилия — русские, и что в свидетельстве о рождении он тоже записан русским, он, как правило, впадает в ступор или начинает кричать, что это всё неправда... Что это как не безумие? Хорошо продуманными и «научно обоснованными» пситехнологиями Запад, образно говоря, положил наших братьев на Украине на обе лопатки. Им и в голову не приходит заглянуть в дореволюционные или советские учебники, где чёрным по белому написано о том, что когда-то была Русь Киевская, Русь Новгородская и Русь Владимиро-Суздальская, и что не может быть назван этнос по его географическому местоположению, и что феномен Украины единственный в своём роде!

Перед нами народ, который немцам и англосаксам удалось свести с ума. Этнопсихологи Запада отыскивали в коллективном сознании наших братьев-малороссов слабые места и надавили на них всей мощью своих сатанинских пситехнологий. Не надо думать, что нет слабых мест в коллективном сознании великоруссов, татар, народов Кавказа и представителей других этносов, живущих на просторах России. Слабые места есть. Не надо забывать про этноэгоизм и современное управляемое Западом мифотворчество. Поэтому нашей задачей, задачей всего многонационального народа России, является не только успешное противодействие

сатанинским технологиям разрушения, но и победа над теми, кто эти технологии в России использует. Никто не отменял нашу отечественную «пятую колонну». Как ни печально, она здравствует и продолжает своё разрушительное дело. Если бы Иосиф Виссарионович Сталин перед войной не очистил страну от заговора предателей в армии и людей Запада в экономике, войну с Гитлером нам никогда бы не выиграть. В настоящее время Россия ведёт борьбу с коллективным Западом. Если в короткий срок мы не избавимся от врагов во власти, ничего хорошего нам не светит — произойдёт то, что случилось с СССР. Так что давайте вместе поможем президенту и здоровым силам страны избавиться от тех, кто спит и видит нашу Родину униженной, разрушенной и раздробленной. Спящих и ждущих своего часа достаточно как на самом вер-ху, так и на периферии, в провинциях. Пора бы нам это по-нять. В настоящее время вопрос стоит ребром: кто кого — или Запад, или Россия?

Заключение.

Воевать со своим государством, куда нас толкает Запад, преступно. Государство надо научиться правильно понимать и в трудные моменты всем миром идти ему навстречу. Дважды мы ломали своё государство — опыт у нас есть. И что получили? Вместо Великой страны — руины.

Только независимое народоориентированное государство способно защитить свой народ от разрушительного внешне-го воздействия. Пора нам всем научиться думать и анализи-ровать происходящее — другого пути нет.

Следует отметить, что на фоне обозначенных негативных тенденций был постепенно запущен к реализации мощный внутренний потенциал развития страны, где в «огромном зам-кнутом плавильном котле» было положено начало новым про-цессам всесторонней консолидации России, ее «сосредото-чению», «сборке», поднятию и идентификации националь-ного самосознания. «...Сложности, с которыми мы сталки-ваемся, создают для нас и новые возможности, страна готова принять любой вызов времени и победить» (из Послания пре-зидента РФ Федеральному собранию от 01.03.2018 г.).

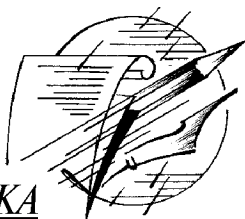
Олег КАССИН,
председатель движения «Народный собор»

ЛАЗЕР, СКАЛЬПЕЛЬ И... РОЗГИ

Одной из главных проблем современной России является наличие в ней двух общественных слоев. Причем каждый из них в своей жизни придерживается диаметрально противоположной системы ценностей, принципов и взглядов, по сути, разной идеологии.

Представители первого, наиболее многочисленного слоя руководствуются в отношениях между собой традиционными нормами морали и нравственности, религиозными постулатами, а также принципами, изложенными в прошлом веке в «моральном кодексе строителей коммунизма», основанными на коллективизме и взаимопомощи. Именно на этих базовых императивах строит свою жизнь, свои взаимоотношения друг с другом большая часть нашего общества.

Второй, относительно небольшой, но ресурсный слой, на протяжении последних десятилетий в значительной мере доминирующий в экономической жизни общества и считающий себя некой «кастой избранных», политической, культурной и бизнес-элитой, исповедует диаметрально противоположные взгляды. В чем это заключается?

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Большая часть людей, входящая в эту узкую социальную прослойку, тоже придерживается аналогичных, как и у основной массы, принципов, но лишь в отношении себе подобных. На «чернь» ее представители такие правила не распространяют. Пропитанная насквозь идеологией западного либерализма, эта социальная прослойка не считает нужным переносить свои внутрикорпоративные нормы на остальную часть общества, от которой она отделилась, атомизировалась. И эта меньшая часть социума, глубоко презирующая свой народ, его историю и культуру, не связывающая с ним свою судьбу, идеологически вписана в глобальную западную элиту, которая функционирует на аналогичных началах и принципах. Причем либеральная часть сформированной в 90-е годы XX века российской «элиты» находится в соподчиненном положении по отношению к правящим западным элитам, ставшим для нее ближе и роднее, чем свой собственный народ.

По сути, в данном случае имеет место некая форма либерального «белого нацизма», созданного в свое время англосаксами и применяемого ими по отношению к остальному «туземному» населению мира. Этими же англосаксонскими кругами, кстати, в свое время был выращен и Гитлер.

Данная чуждая русской традиции и культуре модель отношений, основанная на превосходстве западной цивилизации над остальными «варварами», «дикарями» и «туземцами», незначительной части человечества над его остальным подавляющим большинством, была навязана российскому правящему слою еще несколько веков назад.

В Средние века такую идеологическую модель пытались внедрить среди правящей властной русской верхушки, навязывая ей, по сути, отличное от остального большинства населения мировоззрение избранничества и дистанцирования от своего народа. Но тогда, благодаря твердой позиции иерархов Церкви, эта идеология была заклеяна как ересь.

Однако процесс внедрения такой «политической онкологии» продолжался. И ко второй половине XVIII века в России существовало уже фактически два народа в виде двух основных социальных слоев. Их составляли, с одной стороны, большая часть правящей «верхушки», с другой — всё остальное население.

Значительная часть первого слоя придерживалась культурно и идеологически западной системы ценностей, а всё остальное большинство являлось для нее, за редким исключением, «подлым народом» (официальный термин XVIII века), развивать и образовывать который законодательно запрещалось.

лось. При этом инкорпорация в правящий слой для последних была практически невозможна или крайне затруднена (вспомним историю М.В. Ломоносова). Эта «политическая опухоль» выжимала из народа значительную часть жизненных сил и ресурсов, держа его в подавленном, забитом и полунищем состоянии.

К чему в конечном итоге приводила такая «политическая онкология», хорошо известно. Пугачевский бунт, массовые поджоги барских усадеб и другие вспышки народной ярости...

В немалой степени такая политическая и социально-культурная атомизация правящей элиты позволила внешним и внутренним силам раскачать ситуацию в России в начале XX века и ввергнуть страну в пучину кровопролитной Гражданской войны.

Но и в советский период контуры этой порочной модели вновь начали формироваться в определенной части чиновничье-бюрократического слоя, названного Иосифом Сталиным «проклятой кастой», жесткий контроль за которой он тогда осуществлял в «ручном» режиме.

Со временем именно эта оторвавшаяся от остальной части общества бюрократическая прослойка захотела «вписаться в Запад» и зажить, как зарубежные миллионеры и миллиардеры. В итоге она без боя сдала нашу страну западным «партнерам», под их руководством развалила и ограбила государство, сделав большую часть ее народа нищим и бедным, разрушила образование, науку и культуру. Эта принявшая западные ультралиберальные ценности и нормы «политическая опухоль» превратила страну фактически в сырьевую колонию Запада. Сама же новая «элита» российских нуворисей при этом получила в качестве бонуса от новых хозяев значительные финансовые средства и хорошие куски от разграбленного, «вписавшись в Запад» на соподчиненных позициях.

В свете всего сказанного выше вспомним разглагольствования одного из известных российских чиновников из числа последователей этих ультралиберальных взглядов. В порыве откровенности он говорил о том, что не нужно образовывать и развивать большинство нашего народа. Ведь иначе управлять им будет крайне затруднительно. Прямо как в XVIII веке: зачем развивать и образовывать «подлый народ»?

Резюмируя сказанное, отмечу, что приведение современной российской элиты (а точнее — значительной части «доминирующего слоя», поскольку в действительности настоящей элитой эти люди не являются) в соответствие с ценностями и традициями основной части нашего общества, заме-

на его на людей патриотичных, глубоко преданных своему народу и государству — важнейшая задача следующего этапа развития нашего Отечества.

Делать это гораздо легче сверху, что, очевидно, хорошо понимает наш президент. Так, в своем Послании 29 февраля 2024 года Федеральному Собранию РФ он отметил, что слово «элита» во многом себя дискредитировало теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считает себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями. «Особенно имею в виду тех, кто в предыдущие годы набил карманы за счет всяких процессов в экономике 1990-х годов — они точно не элита», — подчеркнул тогда Владимир Путин.

Подлинной же элитой являются «все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди», резюмировал тогда президент.

В.В. Путин назвал участников боевых действий «подлинными героями и патриотами», которые «безусловно, не отступят, не подведут и не продадут», и именно таким людям «можно передать в будущем и доверить Россию».

Президент сказал, что именно участники СВО должны выходить на ведущие позиции и в системе образования, в госкомпаниях, бизнесе, в государственном и муниципальном управлении, возглавлять регионы, предприятия, самые крупные отечественные проекты.

Владимир Путин выразил уверенность, что участники СВО смогут занять достойное место в управленческой элите России, куда их планируется инкорпорировать через различные проекты и программы.

Безусловно, этот вектор — абсолютно правильный. Вот только пока без ответа остался один немаловажный вопрос: а каким образом можно осуществить такую инкорпорацию патриотически настроенных кадров в создававшийся десятилетиями господствующий слой, значительная часть которого повреждена ультралиберальными идеями, а также коррупцией и другими пороками? Ведь еще в Евангелии написано: «Никто не вливает молодого вина в мехи ветхие...»

По существу, для перехвата управления страной у наших геополитических противников сейчас необходимо следующее: скорейшая национализация части российского правящего слоя, поставленного у нас «на хозяйство» Западом и получившего при его непосредственном участии «в кормление» значительные материальные и финансовые ресурсы. Кстати, именно эти кадры в реальности и являются здесь его главным активом.

Для проведения такой кадровой национализации необходимо подрубание финансовых корней этой гидры, последовательное отстранение ее представителей от всех реальных рычагов управления — политических, экономических, культурных, информационных и др.

Необходимо взять под жесткий контроль государственные финансовые потоки, успешно используемые сейчас либералами для поддержания своих кадров и их антироссийской деятельности. Эти средства, после тщательной ревизии потраченного ранее, должны быть оперативно перенаправлены на реальные проекты по укреплению российской государственности и подготовку будущих управленческих кадров.

Сейчас, в условиях жесточайшего противостояния с коллективным Западом, нужна оперативная замена морально разложившейся и идеологически враждебной части «правлящего слоя» духовно здоровыми и патриотичными управленческими кадрами. Костяк таких людей через их кураторов в целях защиты и оперативной поддержки должен замыкаться непосредственно на президента и его ближайшее доверенное окружение.

Проводя необходимую селекцию современной российской «элиты», нужно учитывать то, что многие кандидаты в сформированный в 90-е годы прошлого века на базе либеральной идеологии новый правящий слой жестко отбирались на определенных принципах. Так, при продвижении «наверх» приоритет отдавался тем, кто не только был вписан в западную модель идеологически, будучи склонен к индивидуализму и космополитизму. Именно тогда параллельно с различными общественно-политическими клубами, где их западными кураторами отсматривалась будущая «элита», в России стали активно действовать и всевозможные неформальные клубы, центры и иные площадки (включая различные бани и сауны). В этих местах будущие «элитари» расслаблялись, раскрепощались и приобщались к новым либеральным «ценностям» и нравам. А западные спецслужбы и их пособники собирали на новых «лидеров» необходимый компромат.

При этом, как уже говорилось, особый интерес для закулисы представляли половые извращенцы. Последнее воспринималось правящими западными кругами как надежный компромат, хороший «крючок» на такого кандидата во власть и дополнительный способ его шантажа. Вкупе с имеющимися на будущего «элитария» коррупционными и иными «крючками», всё это позволяло иностранным спецслужбам эффективно управлять подобными ставленниками и жестко конт-

ролировать их. Ведь в стране, где подавляющая часть населения придерживается традиционных морально-нравственных норм и устоев, такой выдвигенец, вскройся его истинная порочная натура, не имел бы никаких политических перспектив.

К тому же наличие низменных склонностей и способности к «максимальному раскрепощению» воспринималось Западом и как некий акт особой лояльности и идейно-моральной близости с его порочной и развратной верхушкой. И немало будущих российских «элитариев» тогда сознательно из карьеристских побуждений становились так называемыми бисексуалами.

Разумеется, далеко не вся нынешняя доминирующая социальная прослойка тотально поражена такими пороками, есть в ней и относительно крупное здоровое ядро. Именно оно сейчас и вытягивает страну из пропасти, продавливая необходимые для ее выживания и развития меры. Однако наличие сформировавшейся за десятилетия крупной «либеральной опухоли» значительно осложняет и тормозит сейчас их реализацию.

Продолжая затронутую выше тему, замечу, что в настоящее время некогда осуждаемый на Западе гомосексуализм и другие всевозможные извращения стали там уже практически нормой. И наиболее крепким «крючком» для «туземных элит», объединяющим их с западными хозяевами как общее преступление и сплачивающим началом теперь является педофилия. Ведь она до сих пор, несмотря на активные попытки ее легализации, вызывает даже в западном обществе всеобщее осуждение и является тяжким преступлением среди большей части человеческого социума. Вспомните хотя бы громкую историю с американским миллиардером-педофилом Эпштейном, в порочный круг которого оказалась вовлеченной огромная часть современной правящей западной «элиты».

Открыто продвигая сейчас в рекламных целях в верхушку западного истеблишмента откровенных гомосексуалистов, вроде сына российского олигарха Лебедева, принятого недавно в пары Англии, глобалисты посылают либеральной части российской «элитки» соответствующий сигнал — только на таких условиях вы можете быть приняты в наш истеблишмент.

Западные мастера «политической онкологии», осуществляющие подобным образом «отрицательный отбор» во власть, решают при этом еще одну важную для себя задачу. Они осуществляют через такую программу не только эффективный конт-

роль за своими сателлитами, но также запускают процесс управляемого разложения и планомерного разрушения государств своих геополитических противников и соперников.

Поэтому так важны принятые сейчас в России на федеральном уровне основополагающие законодательные акты о защите традиционных духовно-нравственных ценностей. Ведь они, по сути, дают еще и нравственную оценку всем этим порочным явлениям, задавая новые критерии отбора в настоящую российскую элиту. То есть являются важным элементом контрпрограммы и служат неким нравственным камертоном. А также серьезно блокируют созданный извращенческим прозападным лобби механизм социального заражения нашего общества всевозможной мерзостью.

В реальности необходимо осознавать, что сразу, вмиг заменить всю политическую, экономическую и культурную социальную прослойку, доминирующую в России с конца XX века, не удастся. Да и, как говорилось ранее, далеко не все там ультралибералы. Есть немало и государственников, которые в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были долгое время скрывать свои патриотические взгляды, приспособившись и работать в рамках навязанной стране либеральной программы-матрицы и тотального доминирования ее носителей в органах власти. К тому же и на нижнем, и на среднем уровне во власти еще сохранилось большое количество настоящих патриотов. Откровенных врагов, как говорится, не так много, но они грамотно расставлены. Поэтому на первом этапе важно поместить нынешний доминирующий социальный слой и всю так называемую «старую элиту» в строгие рамки новых идеологических и нравственных реалий, жестко контролируя этот процесс.

Проводя такую, по сути, «революцию сверху», здоровой части властной верхушки необходимо опираться в своей работе на помощь и поддержку свежей общественно-политической силы, выстроенной под новые политические цели и задачи. Не имея подобной структурированной идейно-нравственной общественной опоры, невозможно решительно осуществлять дальнейшие необходимые реформы по укреплению страны и оздоровлению нашего общества. Она нужна сейчас постепенно крепнущему российскому государственному организму в качестве общественной иммунной системы.

К 225-летию русского гения

Мы еще до конца не знаем значения Пушкина для России. Значения, о котором большинство даже не догадывается. И мы еще до конца не знаем, ЗА ЧТО был убит Пушкин.

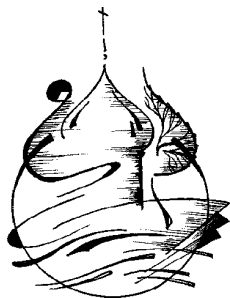
Этой публикацией я лишь приоткрываю дверцу в до сих пор не раскрытую тайну жизни великого русского поэта.

В учебниках литературы и в официозных энциклопедиях биография А.С. Пушкина была сознательно искажена. Причем сознательно искажена она была как до 1917 года, так и после. Но, как сказано в Евангелии от Марка: «Нет ничего тайного, что не станет явным, и нет ничего скрытого, что не выйдет наружу... Ибо нет ничего тайного, что не предназначено изначально стать явным, и если что-то скрывается, то только для того, чтобы выйти однажды на свет» (Мк. 4: 22).

СТРАННОСТИ БИОГРАФИИ, ИЛИ ТАЙНА ЖИЗНИ ПУШКИНА

Нет ничего тайного, что не станет явным,
и нет ничего скрытого, что не выйдет наружу...
Евангелие от Марка (4: 22)

9 июня 1817 года Александр Сергеевич закончил обучение в Императорском Царскосельском лицее. По его окончании будущий великий русский поэт получил чин коллежского секретаря 10-го класса. А уже 13 июня высочайшим указом он был определён в Коллегию иностранных дел и 15 июня принёс присягу, подписав бланк клятвенного обещания Императору. (В скобках отметим такой факт: в лицее молодой Пушкин познакомился и завел дружбу со многими будущими участниками тайных масонских обществ, причастных к Декабрьскому восстанию 1825 года. А в 1819 году

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

он вступил в литературно-театральное общество «Зелёная лампа», руководимое «Союзом благоденствия» — одним из будущих организаторов восстания.)

Через три года, весной 1920-го, Пушкин по линии Коллегии иностранных дел получает назначение и отправляется в служебную командировку в кишинёвскую канцелярию наместника Бессарабии И. Н. Инзова, бывшего генерала армии Кутузова. (Эта командировка во всех биографиях поэта значителся как ссылка.) Но сразу в Кишинев он не попадает. По распоряжению Инзова он поселяется в Екатеринославе (Днепропетровске), точнее, в его пригороде. Там Пушкин простужается, искупавшись в холодном Днепре, и получает воспаление легких. В это время из Киева через Екатеринослав проезжал его друг, герой Отечественной войны 1812 года князь Н. Н. Раевский, который застаёт Пушкина в лихорадочном состоянии и увозит поэта для лечения на Северный Кавказ, на горячие источники. По дороге они останавливаются в Таганроге и около месяца живут в усадьбе А. Ф. Реброва. Там огромное впечатление на Пушкина произвело Азовское море. После окончательного выздоровления в кавказских горячих и минеральных водах они через Керчь прибывают в Крым, в имение Раевских. (В скобках заметим, Н. Н. Раевский не был замешан в декабрьских событиях 1825 года. Но его родная сестра Мария Волконская вслед за осужденным мужем отправилась в Сибирь.)

В Крыму, на этом очень плодотворном для его творчества полуострове, Пушкин жил в Феодосии, в Симферополе, в Гурзуфе, побывал в Бахчисарае. Только 21 сентября он прибыл в Кишинёв. Наместник Бессарабии и его непосредственный начальник по служебной (иностранной) линии И. Н. Инзов позволяет ему вести свободный образ жизни, посещать театры и балы, путешествовать по Молдавии, наведываться в Киев и Одессу.. (Это в ссылке-то...) Александр Сергеевич при этом получает приличное государственное жалование. Там же, в Кишиневе, Пушкин близко общается с членами тайного общества «Союз благоденствия» — участниками скорого Декабрьского восстания... Там же он вступает в масонскую ложу «Овидий» (членом которой, кстати сказать, был и генерал Инзов...).

После Кишинева, в июле 1823 года, Пушкин опять же через Государственную Коллегию иностранных дел получает перевод по службе в Одессу, в канцелярию графа М. С. Воронцова. Здесь он снова (чисто внешне) никакими служебными делами не занимается, каждое утро выходит на при-

стань и встречает прибывающие корабли, обедает и ужинает только в ресторанах, делает визиты лучшим красавицам Одессы и не пропускает никаких балов, будучи уже известным, востребованным светской публикой и широко читаемым поэтом. Получаемого жалованья на это вполне хватало.

(Назовите мне второй такой случай, чтобы человек, отправленный в ссылку, разъезжал по разным городам, получал приличное государственное содержание и находился на государственной службе... К слову, о ссылках в Российской Империи. В 1827 году родной брат Н.Н. Раевского, Александр, оказался в опале и был сослан в Полтаву, где жил **безвыездно**. Лишь осенью 1829 года **по специальному разрешению** ему позволили покинуть этот город. Но в Москву он получил право вернуться только в 1834 году.)

Отношения с графом Воронцовым у Пушкина не сложились — он слишком назойливо ухаживал за супругой генерал-губернатора графиней Елизаветой Воронцовой. Эти ухаживания, переросшие в настоящий любовный роман, в конце концов заставили графа добиться возвращения Пушкина в Петербург.

В 1824 году Александр Сергеевич вернулся в столицу и в том же году был уволен со службы в Коллегии иностранных дел. После этого Пушкин уезжает в свое имение в Михайловском — еще в одну ссылку... То есть почти вся его служба по ведомству иностранных дел проходила в основном на юге России перед известными событиями в декабре 1825 года...

Ни в одной пушкинской биографии не говорится о том, какое же задание выполнял коллежский секретарь Александр Сергеевич Пушкин в своей командировке на юг России от Коллегии иностранных дел... В чём заключалась его работа? Ведь не просто же так его туда направили! Ведь не за густые бакенбарды и не за умные глаза там получал он государственное вознаграждение (то бишь зарплату)!

Одним словом, во время своего пребывания на юге, как можно понять, Пушкин выполнял некое задание (но какое?!), исполнив которое, вернулся домой и сразу же вышел со службы в отставку.

Забегая вперед, скажу: Царь и руководство Третьего отделения, отвечающего за безопасность двора, царского семейства и государственного управления, знали о готовящемся заговоре в армии. Знали имена лидеров заговора и о времени этого армейского выступления вплоть до точного числа. То есть люди, верные престолу и идее сохранения государства, находились среди заговорщиков. Их секретные безымянные

доклады, в частности, через руководство Коллегии иностранных дел, и не только, поступали в Третье отделение — напрямую ее главному начальнику А.С. Бенкендорфу.

Пушкин общался и имел близкие отношения с руководителями и участниками Декабрьского восстания. Его друзья были и в Южном, и в Северном тайных обществах. Но он даже не был под следствием и не допрашивался по делу о несостоявшемся государственном перевороте, хотя допрошены были тысячи людей, приближенные к декабристам. Не странно ли это?.. Друзья Пушкина, находившиеся под следствием, спрашивали его: почему он не приехал в Петербург перед 14 декабря, чтобы хотя бы морально быть рядом с ними? Ведь он знал о готовящейся революции! Тем более, что Петербург был возбужден и взволнован смертью Императора Александра I. Пушкин нашел для них отговорку: он, якобы, подготовил повозку и раним утром 10 декабря уже выехал вместе с кучером, но дорогу им перебежал заяц, которого он принял за чёрную кошку и, будучи крайне суеверным человеком, велел повернуть назад. Как ни удивительно, друзья ему поверили... Но ясно же, что это была хитрая уловка поэта. Можно не сомневаться в том, что он и не собирался никуда выезжать.

В сентябре 1826 года Пушкин возвращается в Петербург и получает приглашение на празднование коронации Николая I, которое проходило в древней столице Империи — в Москве. И там же происходит их встреча, которую Александр Сергеевич в разных красках и нюансах затем описывал для своих друзей. О чём они говорили в реальности, не знал никто. И не мог знать. Встреча эта прошла без свидетелей, с глазу на глаз. Но в результате этой беседы Пушкин распоряжением Царя был освобожден от цензуры и ему гарантировалось личное высочайшее покровительство. Ему было позволено жить в обеих столицах. Пушкин поселился в Москве.

Тому, как Пушкин для своих друзей затем описал эту встречу и беседу, вряд ли можно верить. Достаточно привести только эти слова из его якобы описания, которые многократно цитировались в школьных хрестоматиях по литературе (помнится, я сам то ли в пятом, то ли в шестом классе на уроке пересказывал эти слова): «Где бы ты был 14 декабря, если бы находился в Петербурге?» — «В рядах мятежников, Ваше Величество». (Этот бред повторяет «литературовед» и «пушкиновед» Натан Эйдельман в своей книге о Пушкине.) Да если бы нечто подобное было произнесено поэтом, вряд ли он отделался бы очередной ссылкой. В лучшем случае эта ссылка была бы до конца жизни в Сибирь.

В декабре 1831 года Александр Сергеевич был произведен в чин титулярного советника 9-го класса. А 31 декабря 1833 года в придворной канцелярии был подписан царский Указ следующего содержания: *«Служащих в Министерстве иностранных дел коллежского асессора Николая Ремера и титулярного советника Александра Пушкина, всемилоостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкеров Двора нашего. Николай»*. И это — того самого бывшего «вольнодумца», друга многих декабристов, побывавшего в двух ссылках... В 1836 году Пушкин получает разрешение на издание собственного литературного журнала «Современник». А после гибели поэта Николай I собственными деньгами расплатился по всем долгам его семьи...

Можно предположить, что все эти царские милости наш великий поэт получил не только и не столько за его гениальное творчество (Николай I, по собственному признанию, был равнодушен к поэзии), а, скорее всего, за выполнение того задания, которое имел он во время т.н. «южной ссылки», а точнее говоря, южной командировки от Коллегии иностранных дел... Вполне вероятно, по этой причине его не выпускали за границу. То есть, прежде всего, его оберегали.

И как знать, не эта ли тайна жизни Пушкина была истинной причиной заговора против него и его убийства?.. Ведь на революцию в России 1825 года очень рассчитывали европейские верхи, и прежде всего — французские...

«Убийцу сам король вниманьем нежил, // достиг он всех чинов, что свет сулил...»

Многие еще при жизни поэта, а не только когда мы учились в советской школе, считали, а порой и называли его, якобы неуправляемого и неисправимого «вольнодумца», антимонархистом и чуть ли не атеистом. Но эти известные еще по школе слова были написаны им в ответ на статью тогдашнего либерала А.П. Чаадаева: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал» (19 октября 1836 г.). И слова эти предварялись другими, которые ни в школьных учебниках, ни в его биографиях советского времени не цитировались: «...лично я сердечно привязан к государю».

Кем были декабристы в реальности, наш журнал писал неоднократно. Вся их дворянская верхушка состояла в масонских ложах. А масоны — служители дьявола и враги Православия. А.С. Пушкин — один из тех, кто спас Россию от развала 200 лет назад.

У М.Ю. Лермонтова никакой дуэли с Н.Мартыновым не было. Убийство Лермонтова — это продолжение мести Пушкину. Никакой ссоры с Мартыновым у Лермонтова не было, и на дуэль его никто не вызывал. Причина заказного убийства — стихотворение «Смерть поэта». Заговор против Пушкина продолжился заговором и клеветой против Лермонтова. «...И на устах его печать», — он знал, о чём писал...

«Дуэль» была сфальсифицирована после убийства. И сколько было написано книг и снято фильмов по лживой версии!

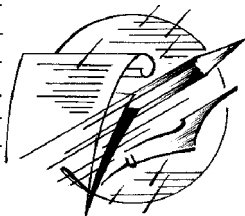
Статью об истинных фактах убийства М.Ю. Лермонтова, о его реализации и соучастниках читайте в №10 «Молодой гвардии» — к 210-летию юбилею великого русского поэта, продолжателя дела Пушкина.

ГДЕ ТУСУЮТСЯ ВРАГИ РОССИИ

В феврале этого года «Форум свободной России» провел очередную тусовку российских эмигрантов, выступающих в роли откровенных врагов России.

Этих эмигрантов из нашей страны никто не гнал. Они отправились в эмиграцию сами «в знак протеста» против СВО на Украине и, как теперь выясняется, по единому сигналу Запада. Любопытна в этом отношении история отъезда на Запад писательницы Улицкой, о которой у нас речь еще впереди. Еще в конце февраля 2022 года, т.е. почти сразу же после начала СВО, Улицкая и ее муж, скульптор Андрей Красулин, приняли решение уехать в Германию и покинули Россию.

«Ваш отъезд из России — это был спонтанный поступок?» — спрашивал ее немецкий журналист. «В моем случае, — ответила Улицкая, — все было непредсказуемо. На следующий день после начала войны (СВО. — Ред.) приехал мой старший сын и сказал: «Быстро собирайтесь». И он вывез нас через Абу-Даби — кружным путем — в Германию. В тот момент нам ничего не нужно было пояснять... Собрали чемодан, взяли только самое необходимое. Всё. Я никогда с властью не бо-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

ролась, но никогда и не считала для себя возможным молчать. Поэтому я понимала в тот момент, что уехать правильно».

Пятая колонна действует

Вся эта операция по массовому бегству либеральной интеллигенции на Запад только еще раз подтвердила, что пятая колонна — это контингент западной агентуры в нашей стране, а вовсе не собрание неких инакомыслящих бессребреников. Сребреники этим иудам, хоть и не щедро, но выплачивают, иначе, конечно, неоткуда было бы им взять средства на аренду помещений для своих антироссийских сборищ да и на поддержание штанов.

В начале февраля с.г. в Берлине состоялась двухдневная сходка беглых, которую поначалу назвали «Съездом иноагентов», ну а затем, видно, испугавшись саморазоблачения, назвали этот свой шабаш «съездом свободных людей». Независимо от названия кадровый состав таких «форумов» разнообразием не отличается. Но попадаются среди них и бывшие российские высшие чиновники — например, бывший премьер-министр РФ (2000—2004 гг.) Михаил Касьянов, не говоря уже о всем известном главе РОСНАНО, жулике и проходимце Анатолии Чубайсе, каким-то чудом, хотя чудес не бывает, ускользнувшем от российского правосудия и бросившемся искать убежища в Израиле, где он теперь, как рассказал президент РФ В.В. Путин, *«уже не Чубайс, а Моше Израилевич какой-то, живет где-то там, где в основном же тусуются эмигранты, прикрепленные к одним и тем же кормушкам — прежде всего спецслужбам Запада. Это — ЦРУСША и МИ-6 Великобритании, а также служба внешней разведки Германии БНД, находящаяся под контролем Ведомства федерального канцлера ФРГ. Не обошлось здесь и без израильской контрразведки — Общей службы безопасности, так как евреи, увы, составляют этническое большинство эмигрантов последнего призыва»*.

Весьма активно в координации действий и финансировании этой публики выступают «Фонд Сороса», беглый олигарх Михаил Ходоровский, давно внесенный Минюстом в список иноагентов, со своим фондом «Открытая Россия» и прочие «радетели России» из той же этнической группы: Гозман, Гельман, Венедиктов, Фейгин, а на подхвате и прочая эмигрантская шелупонь.

Шизофреники и кумиры

Время от времени в нестройном русофобском хоре солируют откровенно шизофренические личности, вроде гражданки Израила Дарьи Богдановой, 35-летней правнучки леген-

дарного советского летчика Валерия Чкалова, которая призвала нанести ядерный удар по Москве в целях завершения конфликта на Украине и даже выразила готовность спонсировать это военное преступление. Она заявила при этом, что ей плевать на своих маму и бабушку, проживающих в России. Богданова ранее уже предлагала «расстреливать русских прямо на улице», теперь же заявляет, что москвичам не мешает услышать воздушную тревогу. При этом окончательно сбрендившая эмигрантка активно спонсирует армию Украины на заработанные в России деньги.

Игорь Валерьевич Чкалов, правнук Валерия Чкалова, представитель Международного мемориального фонда «Чкалов», заявив, что говорит от лица всей семьи, сказал по этому поводу: «Являясь представителем семьи В.П. Чкалова, могу прокомментировать то, что Дарья Богданова очень давно проживает в Бельгии, имеет гражданство Израиля. Могу только предположить, что Дарья стала жертвой антироссийской пропаганды, которая активно распространяется на территории Евросоюза, а также попала под влияние своего супруга — психолога Моссада (израильской спецслужбы), имеющего украинское происхождение. Семья Чкалова отреклась от правнучки после ее слов о ядерном ударе по Москве, отметив, что «здравомыслящий человек заявить подобное не может».

Можно было бы, конечно, и не обращать внимания на заявления таких фашиствующих русофобов и шизофреников, как Богданова, если бы ее бредовые высказывания не звучали в унисон с заявлениями куда более известных в нашей стране политиков и литераторов, котирующихся в либеральной среде в категории «кумиров» творческой интеллигенции.

Так, в январе с.г. пранкеры Вован и Лексус (Владимир Кузнецов и Алексей Столяров) позвонили писателю Михаилу Веллеру от лица руководителя офиса президента Украины Андрея Ермака. Согласно видео в Telegram-канале пранкеров, Веллер признался, что не удручен атаками Вооруженных сил Украины на российские города и считает, что Россия должна «размонтироваться на части». И в этих целях он посоветовал киевской хунте использовать, хотя и «зная им цену», Михаила Ходорковского и Алексея Венедиктова из того же списка иноагентов.

Точно так же купилась на провокацию тех же пранкеров проживающая в Германии беглая писательница Людмила Улицкая. Она родилась в 1943 году в Башкирии. Лауреат литературных премий «Русский Букер», «Большая книга», премии Медичи (Франция), премии «Форmentor» и других. Биолог по первой профессии. Публикуется с конца 1980-х го-

дов. Автор двух десятков книг. Улицкая публично выступила против присоединения Крыма к России в 2014 году и против СВО на Украине. Живет теперь в Германии.

Долгие годы в России либеральная критика представляла ее читателям едва ли как не «совесть нации», хотя верилось в это с трудом, учитывая далекую от высокой морали нравственность героев ее книг. Ну а уж после этого интервью вообще не осталось никаких сомнений в том, что русофобствующая Улицкая — враг России и ее народа. Ее книги в России приравнивают теперь к произведениям иноагентов — до недавнего времени их упаковывали в серую бумагу и продавали с соответствующей маркировкой, а потом и вовсе сняли с продажи.

Людмила Улицкая представила пранкерам свой план «Барбаросса». В нем не так много пунктов. Она одобрила истребление несогласных с киевской НСДАП. Гестапо Зеленского может охотиться за своими жертвами, где ему угодно, считает Улицкая. Ей импонирует метод украинского нацизма: убивать, убивать, убивать... В таком же духе Улицкая ответила и на вопрос о Дарье Дугиной, не увидев преступления в убийстве нашей журналистки агентами украинских спецслужб.

О русских Крыма Улицкая, награжденная за гуманизм, высказалась в том же нацистском ключе — «депортировать к чертовой матери», коли не согласны с бандеровщиной. В ценностях цивилизации русские, по ее мнению, все равно ничего не смыслят, ну вот, например, операции по перемене пола делать не желают. Только ли из-за этого Улицкая на склоне лет впала в паталогическую русофобию?

Писательство Улицкой началось в 1990-е, когда русских унижали и изгоняли отовсюду, где к власти приходили местные квислинги-перестройщики. Она с восторгом приняла киевский майдан 2014 года. Ведь на нем обещали всех русских перевешать. Улицкая заявила о «праве» Украины уничтожать российских культурных деятелей и журналистов, поддерживающих действия своей страны. «Не могу сказать, что мне очень нравится такая позиция, но вы имеете на нее право», — сказала Улицкая пранкеру.

В ноябре 2023 года Улицкая опровергла было обвинения в свой адрес в том, что она поддерживает ВСУ и содействует терроризму. Но, когда Вован и Лексус спросили, направляет ли Улицкая деньги от продаж книг, изданных в России, вооруженным силам Украины, она ответила, что все ее гонорары уходят на Украину, однако не раскрыла подробностей, как именно она это делает. Также Улицкая заявила, что с симпатией относится к президенту Украины Владимиру Зеленс-

кому. Понятно из сказанного, что Улицкая, еврейка по происхождению, в последние годы превратилась в открытого врага России и пособницу нацистской хунты на Украине.

Самодискредитация Улицкой в результате ее флирта с бандеровским режимом Зеленского — это лишь один эпизод из вековой серии под названием «Предательство русской либеральной интеллигенции», в которой «избранный народ», как правило, задает тон. Почему она всегда выступает на стороне врагов России и можно ли положить этому двурушничеству конец?

Конечно, избранный ныне метод обертывания крамольных книг иноагентов в серую бумагу кое-где срабатывает, отпугивая обывателя от финансирования иноагентов. Но это, признаем, детские шалости, если сравнить тот ущерб, который наносят мировому имиджу России эти господа.

В декабре прошлого года Росфинмониторинг признал писателя Бориса Акунина иноагентом в России, а 6 февраля Басманный суд Москвы заочно арестовал Акунина по делу о призывах к терроризму и распространении ложной информации о Российской армии. Акунин был также объявлен в международный розыск.

Почему это произошло? Как выясняется, 13 декабря 2023 года российские пранкеры Владимир Кузнецов (Вован) и Алексей Столяров (Лексус), под видом бывшего министра культуры Украины Александра Ткаченко, поговорили с Акуниным, который заявил, что «готов помочь Киеву». В этой беседе писатель назвал «совершенно понятным» лозунг: «Хороший русский — мертвый русский» и заявил, что это фраза его не обижает. «Ткаченко» также спросил Акунина, что тот думает об украинских атаках на Крымский мост, Белгородскую область и о беспилотниках в Москве. Писатель ответил, что у него «кровью сердце обливается», но он «абсолютно понимает, что иначе никак».

Борис Акунин (настоящее его имя Григорий Шалвович Чхартишвили, он также публиковался под литературными псевдонимами Анна Борисова и Анатолий Брусникин) известен своими злобными высказываниями и выпадами в адрес российского руководства. С 1998 года он пишет художественную прозу под псевдонимом Б. Акунин, а также занимается переводами с японского. Любопытно, что японское слово «акунин» переводится как «негодяй, злодей» исполинских масштабов. Подобных масштабов Акунин не достиг, но известность этому негодяю принесла серия детективных романов и повестей «Приключения Эраста Фандорина» и др. Акунин связан с Фондом Сороса. С 2014 года проживает в Лондоне.

После вынесения второго приговора Михаилу Ходорковскому и Платону Лебедеву в декабре 2010 года Акунин активно выступал в их защиту и с нападкамии на руководство России. В марте 2014 года вместе с рядом своих коллег из числа деятелей науки и культуры выразил свое несогласие с политикой российской власти в Крыму. А вот в июле 2019 года в интервью англоязычному изданию American Interest Акунин показал свое подлинное нутро, призвав «оставить Россию на растерзание» ее недругов.

18 декабря 2023 года стало известно, что Следственный комитет (СК) Российской Федерации возбудил уголовное дело в отношении писателя Бориса Акунина по статьям о «фейках» об армии (ст. 207, п. 3 УК РФ) и о публичном оправдании терроризма (ст. 205, п. 2 УК РФ). Также СК России заявил о намерении объявить его в розыск. Тогда же Росфинмониторинг включил Бориса Акунина в перечень террористов и экстремистов.

Аналогичный разговор у наших пранкеров был также и с проживающим за пределами России писателем Дмитрием Быковым. После этого издательство «АСТ», торговая сеть «Читай-город» и интернет-сервис «Литрес» заявили, что прекращают распространение книг Бориса Акунина и Дмитрия Быкова в связи с их общественно-политической позицией, а депутат Госдумы РФ Андрей Гурулев в эфире ток-шоу Владимира Соловьева назвал Акунина «врагом» и призвал его ликвидировать: «Его не должно быть на этом свете».

В последнее время российские власти предприняли ряд мер по ограничению заработков литераторов, объявленных иноагентами в России. Мера запоздалая и, судя по всему, половинчатая. Пора полностью отключить доступ этой публики к российской кормушке и провести чистку наших книжных магазинов и библиотек от произведений подобных господ.

Инакомыслящие уголовники

Спецслужбам Запада особенно выбирать не приходится — вербуют то, что есть. Как показывает практика, русофобствующие эмигранты легко переходят грань от политической деятельности, направленной против России, к террористической. В этом отношении весьма характерен пример экс-депутата Госдумы Ильи Пономарева (признан в РФ иноагентом). В феврале с.г. ФСБ возбудила против него уголовные дела, в том числе о госизмене. Пономарев какое-то время пользовался покровительством во власти, его крышевал экс-помощник президента РФ (с 26 марта 2004 г. до 7 мая

2008 г.) Владислав Сурков, которого в апреле 2022 года уволили и поместили под домашний арест по делу о хищениях на Донбассе с 2014 года.

Пономарев сумел сбежать из России как раз в 2014 году после того, как против него возбудили уголовное дело о расстрате. Некоторое время Пономарев жил в США, а затем переехал на Украину. Там он получил гражданство. После начала СВО был объявлен в розыск за фейки о Российской армии. Начав в эмиграции с антироссийской пропаганды, он докатился до того, что принимает участие в деятельности украинского военизированного объединения «Легион Свобода России», признанного Верховным судом Российской Федерации террористической организацией, и занялся его информационным сопровождением. По сообщению ФСБ России, члены данной организации, помимо ведения боевых действий против России на стороне Вооруженных сил Украины, вербуют через интернет-ресурсы российских граждан для совершения на территории нашей страны преступлений экстремистской и террористической направленности. Были собраны материалы, на основе которых возбуждены дела против Пономарева — о государственной измене в форме перехода на сторону противника. А также об участии в деятельности организации, признанной в России террористической.

«В апреле 2022 года Пономарев находился на территории завода «Азовсталь», где вел активную пропаганду среди командного состава полка «Азов» (признан в России террористической организацией. — Ред.) о необходимости отстаивать подразделениями Вооруженных сил Украины Мариуполя» — говорится в сообщении на сайте ФСБ России. И Пономарев далеко не единственный такой уголовник в рядах эмигрантов последнего времени.

Среди участников «съезда иноагентов» отметился недавно обосновавшийся в Берлине Марат Гельман, бывший заместитель генерального директора «Первого канала» (с июня 2002 г. по февраль 2004 г.), один из создателей Фонда эффективной политики и член Общественной палаты созыва 2010—2012 годов. С 2014 года живет в Черногории. То, что уши иностранных спецслужб торчат из всех подобных форумов, съездов и конгрессов беглых либералов — известно и понятно абсолютно всем. Уже поэтому они воспринимаются в России как враждебные и русофобские.

Судьбы России и будущее России куются в наши дни только в России, и наше государство особо бережно сохраняет ее суверенитет, памятуя о горькой участи СССР, разваленном на части западными «благодетелями» и их поделщиками из

пятой колонны Запада. Этот урок мы не забудем никогда и никогда не простим виновных в этой трагедии, принявшей масштабы геополитической катастрофы.

УМЕРЛА ТАК УМЕРЛА

В российских СМИ и особенно в соцсетях наблюдается поразительная толерантность по отношению к тем сбежавшим на Запад личностям, которых именуют «релокантами» и о которых следовало бы забыть раз и навсегда и не вспоминать. Речь идет, прежде всего, о тех, кто признан в РФ иноагентом, и в соответствии с существующим в РФ законом их публичное упоминание следует сопровождать соответствующим примечанием. Это правило соблюдается. Но упоминания не прекращаются. Причем со всеми подробностями.

Адвокаты релокантов

Вот нам вдруг сообщили: «...истощенную актрису Ренату Литвинову заподозрили в анорексии». Заподозрили ее не только в анорексии, но и в том, что она выступает в роли иноагента. Актриса эта в феврале 2022 года выступила против Специальной военной операции (СВО) и уехала из России. И скатертью дорога.

Практически ежедневно наши СМИ публикуют хронику передвижений по миру певицы Аллы Пугачевой и ее мужа Максима Галкина (иноагента). Создается впечатление, что в наших соцсетях орудует специальная команда, которая скрупулезно отслеживает все их перемещения из Израиля в другие страны и протестует всякий раз, когда Галкину где-нибудь показали от ворот поворот с его концертом, как в феврале с.г. в Индонезии. Галкин пытался въехать в эту страну по туристической визе. Ранее концерты этого шоумена были отменены в Таиланде и ОАЭ. Казалось бы, какое у нас в России дело до того, куда не пускают с гастролями гражданина Израиля Галкина?

Но вот почему-то решение Джакарты об отказе Галкину в визе решила прокомментировать посол РФ в Индонезии Людмила Воробьева, заявив, что отказали ему во въезде в эту страну «из-за его израильского гражданства или нарушений при оформлении визы». Она добавила в интервью ТАСС, что индонезийцы не общались с РФ по этому поводу.

Тогда возникает вопрос: с чего же вдруг посол РФ комментирует проблемы с визой у иноагента и гражданина Израиля г-на Галкина и почему МИД Индонезии обязан был консультироваться по его поводу с нашим посольством, а не с израильским?

«У любого человека, если он любит свою страну, — нет выбора. Он со своим народом, — говорит сын актера и барда Владимира Высоцкого и актрисы Людмилы Абрамовой Никита Высоцкий. — Если человек выбирает: я буду с другим народом, я космополит, буду жить в другой стране и рассказывать, какие вы свиньи, — это его выбор, он сам ошибается». Так Никита прокомментировал отъезд Пугачевой и Галкина в Израиль после начала СВО на Украине.

В Сети появился репортаж [Ros.sate.tv](https://ros.sate.tv) «о жизни и трудностях» уже и внука Пугачевой Никиты Преснякова после его отъезда из России. На сайте пафосно и явно с расчетом на симпатии читателей сообщается о его злоключениях за границей следующее: «Как известно, 2022 год ознаменовался массовым уходом звезд из России, вызванным противостоянием некоторых из них в отношении спецоперации на Украине. Решение многих звезд уехать из России стало частью большого общественного диалога. Некоторые решения были мотивированы политическими убеждениями, а другие — стремлением к новым возможностям и свободе выражения. Среди переехавших в другие страны выделяются легендарная певица Алла Пугачева и ее семья. Внук исполнительницы Никита Пресняков также принял решение покинуть родную страну и устроиться в США. Однако за пределами сцены его жизнь превратилась в настоящую драму. Никита Пресняков, внук Аллы Пугачевой, выбрал США в качестве своего нового дома. Недавно стало известно, что у Никиты Преснякова диагностировали неизлечимое заболевание, касающееся желчного пузыря».

Предполагается, очевидно, что российские читатели, прочтя это сообщение, прольют слезы сочувствия внуку *примадонны*. Но какое к нам имеет отношение гражданин США Пресняков?

Новости о *примадонне* ее поклонники черпают в основном из российских СМИ. Своими к ней симпатиями поделилась на страницах «Московского комсомольца» некая Любовь Аксенова, портниха и подруга Аллы Борисовны. А ранее Геннадий Хазанов, художественный руководитель московского Театра эстрады, объявил, что не станет убирать портрет Аллы

Пугачевой из фойе своего театра, так как для этого якобы «нет никаких оснований» и будет дожидаться ее возвращения в Россию. И вся эта полусветская хроника появляется на страницах российской печати едва ли не ежедневно. Вопрос только в том, почему в российской печати не перестают ностальгировать по певице, которая неоднократно публично отреклась от своей Родины? Как сказал Никита Михалков, комментируя отъезд Пугачевой в Израиль, «умерла, так умерла», и нечего более освещать ее передвижения по свету в российских СМИ.

Певец Юрий Лоза в интервью Aif.ru заявил, что самым страшным наказанием для покинувших Россию Максима Галкина и Аллы Пугачевой станет забвение. «Когда говорят — давайте их лишим чего-нибудь, накажем за отъезд, я всегда говорю: вы наказать можете единственным способом — перестать о них говорить. Вот вы сейчас раскручиваете Пугачеву, беря у меня интервью и спрашивая о ней. Всё, забыли, вычеркнули! Отряд не заметил потери бойца», — высказался Лоза. При этом артист в очередной раз напомнил, что «примадонна» уже давно не записывает новых песен и не выступает. Лоза назвал ее пенсионеркой и отметил, что россияне ничего не потеряли от эмиграции ее и Галкина. По словам певца, Галкину быстро нашли замену на телевидении, а по радио уже давно крутят песни современных исполнителей, не вспоминая о Пугачевой. «Что сделала эта парочка интересного, чтобы мы продолжали о них говорить? Они сейчас никто, ноль без палочки», — резюмировал Лоза.

Нас всё время «держат в курсе», комментируя приключения и злоключения беглых знаменитостей за границей. Вот недавно опубликовали подробный рассказ о том, как музыкант Андрей Макаревич (признан иноагентом) отобедал в одном из дорогих ресторанов в США, где ему не понравилось, как был приготовлен стейк. «Музыкант высказал претензии руководству, — комментирует это международное событие РИА Новости. — Певец отметил, что посетил ресторан в Сан-Диего в ходе своего американского гастрольного тура. Однако заказанный им стейк был приготовлен плохо. «Здесь приносят огромный кусок мяса, но, увы, передержанный», — пожаловался он. Свои претензии по поводу стейка Макаревич высказал одному из руководителей ресторана, чем вызвал «приступ искреннего горя». После чего к нему «пригнали шефа с кухни», который, «плакал, заламывая руки, просил прощения». В итоге исполнителю принесли в качестве извинения «какой-то немыслимый десерт».

Раскрывая душу пранкера

В своих блогах и на западных радиостанциях беглые релоканты всячески пытаются представить себя в роли неких радетелей России, озабоченных ее настоящим и даже будущим. Но стоит им вступить в диалог с врагами России, как эти господа начинают нести такую русофобщину, что вводят в шок даже профессиональных специалистов по этой части. На чем их и ловят.

В феврале с.г. известные пранкеры Вован (Владимир Кузнецов) и Лексус (Алексей Столяров) опубликовали в своем Telegram-канале розыгрыш над писателем Виктором Шендеровичем (признан иноагентом.). Он был убежден, что ведет беседу с главой офиса президента Украины Андреем Ермаком, и объявил, что не против направлять свои гонорары от выступлений на Украине на нужды ВСУ. Также Шендерович заявил, что считает законными военными целями для Украины президента России Владимира Путина, а также журналистов и активистов, поддерживающих СВО. В разговоре с пранкерами он оправдал убийства журналистки Дарьи Дугиной и военкора Владлена Татарского.

В беседе с пранкерами Шендерович выступил не только как откровенный враг России, но и как предатель еврейского народа. Он признался, что ради приезда на Украину готов выучить «правильный, максимально обтекаемый ответ» по поводу Степана Бандеры, Львовского погрома евреев и Бабьего Яра. Что касается ненавистной ему России, то он заявил пранкерам, что ее скоро «положат вниз лицом», а Украина вернет себе Крым и Донбасс.

Не оставил Шендерович без внимания и Аллу Пугачеву. Он предрек, что «она вполне может стать будущим президентом России». По его мнению, она и есть «олицетворение мира и единения миллионов россиян, какими когда-то были Владимир Высоцкий и Михаил Жванецкий».

Позывные Сиона

Одним из направлений миграции состоятельных граждан традиционно являлся Израиль. По разным оценкам, только с февраля по сентябрь 2022 года на Землю обетованную переехало 23—24 тыс. переселенцев из РФ, еще 13 тыс. россиян с еврейскими корнями получили визу на въезд, 20 тыс. ожидали одобрения консульства. И отметим, что именно после старта военных действий на Украине среди получивших гражданство Израиля или начавших репатриацию оказались

Алла Пугачева и Максим Галкин, Алишер Моргенштерн, юморист Слепаков и др.

Русофоб с большой дороги

Из-за опасения дальнейшей «утечки мозгов» российские власти рассматривали решение закрыть российское отделение самой мощной организации международного сионизма Еврейского агентства для Израиля («Сохнут»), активно вербующего репатриантов в России. Но потом почему-то передумали.

Опрошенные РБК эксперты убеждены, что в Москве не стремятся к его закрытию. 30 марта прошлого года Басманный районный суд Москвы в очередной раз отложил рассмотрение иска Московского управления Министерства юстиции о ликвидации российского отделения еврейского агентства «Сохнут». Это происходит не в первый раз, но впервые рассмотрение... «отложено на неопределенный срок».

Сионисты, и это подтверждает вся кутерьма вокруг «Сохнут», изо всех сил держатся за те точки влияния, которые помогают им оставаться и утверждаться в России. Особое место в этом занятии уделяется сионистской пропаганде.

Было бы неразумно не учитывать влияния таких сионистствующих провокаторов и подстрекателей, как Шендерович, Гозман, Фейгин и им подобных, не только на евреев в России, но и на неокрепшие умы нашей молодежи. Они действуют под непосредственным руководством пропагандистов ЦРУ из радиостанции «Свобода» (20 февраля 2024 года Минюст России внес «Свободу» в реестр «нежелательных организаций») и «Голоса Америки» ЮСИА (Информационное агентство США). Напрямую эти «радетели России» связаны также с центрами международного сионизма, как и подобные им подстрекатели из «Открытой России» беглого олигарха Михаила Ходорковского. Они ежедневно ведут подрывные передачи на русском языке. Руководители этих пропагандистских рупоров выполняют прямые указания администрации США и главарей НАТО, которые открыто заявляют, что ставят своей целью сменить руководство России и развалить ее по сценарию развала Советского Союза.

Под прицелом айтишники

В своей подрывной работе против России и других стран СНГ спецслужбы Запада особое внимание уделяют организации «утечки мозгов», прежде всего технической молодежи.

И их операции на этом направлении в последнее время оказались, увы, достаточно успешными. Российская ассоциация электронных коммуникаций сообщила о как минимум 70 тыс. IT-специалистов, покинувших Россию в конце февраля и в марте 2022 года, и прогнозировала, что еще 100 тыс. программистов уедут в апреле. К середине августа общее число выехавших было свыше 200 тыс. человек.

По оценкам русской службы ВВС, около 155 тыс. россиян получили временный вид на жительство в странах Европы, Турции и СНГ. Однако на Западе не торопятся принимать у себя российских релокантов — из 15 тыс. россиян, запросивших в 2022 году политическое убежище в ЕС, его получили только две тысячи. Тем не менее данные местных властей указывали, что гораздо больше россиян стали резидентами других стран.

Президент Грузии Саломе Зурабишвили сообщила, что за 2022 год из России в Грузию въехали более 700 тыс. россиян, из них остались 100 тыс., остальные 600 тыс. мигрировали в другие страны.

Министр экономики Армении Ваган Керобян сообщал, что в 2022 году в страну переехало 108—110 тыс. россиян. По словам министра труда и миграции Кыргызстана Кудайбергена Базарбаева, за первые десять месяцев 2022 года в страну въехали 760 тыс. россиян, из них 730 тыс. выехали в другие страны.

Больше 153 тыс. россиян получили вид на жительство в Турции в 2022 году. В Казахстане, по официальным данным, осело около шести тысяч россиян, но реальное число россиян, переехавших в страну, оценивалось на уровне 100 тысяч.

Вначале уезжали в основном люди обеспеченные или работающие в сфере IT дистанционно. Это были в основном специалисты в возрасте 25—34 года (согласно мартовскому опросу ОК Russians, таких было 49%); вторая по численности категория — 35—44 года (29%). Основная масса мигрантов обеспечена и образованна: среди населения России высшее образование имеют в среднем 27%, тогда как среди уехавших — 80%.

По разным подсчетам только за первый год после начала СВО Россию покинули от 500 тыс. до 1,3 млн. человек — это крупнейшая волна эмиграции из страны с момента распада СССР и крупнейшая операция западных спецслужб против России после Второй мировой войны. Среди стран, которые пользуются наибольшим спросом у наших релокантов, это Израиль, Турция, Португалия, Кипр, Грузия, Доминиканская Республика, ОАЭ, Франция, Кипр, Австралия, Герма-

ния, Испания, т.е. те страны, где сейчас айтишники особо востребованы.

Федеральная служба безопасности РФ сообщала о 3,8 млн. граждан, выезжавших из страны в первом квартале 2022 года. Патриотизмом в этой категории граждан РФ и не пахнет. Известно, что в статистических опросах проекта ОК Russian только 3% покинувших Россию заявляли о планах вернуться на родину. Власти же наши уверяли, что к началу 2023 года вернулись уже 60% всех уехавших. Хотелось бы верить.

Однако, по данным Росстата, только за первые шесть месяцев 2022 года миграционный отток составил 96,7 тыс. человек. Интенсивность выездного потока косвенно подтверждали и объемы запрошенных загранпаспортов: в первом квартале 2022 года было выдано 1,2 млн. новых проездных документов, что на 87% больше показателя 2021 года. Данные за 2023—2024 годы только подтверждают эту тенденцию. ФСБ России сообщала, что на 25 сентября прошлого года страну покинули более 260 тыс. мужчин. Объявление мобилизации 21 сентября спровоцировало новый отток граждан, преимущественно мужчин. По данным Forbes, за две недели после этого из страны уехали от 600 тыс. до одного миллиона человек.

Предположительно около половины уехавших в первые полгода войны заняты в IT-индустрии, подавляющее большинство говорят по-английски. За год уехало минимум 10% сотрудников российских IT-компаний. Ушедшие с российского рынка компании, такие как Cisco, SAP, Oracle, IBM, Nokia, Ericsson, предлагали своим сотрудникам релокацию (переезд). Кроме того, значительную часть мигрантов составляли менеджеры, люди творческих профессий, журналисты. Так, из страны уехала большая часть редакции телеканала «Дождь», выехала за рубеж и большая часть редакции «Новой газеты». Дурной пример, как известно, заразителен, и поэтому власти в РФ следовало бы озаботиться подобным исходом специалистов, формирующих общественное мнение в России.

Отток кадров, особенно в IT-сфере, был настолько заметен, что власти предпринимали неоднократные попытки сдерживать миграцию. Например, председатель правительства Михаил Мишустин обещал программистам льготную ипотеку и отсрочку от армии, а государственные компании и банки почти вдвое увеличили число открытых вакансий. Компании, выпускающие мобильные приложения, получили налоговые льготы и освобождение от проверок контрольными органами на три года. Но обещанные правительством льготы, увы, оказались непривлекательными и труднодоступными.

В сентябре 2023 года пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков заявил, что со временем россияне, живущие за границей, будут возвращаться, потому что «Россия неплохо себя чувствует на фоне западных санкций». Песков, однако, подчеркнул, что страна не готова принять тех, кто стал ее врагами, но их число, по его словам, не стоит преувеличивать.

Вопрос релокантов, понятно, нельзя измерять только в категориях трудовой или политической миграции. В современном мире, где научный и технический прогресс немислим без проекции национальных достижений на мировой прогресс в области науки и техники, иллюзия безобидности космополитизма особенно высока, и это надо учитывать, делать всё возможное, чтобы гражданин России впитывал патриотизм, образно говоря, с молоком матери.

К счастью, в нашей стране с этим дела обстоят достаточно благополучно. Согласно сообщению газеты «Ведомости» от 22 июня 2022 года, опрос фонда «Общественное мнение», в котором приняли участие 1500 человек из 53 регионов России, показал, что 85% россиян считают себя патриотами. Не считают себя патриотами 11% опрошенных. По мнению 52% опрошенных, патриотами можно назвать большинство россиян, 22% респондентов считают патриотами половину жителей страны, а 6% — всех россиян.

Конечно, столь мощный показатель патриотических настроений в стране — это мощный источник поддержки для руководства страны, который надо беречь как зеницу ока и которому ни в коем случае нельзя позволять иссякнуть.

Несмотря на все наши внутренние проблемы и активное противостояние Запада, которому пошли в услужение живые трупы из либеральной тусовки, Россия целеустремлена в будущее, и для того, чтобы наша страна добилась в нем достойного места, у нас есть все возможности и мощный потенциал патриотизма нашего народа. Целенаправленно и грамотно его использовать — это задача номер один на ближайшие десятилетия.

Ну а что касается тех, кто предпочел России убежище в прогнившем до дна западном болоте, то жалеть мы о них не будем. Как говорится, умерла, так умерла.

ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ РУСОФОБ

Дмитрий Быков (родился в 1967 году, по отцу Зильберт-руд), давно признанный в России иноагентом, в недалеком прошлом российский литератор, ныне проживающий в

США, не обладает харизмой, так как внешне настолько карикатурен, что никак не напоминает благоликий библейский персонаж. Тройной жирный подбородок, висячие жировые складки и слюнявые губы, глаза на выкате — говорят, как отметили бы психологи-физиономисты, о «порочной натуре, одолеваемой паталогическим сладострастием». Но это и ладно бы, с лица воду не пить. Но на его лице порок также отметился в каждой складке, как и в его буйном «творчестве».

Литературная слава Быкова — искусственно создана его коллегами-либералами, такими же бездарностями с претензией на лавры классиков, как и он сам.

Биография Быкова весьма любопытна. Поначалу он мало чем отличался от обычных советских людей. Учился. Работал. Отслужил положенный срок в армии. В 1987 г. даже вступил в КПСС. В 1991 году окончил факультет журналистики МГУ. Подавал надежды как репортер еще будучи студентом. На нем, однако, как и на многих интеллигентах той поры, наложилась свой иудин след горбачевская перестройка, время триумфа либерализма и западнизма в СССР.

В 1989—1992 г. Дмитрий Быков входил в поэтическое объединение «Орден куртуазных маньеристов», по сути дела, масонский орден, где по уставу значились такие титулы: Великий Магистр, Чёрный Гранд-Коннетабль Командор-Ордалиймейстер, Магический Флюид и т.д. У Быкова было высокое звание — «Коммандор». Соответственного качества была и литературная продукция членов этого объединения — завуалированная под символизм и заумь антисоветчина.

Давно замечено, что отморозки от литературы, не обладающие действительно творческим даром, приобретают известность своей способностью, как говорил американский поэт Лоуренс Ферлингетти, «смело творить безобразия». По этой части у Быкова действительно есть талант, куда более очевидный, чем литературный.

В 1995 г. вместе с журналистом Александром Никоновым он выпустил первоапрельское приложение к «Собеседнику» под названием «Мать», во всех материалах которого содержалась нецензурная лексика. 26 апреля того же года оба матерщинника были взяты под стражу, им было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 206 Уголовного кодекса РСФСР («Злостное хулиганство»). Ну, конечно же, вся либеральная рать тут же восстала, и хулиганов от литературы быстро освободили.

Быков — грязный тип. Он любит говорить о сексе на публике, раскрывая подробности своего многолетнего опыта по этой части и его последствиях. В свои 50 лет он женился в

третий раз на женщине, которая моложе его на 30 лет. Цитирую признание Быкова после его новой женитьбы: «Пробовал виагру. Хочется доказывать молодой жене, что я еще на что-то способен. Привет всем!»

Историю знакомства и отношений с молодой женой он описал в полупорнографическом рассказе «Отчуждающие». Повествование это, как отметили критики, конкурирует с «Лолитой» Набокова по степени откровенности и градусу интимных сцен».

Либерализм у его апологетов странным образом и почти всегда совпадает с показной сексуальной озабоченностью. Эта их особенность всегда была своего рода доминантой в скабрезном творчестве Быкова-Зильбертруда.

В 2006—2008 г. Быков как специалист по части Эроса возглавлял глянцевого журнал *Moulin Rouge*, названный по имени того самого кабаре в Париже, где «девочки танцуют голые».

В 2008 г. он выступил в качестве соавтора сценария скандального документального фильма Виталия Манского (в 2023 г. признан в РФ иноагентом) «Девственность», лишней раз подтвердив свою репутацию развратника и «любителя клубнички». Увы, именно такие секс-литераторы задавали тон в нашей литературе в 90-х годах, на которые и приходится выход Быкова в журналистику и литературу, да и позже тем же баловались.

Быков плодит, как ленточная глиста. В 1990-х гг. он печатался, по его собственным словам, «почти во всех московских еженедельниках и нескольких ежедневных газетах», в частности, в «Вечернем клубе», «Столице», «Общей газете», «Семи днях», «Новой газете», «Фасе», «Профиле». С 1993 г. Быков начал публиковаться в журнале «Огонек», рупоре «перестройки», а в 1997 г. стал его обозревателем.

В 2001 г. был издан первый роман Быкова «Оправдание». Позднее вышли романы «Орфография» (2003), «Эвакуатор» (2005), «ЖД» (2006), «Остромов, или Ученик чародея» (2010), «Икс» (2012), «Июнь» (2017). К большой литературе эти книжки, поставленные на русофобский литературный конвейер, не имели никакого отношения.

В 90-е годы главный редактор эмигрантского журнала «Континент» писатель Владимир Максимов говорил мне в Париже, что разного рода среднеспособные литераторы либерального толка задавали тон в обществе, а во время перестройки и вообще захватили власть почти во всех творческих союзах России. Быков, как раз и был из этой когорты. После развала СССР такие, как он, деятели либерального

разлива долго удерживали завоеванные ими позиции. До поры именно они доминировали в российских СМИ, оплеывая всё русское и высмеивая патриотов нашей Родины, что Быков успешно проделывал все последние годы своей жизни в России.

В августе 2011 г. Дмитрий Быков вместе Борисом Немцовым, Евгенией Чириковой, Виктором Шендеровичем (в 2021 г. признан в РФ иноагентом), Ольгой Романовой (в 2023 г. признана в РФ иноагентом) и др. принял участие в движении «Нах-нах: голосуй против всех», призывавшем к бойкоту декабрьских выборов в Госдуму VI созыва. Символом движения по предложению Быкова был выбран виртуальный персонаж — поросенок Нах-Нах. Ну, родство налицо...

Быков даже среди либералов отличается паталогической русофобией. 16 января 2012 г. в статье «Программа Путина», опубликованной в журнале «Профиль», Быков написал: «Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости, пичкая соответствующими зрелищами». По части зрелищ, унижающих русский народ, Быков постарался особенно.

В феврале 2011 г. на телеканале «Дождь» стала выходить еженедельная программа «Поэт и гражданин» в рамках которой актер Михаил Ефремов читал стихи Быкова «в жанре политической сатиры». Для «пятой колонны» этот проект стал настоящей находкой — была получена возможность легально и публично поносить Россию, русский народ и существующую власть. Напомню, что это было время резко возросшей активности «болотной оппозиции», которая всерьез готовилась к штурму Кремля и захвату власти. С марта 2011 г. проект под названием «Гражданин поэт» стал выходить в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (до 2012 г.) и онлайн (до 2013 г.), а с 2013 г. вновь в эфире «Дождя» (передача «Господин хороший»). Кроме того, участники проекта стали выступать с гастрольями и живыми концертами в различных городах России.

Быков дока по части разного рода похабных зрелищ. Но его бесит, что это его «творчество», как и его либеральные проповеди и разного рода «голые вечеринки», народ в России не воспринимает. И рано или поздно духовная несовместимость этого порнографа с Россией и русским народом должна была со всей очевидностью выплеснуться наружу, что и произошло, как только Быков открыто перешел в лагерь оголтелых врагов России.

Осенью 2021 г. Быков переехал в США по приглашению одного из местных университетов, где вроде бы стал читать

лекции. Осудил, как и полагается всем предателям, проведение Специальной военной операции на Украине и объявил, что не намерен возвращаться в Россию до изменения в ней политической системы, видимо, поняв, что в России он — чуждый элемент и навсегда останется таковым. Но вот, пожалуй, самое показательное — это демонстративный разрыв Быкова, который по сей день числится в Википедии как «русский писатель», — со всем русским. Вряде интервью он объявил, что не планирует более писать на русском языке и переходит на английский. Ну что ж, как говорится, дай Бог нашему теляти да дуб забодати...

К позорной репутации Быкова как литературного перебежчика и иноагента добавилась, еще до отъезда в США, и его известность в качестве русофоба и ненавистника России. В октябре 2023 г. в издательстве Freedom Letters, специализирующемся на издании книг российских авторов, объявленных в РФ иноагентами, Быков опубликовал на русском языке биографическую книгу «VZ. Портрет на фоне нации» об украинском президенте Владимире Зеленском. Он подобострастно охарактеризовал этого бандеровского дуче и военного преступника как «героя» и как «орудие судьбы, гораздо большее, чем просто человек». Комментарии, как говорится, излишни.

29 июля 2022 года Министерство юстиции России внесло, наконец, Быкова в реестр СМИ — «иностранных агентов», что он не замедлил подтвердить своим показным русофобством. В декабре 2022 г. в интервью журналисту Павлу Каныгину (в 2023 г. признан в РФ иноагентом) Быков, ничтоже сумняшеся, объявил, что «Россия сейчас занята геноцидом украинского народа» и всё население России будет платить за это «до седьмого колена». В том же сентябре он вместе с другим иноагентом Тamarой Эйдельман дал интервью признанному в РФ нежелательным изданию «Новая газета. Европа», в котором, в частности, заявил: «По большому счету, Россия сегодня фашизировалась. Россия заразилась фашизмом во время войны с ним, и это бывает... Обожествление Родины и государства — это абсолютно фашистский нарратив. И современная Россия в этом плане от своего кумира Геббельса не отличается уже абсолютно ничем».

Забыл, как видим, господин Быков-Зильбертруд, как и сионист Зеленский, о том, кто освободил их соплеменников во время войны с фашизмом от участи жертв в крематориях нацистских концлагерей. А вот Геббельс — кумир обожаемого Быковым господина Зеленского, который купил в Германии виллу Геббельса, не постояв за ценой.

С началом века Быков с головой ушел в политику и борьбу за власть, не раз выступал на митингах оппозиции, став кумиром либеральных сборищ на Болотной площади в Москве и на проспекте Академика Сахарова 24 декабря 2011 г. В январе 2012 г. Быков в компании с известными иноагентами стал одним из соучредителей Лиги избирателей вместе с журналистами Сергеем Пархоменко (в 2022 г. признан в РФ иноагентом), Леонидом Парфеновым, литератором Григорием Чхартишвили (Борисом Акуниным; в 2023 г. включен в реестр террористов и экстремистов Росфинмониторинга, в 2024 г. добавлен Минюстом РФ в реестр иноагентов), телеведущей Татьяной Лазаревой (в 2022 г. признана в РФ иноагентом) и др.

В октябре 2012 г. Дмитрий Быков был избран по общегражданскому списку в Координационный совет российской оппозиции (всего в его состав входили 45 человек. Совет прекратил свою деятельность в октябре 2013 г.).

24 апреля 2014 г. Быков принимал участие в конгрессе «Украина—Россия: диалог» (инициатор проведения — Михаил Ходорковский, в 2022 г. признанный в РФ иноагентом), участники которого заявили о поддержке «территориальной целостности Украины в ее конституционных границах» и ее «европейского выбора». 28 апреля в интервью радиостанции «Свобода» Быков заявил, что «не поддерживает аннексию Крыма».

В декабре 2016 г. Быков выступил в поддержку осужденного в России украинского националиста Олега Сенцова, посвятив ему стихотворение, опубликованное в «Новой газете» (в августе 2015 г. Сенцов был приговорен к 20 годам лишения свободы за совершенные им в 2014 г. теракты в Крыму).

10 февраля 2017 г. в своей передаче на «Эхо Москвы» Быков заявил, что «всё хорошее, что могло быть сделано в российской истории, не было сделано: все надежды, все иллюзии были крест-накрест перечеркнуты... Крымом...»

В январе 2018 г. Быков засветился в президентской избирательной кампании Ксении Собчак, прочитав лекцию: «Ксения Собчак как героиня русской литературы».

В феврале 2021 г. Быков опубликовал в журнале «Русский пионер» статью, в которой изложил собственную антропологическую теорию. По мнению Быкова, «разница между условными модернистами и условными архаистами — не политическая и даже не идеологическая, а антропологическая». По его словам, «существуют разные породы людей, как и разные породы собак <...>, человек выбирает Путина или

Навального не в силу воспитания или опыта, а в силу своей антропологии». Вот так, а не иначе!

29 июля 2022 г. Министерство юстиции РФ внесло Дмитрия Быкова в реестр СМИ — «иностранных агентов».

Русофобия стала фирменным знаком во всех творениях Быкова. В 2023 г. Быков совместно с Андреем Орловым (Орлушей) написал текст к видеоролику про полководца Александра Суворова в русофобской серии «Великие русские злодеи», подготовленной журналистом подрывного «Дождя» Михаилом Зыгарем (в 2022 г. признан в РФ иноагентом).

Русофобия стала у Быкова своего рода *idée fixe*, навязчивой идеей, что типично для людей близких к помешательству. Понятно, что такого рода диагнозы Быков не воспринимает на дух. «Нет психотерапевта, которого я считал бы умнее себя...», — сказал он. Но, как бы то ни было, диагноз ему поставлен. И не только медицинский с учетом всех его сексуальных и прочих отклонений, но — прежде всего политический. Быков — паталогический ненавистник русского народа, пособник злейших недругов России, в том числе укрофашистов. И от этого ему никогда не отмыться, как бы он ни прятал свой истинный облик под маской жизнелюба и либерального литератора.

НЕ СЛЫШАТ И НЕ ВИДЯТ...

1

Как известно, одним из механизмов безудержных потоков мигрантов, разъедающих наше государство, является право владельцев квартир permanently регистрировать в своих жилищах бесчисленное число мигрантов. Количество таких квартир по стране — несметное множество. Есть квартирки, в каждой из которых зарегистрированы сотни и тысячи мигрантов. Сами многонационалы, таким образом, легализуют своё положение здесь, плавно переходя в «тожероссиян», то есть — граждан России.

В своё время Калужская область, как и некоторые иные субъекты законодательной инициативы, выходили в ГД с предложением принять закон о норме «метража» жилого помещения для регистрации иностранных граждан (мигрантов). Разумная и адекватная мера предлагалась депутатами Законодательного Собрания по борьбе с незаконной миграцией. Законопроект, если бы его одобрили в ГД, внёс бы поправки в федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», а именно — иностранных граждан тогда бы ста-

РУССКИЙ ВОПРОС

ли регистрировать, как и должно следовать из соображений здравого смысла, только в соответствии с учетной нормой жилплощади на одного человека. Больше нескольких человек тогда бы зарегистрировать в одной квартире не получалось бы.

И что? Это разумное предложение в Государственной Думе отклонили вследствие отрицательного заключения Правового управления. Юристы нашли какие-то противоречия предлагаемого законопроекта Жилищному кодексу и ещё каким-то правовым актам. И это вместо того, чтобы даже при возможных имеющихся противоречиях в законодательстве предложить пути решения проблемы, внести предложения по дополнительным корректировкам законов и иных правовых актов. И подобных примеров в деятельности Госдумы, когда депутаты полагаются на сомнительные заключения правовиков, несметное количество.

Вот — очередной пример. Правовое управление Госдумы не поддержало законопроект о запрете аборт в частных клиниках. В конце декабря 2023 года Законодательное Собрание Нижегородской области внесло в Госдуму законопроект, предлагающий исключить медорганизации частной системы здравоохранения из числа организаций, имеющих право проводить искусственное прерывание беременности. Но юристы ГД считают, что законопроект о запрете абортов в частных клиниках не согласуется с некоторыми нормами федеральных законов. И определение правовиков, как мы видим, является для депутатов определяющим.

В правовом управлении, видите ли, напомнили, что сделать аборт можно в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования. А в реестре медорганизаций, предоставляющих услуги по медстраховке, оказывается, есть частные клиники. По закону они не имеют права отказывать в оказании услуг по программе обязательного медстрахования. «Учитывая изложенное, положение законопроекта не согласуется с указанными нормами федеральных законов», — говорится в заключении Правового управления.

Какая-то галиматья. Ведь речь о том и идёт в инициативе Нижегородской области, чтобы исключить частные клиники из этого «реестра медорганизаций». По закону частные клиники не имеют права отказывать в оказании услуг? Так запретите им оказывать именно эту «услугу» — искусственное прерывание беременности. Если кто из женщин обратится к ним, то пусть направляют их в государственные медучреждения. В чём проблемы-то? Вносите изменения в законы. На то она и Государственная Дума. Что или кто мешает?

В чём суть предложений. Одно дело — государственные медучреждения, которые чисто объективно не заинтересованы в лишних операциях по прерыванию беременности, а, значит, и не будут без существенных причин уговаривать женщин на аборт, а другое дело — частные учреждения, которые за аборт получают от «клиентов» деньги. Там-то в основном и подвигают женщин к убийству детей в утробе.

Ещё в 2018 году Счетной палатой РФ был зафиксирован рост младенческой смертности в регионах, в которых была запущена работа перинатальных центров в 2016—2017 годах. А ведь вся эта «перинатальность» — одна из ярких граней либеральщины и ювенальщины. И на общее снижение рождаемости влияет тесная связь между перинатальными центрами, т.н. центрами «планирования семьи», конечно — частными клиниками и подобными структурами, образующими единую систему в этой сфере. А в ещё более развёрнутом виде речь должна идти и вообще о гинекологах и «прогрессивных» медицинских работников, а также всевозможных «психологах». «Продвинутые» специалисты в большей степени специализируются на отговорах семей и женщин от рождения детей (в т.ч. посредством абортов), находя «квалифицированные» тому «медицинские» обоснования. Да ещё за плату.

А по вопросам законодательного регулирования и государственного управления — сколько таких клерков, как правовики в Госдуме, находятся в аппарате Государственной Думы, Совета Федерации, правительства и администрации президента, да и в судебных и правоохранительных структурах! Именно они, лишённые внутреннего стержня и осмысления национальных интересов государства, считаются какими-то «экспертами» и «специалистами» в той или иной сфере, готовят депутатам и руководителям подразделений всякого рода заключения, проекты решений, дают свои «квалифицированные» пояснения, извращающие суть проблем. А депутаты и руководители государственных органов, также подверженные «колебаниям умов, ни в чем не твердых», при принятии решений руководствуются подобными антигосударственными суждениями и заключениями.

В случае по законодательству о запрете абортов речь должна идти, конечно, в первую очередь не о «клерках», а об абортном лобби, представители которого в качестве депутатов находятся и в Госдуме. И всякие правовики и иные специалисты в структурах власти являются послушными их пособниками, образуя с ними единую сеть. В целом же — замкнутый круг, который возможно разорвать только контррефор-

мой государственной службы. Но пока наблюдается обратный процесс сугубого и тотального насаждения именно таких клерков на все этажи и уровни государственной и муниципальной службы.

И что же получается? Хвост (правовики) виляет собакой? Именно они определяют дальнейшие пути развития (деградации) государства? В данном случае юристы парламента России озабочены не национальными интересами, не сакральными основами духовности и морали, а «дебетом-кредитом» законодательства, сводят свою работу исключительно к «соответствует-несоответствует». Кстати, это самое «соответствие-несоответствие» тоже носит тенденциозный характер, всегда можно сделать акцент на одних нормах, а другие — то ли проигнорировать, то ли придать им второстепенное звучание.

Именно из-за такого подхода в юриспруденции в народе давно говорят: «Закон — что дышло, куда повернёшь, туда и вышло».

2

Идеологические и практические диверсии в сфере госнацполитики и безудержных миграционных потоков, несмотря на критическое состояние в стране дел в данных вопросах, не утихают и множатся. И что примечательно — всё это создаётся усилиями органов государственной власти России.

На официальном сайте Вологодской области «висит» сообщение — «Дом народов Вологодской области будет открыт в регионе в этом году. Такое поручение дал врио Губернатора Вологодской области Георгий Филимонов на заседании Консультативного Совета по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Участие в нем приняли представители различных этнокультурных объединений».

«Народы Вологодской области» — как вам такое?! «Многонационального народа» России мало, нужно в регионах ещё создавать свои народы.

В Вологодской области ни с кем не сравнимо подавляющее число русских, но, видимо, именно это и настраивает власти области усиливать тенденции мультикультурализма и формирования антирусского интернационала. Татарского, казачьего, сибирского, уральского, алтайского сепаратизма, выходит, в масштабе страны маловато будет. Перешли уже на уровень чисто русских регионов, реально и в практической плоскости создают народы областей!

«Вологодская область — место силы русского мира, общий дом для представителей более чем 100 национальностей. Дом народов Вологодской области станет единой площад-

кой для консолидации этнокультурных объединений», — от- метил врио Губернатора Вологодской области. Звучит пафосно и велеречиво, только ведёт к диаметрально противоположному заявленному Филимоновым результату — к общей дестабилизации и подавлению и растворению русской скрепы. Или этого не понимает врио губернатора? Да уже давно невозможно этого не понимать! А потому возникает вопрос — в чьих интересах действуют власти области?

Пишут, что организация («Дом народов») сама войдёт в список других общественных союзов под общим знаменателем Ассамблеи народов в 35-м регионе. Ага, значит, национальные диаспоры, разедающие наше общество, политкорректно нынче называть «общественными союзами».

«Ассамблея народов Вологодской области», да ещё под регистрационным номером региона! А почему бы не создавать «ассамблеи народов», скажем, в малых городах и деревеньках области? А почему бы не созывать «ассамблеи народов» в ТСЖ многоквартирных домов?

Дальше — больше. «Почин» Вологодской области будет распространён на иные регионы. Впрочем, как мы понимаем, почин-то федеральный или, скажем так, московский. Вологодская область и её врио губернатора являются просто ещё одним рычагом реализации зловредной федеральной госнацполитики.

Представители «Домов народов» из разных регионов страны соберутся в Вологде. В регионе состоится форум «Россия — Дом народов». Об этом делегация региона договорилась на Всероссийском одноименном форуме в Москве, который собрал более 600 человек из разных регионов страны, а также около 30 представителей зарубежных стран. Вологодскую область в столице, оказывается, представляли члены региональной «Ассамблеи народов России» и сотрудники регионального правительства. Так, в Вологду в ноябре этого года приедут представители «Домов народов» разных регионов России для участия в Северо-Западном межнациональном форуме по профилактике идеологии экстремизма в молодежной среде.

«Профилактика экстремизма»? Не от такой ли «профилактики» лихорадит Россию? Не от такой ли «профилактики» убивают русских? Сколько ещё нужно преступлений, сколько убийств русских, чтобы во власти соизволили понастоящему заниматься межнациональными и пресечением мигрантских потоков?! Людей убивают, грабят, избивают и насилуют, уже заставляют жителей уезжать с нажитых мест, но мерзопакостная госнацполитика, являющаяся причиной тому, — продолжается и прогрессирует.

Всевозможные «дома народов», «дома толерантности», общественные советы по межнациональным вопросам на федеральном уровне, в областях и краях России, прикрываясь тезисом о дружбе народов, озабочены поддержкой и развитием национальных общин и диаспор, способствуя формированию мультинациональной русофобской среды. А в «советах» и «ассамблеях» из русских обычно присутствуют только либералы и правозащитники с русскими фамилиями, возможно — кто-то из казачества, остальные — все сплошь авторитетные представители национальных диаспор и общин. А чем занимаются диаспоры? Крышуют преступления своих соплеменников и приумножают коррупцию в стране. Но «дома народов» и всякие «ассамблеи» создают иллюзию дружжелюбности и умиротворённости масс мигрантов, множат «многонационалов» и «тожероссиян», размывают русскую скрепу государства, настраивают на беспечность и «толерантность» самих русских.

Нужны «Центры русской культуры», а не «дома меньшинств». По всей видимости, странные слова, явно вложенные в уста актёра Владимира Машкова, недавнего сопредседателя избирательного штаба В.В. Путина, про этнокультурные центры и фестивали национальных культур без упоминания главенствующей роли русского народа и русской культуры — сказаны не просто так, обязательно последует продолжение.

Можно не сомневаться, что федеральные чиновники, отвечающие за госнацполитику (да и региональные чиновники тоже), как это было всегда, отталкиваясь от самого термина «национальная культура», будут подразумевать поддержку культуры каких угодно, но только не главной — русской культуры. Более того, подозреваю, что с подачи либералов во власти и были вложены в уста нашего известного актёра и режиссёра указанные суждения о «развитии национальных культур».

Так всё и происходит: фестивали, «ассамблеи народов Вологодской области», «дома народов»...

Для иллюстрации: в этом году в Челябинске областную Масленицу организует «Дом дружбы народов Челябинской области». И исконно-русское название «Широкая Масленица» назвали «Межнациональной широкой Масленицей». И это не челябинское изобретение. Продвижение данного проекта идёт давно и целенаправленно. Большой грант на это получен ещё в 2018 году в Свердловской области.

Не слышать, не видеть и не понимать этого невозможно.

БЕЗ ВЕРЫ, БЕЗ ЦЕЛИ, БЕЗ НАДЕЖДЫ

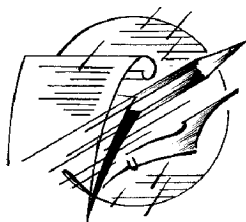
Папа римский Франциск производит впечатление человека внутренне противоречивого, но перед собой честного. По поводу украинского кризиса (как и по другим вопросам) он выступал с различными заявлениями. Некоторые из них не нравятся одной стороне, некоторые — другой.

С папой и соглашались, и не соглашались и мы, и американцы, и европейцы. Но в любом случае все демонстрировали уважение и к его сану первосвященника Римско-католической церкви, и к статусу главы государства Ватикан.

Недавно он выступил со спасительным для Украины предложением Киеву — поднять белый флаг и, пока от Украины что-то ещё уцелело, попытаться это что-то сохранить. Фактически папа без экивоков артикулировал то, на что давно намекает так называемая партия мира на Западе, предложив Украине обменять территории на сохранение режима и прозападного курса.

Ранее с аналогичными, причём хорошо проработанными предложениями к Зеленскому обращался Эрдоган.

От турецкого посредничества Зеленский отказался, в очередной раз заявив,

ЭКСПЕРТЫ

что начнёт рассматривать возможность прекращения огня лишь после того, как российские войска полностью покинут территорию Украины по состоянию на 1991 год. На предложения папы официальный Киев и его СМИ и вовсе разразились водопадом грубости и пошлости.

Папа римский Франциск опять попал в немилость украинской власти. Конкретно Зеленского возмутили «виртуальные» мирные инициативы понтифика.

Вынесем за скобки тот факт, что Зеленский оказал России существенную помощь, избавив её от необходимости искать повод уйти от переговоров, если бы Украина согласилась на турецкое предложение. В данном случае нас интересует откровенная ругань в адрес папы, раздавшаяся из Киева.

Если бы этим страдали только украинские СМИ и политики из окружения Зеленского, можно было бы понять. Они никогда ни во что не верили и никого ни во что не ставили, кроме тех, кто мог дать им деньги или по морде. Но папу ругают во всех слоях украинского общества, в том числе греко-католики, признающие религиозное верховенство и авторитет Святого престола.

В эпоху Возрождения и позже, вплоть до начала Нового времени, авторитет папы, хоть и изрядно пошатнувшийся по сравнению с классическим Средневековьем, был достаточно высок. Папское отлучение коронованной особы, сопровождающееся введением интердикта в соответствующих владениях, уже не вызывало немедленного бунта против провинившегося, но всё ещё было действенным моральным оружием, серьёзно влияющим на общую внутреннюю обстановку в соответствующем государстве и его международный авторитет.

По крайней мере так было в католических странах. Также от папы зависели браки (из-за их частой близкородственности) и разводы католических монархов. От папы зависело удовлетворение мелких честолюбий — он уже не посылал королевские короны, но по умолчанию он короновал императоров вплоть до начала XIX века — даже в коронации Бонапарта, которого провозгласила императором конституция Франции, папа принимал участие, легализуя тем самым новообретённый титул.

Постоянного дипломатического представителя папы римского Франциска на Украине Висвальдаса Кульбокаса вызвали в министерство иностранных дел страны из-за слов понтифика о том, что Киеву необходимо пойти на переговоры с Москвой. Об этом сообщили 11 марта в МИД Украины

Но даже в XIX—XX веках, когда папы утратили остатки своей светской власти и ослабели настолько, что даже итальянский король осмелился вести с ними войну и отобрать у

них Рим с последним остатком Папской области, их продолжали уважать как верховных представителей миллиарда католиков. Даже не признававший христианства и угнетавший христиан Гитлер подписал с папой конкордат (соглашение о разграничении прерогатив светской и духовной власти на подконтрольных Германии территориях, населённых католиками).

Франциск, равно как и его предшественники Бенедикт XVI и Иоанн-Павел II, является авторитетным папой, грамотным администратором и опытным политиком. Его вес в международных отношениях значительно выше, чем размеры государства Ватикан. Давно потеряв возможность давить на оппонентов военной силой или церковными репрессиями, папы вынужденно стали опытнейшими дипломатами, а Ватикан превратился в не менее важный центр международных отношений, чем Женева, Вена или Брюссель.

В общем, даже если слова или действия Ватикана вам не нравятся (а нет таких стран, каким бы нравилось всё, что говорит и делает Ватикан), к ним следует, как минимум, относиться серьёзно и внимательно изучить (в том числе и если вы хотите Ватикану в чём-то противодействовать).

С Украиной, однако, особый случай. Там на папу ополчились подчинённые ему униаты и неоднократно заявлявшие о своём горячем желании слиться с униатами в трогательном единстве самосвяты из ПЦУ. Последние, кстати, подчинены Варфоломею Константинопольскому, склонному к признанию Флорентийской унии, также определяющей папу как единственного главу всех христиан.

Здесь схема простая: если вы верите в Бога и принадлежите хоть к УГКЦ, хоть к ПЦУ, то вы безоговорочно признаёте авторитет папы и не можете его критиковать всуе. Если у вас есть сомнения в каноничности его заявлений, вы можете настаивать на созыве Собора, который должен будет разобрать чисто церковные вопросы. Если же вы расходитесь с ним по вопросам политическим, то вы, безусловно, имеете право (и даже обязаны) сохранять лояльность собственному государству, но не можете выступать против главы церкви, к которой принадлежите (или стремитесь принадлежать).

Украинцы могли просто проигнорировать заявление папы или даже заявить, что оно им не подходит с точки зрения понимания ими государственных интересов. Но они стали требовать от папы покаяния и высказывать сомнение в его компетентности в чисто догматической сфере (учитывая крайне низкий уровень как общего, так и религиозного, особенно католического, образования на Украине, — уже смешно). Тем самым они выступили не только против папы, но и против

всей католической церкви, то есть, учитывая католическую доктрину, против Бога, которому якобы молятся.

Если бы с подобными инвективами выступила УПЦ, это было бы понятно: православные и католики считают друг друга схизматиками. Но когда с такими заявлениями выступают униаты и их коллеги из ПЦУ — это свидетельствует уже не об отсутствии ума или такта (хоть и об этом тоже), но об отсутствии веры как таковой, о лицемерии, о бизнесе на религии, о том, что в Средние века называлось симонией (не только в смысле покупки церковных должностей, но в широком смысле коммерции на религии).

То есть, на Украине мы имеем дело не с церквями, а с коммерческими организациями по продаже Бога людям и по сбору с людей «донатов» «на Бога». Но ведь если верить самим украинцам, именно эти церкви в наиболее полной мере являются «национальными украинскими», отражают национальный характер.

Отсюда простой вывод — вся борьба украинцев «за независимость» на деле есть борьба не за идею (пусть и ошибочную), а за право коммерции на идее. И это действительно национальный характер. Не удивительно, что за исключением единичных подвижников на Украине после путча моментально исчезла влиятельная компартия (хоть большая часть её лидеров продолжает процветать), не удивительно, что Янукович ещё не успел покинуть Украину, а свою лояльность путчистам уже засвидетельствовали Добкин, Вилкул, Кивалов и другие его бывшие соратники. Об идеях забыли, как только они потеряли капитализацию.

Думаете, там нацисты другие? Точно такие же. Они же стесняются того, что они нацисты и постоянно рассказывают, что «нацизма на Украине нет», а символика, флаги, марши, песни и татуировки — «невинный троллинг» «глупых москалей». Не представляю себе Гитлера, который бы всем доказывал, что никакой он не нацист, а демократ и что очень любит евреев, цыган, славян и прочих — прям редчайший интернационалист.

А украинские нацисты в промежутке между нацистскими кричалками никогда не забывают упомянуть о своей приверженности «демократическим общечеловеческим ценностям». Потому что это модно и капитализируется, а нацистам Запад сочувствует, но открыто помогать не может, даже вынужден публично осуждать.

Идейные нацисты с этим Западом бы боролись (как боролся Гитлер), украинские, хоть и пытаются у себя костюмированный рейх создать, Западу служат с удовольствием, но за деньги.

Некоторые говорят, что украинские нацисты хотят за счёт глупого Запада усилиться, придя к власти, и потом этот же Запад раздавить. Но это не так — они хотят на Западе жить и тратить деньги. У них нет цели побеждать Запад, как нет у них и цели создавать тысячелетний всемирный рейх. Просто они ничего больше не могут продать Западу, кроме своего нацизма. Так что и цель у них такая же, как и идея — максимальная капитализация.

Капитализация идеи, капитализация цели, но ради чего? Может у них есть надежда на какое-то светлое будущее?

Посмотрите на Зеленского, сравните его внешность эпохи президентства и эпохи клоунства и поймёте, что никакой надежды у них нет. Надежда у Зеленского была, когда он клоуном работал. Тогда дела шли хорошо, и он надеялся ещё немного поработать и потом остаток жизни отдыхать на каких-нибудь тёплых островах или где-нибудь в тихом живописном уголке Европы. Сейчас же он занят только продлением своей никчемной (никому уже не нужной) жизни, с помощью продления агонии режима, ценой сотен тысяч жизней украинцев (тех самых, что «не нацисты» и «глубоко верующие люди»).

Что, разве Сырский, отправляя на фронт последние боеспособные резервы не знает, что через месяц-другой он просто лишится обученных, имеющих боевой опыт соединений и остатков техники и боеприпасов, а те, кого за это время нахватают ТЦК, может быть, и смогут «героически умереть» (хоть логичнее сдаться в плен), но воевать точно не смогут? Всё он прекрасно знает и понимает. Но перед ним поставили задачу продержаться как можно дольше, чтобы Запад успел разобраться внутри себя с «параличом мозга НАТО», преодолеть раздражающую ЕС политическую шизофрению и как-то помочь.

Сырский знает, что если его армия начнёт отступать, то очень скоро она побежит и её уже не остановишь. Единственный способ держать фронт — без жалости жечь резервы, бросая под русские бомбы всё новые и новые соединения, пока мобилизованные не кончатся.

У него нет надежды. Как военный он должен понимать, что у Запада практически нет шанса успеть создать для России серьёзную угрозу раньше, чем Украина окончательно сломается. Но его послушный профессионализм оплачивается. Ему не нужна надежда, пока капитализируется послушание.

Без веры, без надежды, без идеи, без цели, без будущего — можно ли так выжить не то что нации — человеку? Исторический опыт свидетельствует, что нет. Но у украинцев и тут есть свой оригинальный ответ: они не выживают, они умирают, но им важно, что чем дольше они умирают, тем хуже России.

Они уже поняли, что их эксперимент не удался — страна не выживет ни при каких обстоятельствах, украинства не будет: оно разъехало по Европам и сгнуло на фронте, остатки вымрут в ближайшие полвека. Но, погибая, они мечтают, что, добывая их, Россия надорвётся и сама умрёт, отравленная небратским трупным ядом. А если не умрёт, то хоть немного заболит.

И это — «пусть сгорит всё хозяйство, лишь бы у соседа корова сдохла» — тоже национальный характер. Поэтому всех, кого можно, необходимо возвращать в русскость. Из украинцев ничего путного не выйдет. Они даже в Бога верят лишь постольку, поскольку считают, что Иисус Христос был галичанином.

ПОБЕДУ НАДО УСКОРИТЬ

Постоянно встречаю в социальных сетях, а также в телевизионных шоу и экспертных оценках наивные заявления вроде того, что раз у Запада нет ракет и снарядов для Украины, то все его потуги собраться на войну с Россией не более чем блеф и на это вообще не надо обращать внимания.

Наиболее агрессивные советуют даже предупредить Запад о готовности нанести, а совсем уж впавшие в байденовское состояние даже требуют нанести по какому-нибудь западному городу превентивный ядерный удар. Чтобы боялись.

В каком мире живут эти люди?

У Украины давно нет ни собственных снарядов, ни техники, ни денег. И люди заканчиваются. И западная помощь не поступает уже полгода, а то и дольше. Но Киев воюет. Хоть украинский фронт, потрепав, начал подаваться назад и сейчас, даже когда мы считаем наше наступление несколько забуксовавшим, ВС РФ всё равно каждую неделю берут на разных участках фронта одно-два села и каждый день продвигаются вперёд, тем не менее окончательный стратегически прорыв и развал фронта пока так и не наступил. Наступит, но не наступил.

Так это одна Украина, раздираемая внутренними противоречиями, потерявшая за два года наиболее подготовленные соединения, практически исчерпавшая мобилизационный потенциал, управляемая коррупционным режимом, давно и надёжно уничтожающим регулярную государственность как таковую. Европа, при всех своих проблемах, не только выглядит, но и чувствует себя куда благополучнее Украины.

Если Запад говорит, что у него чего-то нет, значит нет для Украины, но не значит — нет в принципе. Никто никогда не

выскребают до конца «закрома родины». Совокупный потенциал европейских армий НАТО — это всё ещё около тысячи танков, свыше десяти тысяч БТР и БМП, примерно такое же количество боевых бронированных машин других классов, включая бронированные внедорожники различного назначения. Это всё ещё сотни артиллерийских стволов и не меньшее количество РСЗО. Это больше тысячи боевых самолётов и такое же количество вертолётов. Это более полумиллиона солдат, уже находящихся под ружьём, и способность быстро мобилизовать не менее двух миллионов.

Не знаю, сколько у них на складах осталось снарядов (и сколько они успели произвести, восполняя переданное Украине), но думаю, что до миллиона снарядов только калибра 155 мм они найдут. Всего же, включая ракеты различных типов, планирующие бомбы и т.д., они найдут гораздо больше.

Да, на сегодня Запад не готов отправить в бой больше двухсот тысяч человек, с соответствующим количеством техники. И подготовка большей части этих частей и соединений оставляет желать лучшего. Хоть можно найти немалое количество и таких постоянно воюющих соединений, как французский Иностраннный легион.

Тем не менее появление на фронте даже двухсот тысяч западных солдат серьёзно повлияет на общий баланс сил, существенно затормозит наше наступление, а значит позволит Западу выиграть дополнительное время для подготовки новых контингентов и расширения своего участия в конфликте. Кроме того, непосредственное вовлечение хотя бы нескольких стран НАТО в конфликт поднимет подувавший боевой дух ВСУ и несколько облегчит Зеленскому и компании мобилизационные мероприятия. В том числе воюющая Европа вполне может запустить механизм призыва на фронт сбежавших от войны украинцев, которых там немало — миллиона полтора-два пригодных для службы мужчин наловить можно.

Не надо обманываться — военный потенциал у ЕС достаточно большой. Они не успевают его привести в божеский вид для того, чтобы сразу получить на фронте серьёзное преимущество. Но они имеют возможность выиграть не менее года для постепенного восстановления боеспособности своих армий.

Даже если Запад резко прекратит поставки, то ВСУ сразу же не останутся голыми. У них есть определенные запасы техники и боеприпасов, которых хватит минимум на два-три месяца. Ключевую роль в данном случае играет пространство.

Имеющихся в наличии сил ВС РФ, которые Москва способна сконцентрировать на западном направлении, достаточно, чтобы нанести поражение любой группировке, которую способен выставить против нас Запад. Но их совершенно недостаточно для уверенного контроля над территорией всей враждебной нам Европы. Россия может занять и уверенно контролировать территории Украины и Прибалтики, а также нанести поражение западным армиям на территориях Польши и Румынии. Но вот уже для уверенного контроля территорий последних, не говоря о дальнейшем продвижении, войск не хватит.

Полный разгром европейских сил, с установлением уверенного контроля над территорией европейского сегмента НАТО потребует дополнительно мобилизовать не менее 3–5 миллионов человек. Это не то же самое, что 300 тысяч, набранных в сентябре—октябре 2022 года. Думаю, что консолидировавшееся вокруг идеи защиты отечества общество такую мобилизацию переживёт, но переживёт ли экономика одномоментное изъятие из неё такого количества квалифицированных рабочих рук?

При этом заменить мобилизацию добровольцами и наймом иностранцев не получится. Такое количество добровольцев в такие короткие сроки найти физически невозможно (даже если бы они и были, что вряд ли).

Таким образом, европейцы рассчитывают на то, что России после года или двух победного движения на Запад придётся остановиться и договариваться, так как будет исчерпан ресурс дальнейшего продвижения. В таком случае Запад положит на стол переговоров свою готовность продолжать войну, несмотря на поражения и потребует уступок в обмен на согласие заключить мир.

Обратите внимание, что невозможность для российской армии двигаться на Одер и Рейн и нереальность оккупации Скандинавии и Балкан, оставляет в руках у Запада достаточный человеческий и промышленный ресурс, чтобы постепенно наращивать свои силы на фронте. Если же мы решимся на мобилизацию, чтобы одним ударом добить врага в его логове, в ЕС всерьёз надеются на то, что США их не бросит перед лицом такой опасности, а также на то, что российская экономика не выдержит одномоментного оттока рабочих рук, экономический же кризис повлечёт за собой кризис доверия к власти, что опять-таки принудит Москву согласиться на компромиссный мир.

Основная проблема Запада не в стратегии противостояния. Она та же, что выбрана на Украине и меняться не будет.

Основная его проблема заключается в том, что страны, выбранные в качестве поля боя (кроме всегда и на всё согласной Прибалтики) не жаждут превратиться во вторую Украину в интересах США, Франции и Великобритании. Поэтому значительно осторожнее в своих высказываниях стали польские и румынские политики. Но вот скандинавы, особенно уверенные в своей неуязвимости за «натовским озером» шведы, проявляют более чем серьёзную агрессивность.

Пока что Запад не может преодолеть противоречия между теми (тыловыми) странами, которые собираются состричь с данной стратегии бонусы и теми (фронтовыми), которые должны будут заплатить за это разрушением своих городов в ходе боевых действий на их территории. Но европейцы и американцы над этим вопросом работают.

На Украине гибнут военнослужащие НАТО, которые попадают туда под видом наемников. Гробы идут пачками. Российская армия уничтожает немало западной техники. Поэтому Запад так зашевелился. Он уже не знает, как себя повести.

Более того, постоянные призывы к населению готовиться к войне с Россией, звучащие по всей Европе (кроме разве что Венгрии и Словакии), наращивание военных бюджетов, увеличение численности армий, которые уже запланированы, планомерно идущее у наших границ развёртывание западных ударных группировок, постепенно подводят государства и общества Европы к такому состоянию, когда немислимая ещё вчера война с Россией, завтра окажется не только возможной, но и желательной. Пропаганда и не такие задачи решала.

Поэтому необходимо не потешаться над «беспомощными блефующими европейцами», которых мы «одной левой положим», а трезво оценивать потенциал врага и возможную выгодную для него стратегию, которая может быть к нам применена. У нас есть достаточно существенные контрмеры: от разъяснения народам приграничных стран, что Вашингтон, Лондон и Париж собирается пожертвовать их благополучием и даже жизнями ради попытки свести вничью проигранную ими России битву за Европу, до активной игры на противоречиях как между разными странами НАТО и ЕС, так и внутри этих обществ.

Их механизмы принятия решений, предполагающие наличие полного единогласия, позволяют блокировать особенно опасные для нас инициативы руками самих же европейцев. При этом надо иметь в виду, что даже качественная комплексная политико-дипломатическая контригра не обязательно приведёт нас к успеху. Те европейские и американс-

кие политические круги, которые развязали против нас войну, как Зеленский, сдаваться не собираются и попытаются передать нас в борьбе за их союзников.

Поэтому из гарантированно надёжных у нас есть один вариант — разгромить и занять Украину раньше, чем европейцы успеют вступить в войну официально. Тогда не за кого будет воевать и, хоть напряжённость на границе сохранится, а мир в ближайшие годы не будет заключён, не будет и большой европейской войны. То есть Россия обеспечит контроль над необходимой ей сферой безопасности и сможет более-менее спокойно ждать, когда Запад созреет до признания этого де-факто, а затем и де-юре.

Второй вариант хуже, так как стопроцентной гарантии не даёт, но всё же, если в случае попытки отправки западных войск на Украину они немедленно окажутся перед лицом катастрофы, а уровень потерь людей и техники приведёт западные общества в шоковое состояние, то, опять-таки, учитывая западную систему принятия решений, высок шанс на то, что продолжать Запад не захочет и быстро свернёт военную активность, вновь вернувшись в формат политико-дипломатического противостояния.

Что же касается ядерного оружия, то его применение (любое, даже самое щадящее) будет означать, что иные аргументы у сторон закончились. Надо просто понимать, что после первого же ядерного взрыва отыграть назад будет уже очень сложно, практически невозможно. Ведь тот, кто первым нанесёт ядерный удар поставит себя в положение глобального изгоя — ему никто никогда не забудет попытку поставить мир на карту из-за своих амбиций. Поэтому нанесшему первый ядерный удар понадобится такой запредельный уровень победы, который позволит окупить методы, применённые для её достижения.

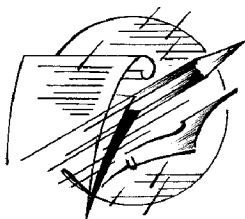
Если бы противостояли две ядерные державы, можно было бы предположить, что кто-то один сломается и уступит (хоть это вряд ли), но таких держав в мире уже десяток. Так что ответ всё равно будет, а дальнейшую эскалацию сдержать гораздо сложнее, чем не начинать.

Поэтому Кремль и относится к западным демонстративным военным приготовлениям со всей серьёзностью. Поэтому на всех уровнях и звучат предупреждения. Потому на Украине и используется всё более мощное оружие, что победу надо ускорить, чтобы не оставить врагу пространства для дальнейшего манёвра.

НЕКОМПЛИМЕНТАРНЫЙ НАРОД

Некогда историк Лев Гумилев ввел понятие, которым сегодня широко пользуются как ученые историки, так и публицисты: комплиментарность/некомплиментарность. Потому что под этим словом скрывается реальное явление, многократно фиксируемое хронистами всех эпох. Оно расшифровывается как способность/неспособность разных народов мирно и бесконфликтно уживаться друг с другом на протяжении всего исторического пути. А это зависит от отношения народов друг к другу: доброжелательного, уважительно-приятного, равноправного — или нет.

Почему я поднимаю здесь этот вопрос? Потому что все исполнители теракта 22 марта в «Крокус Сити Холл» и абсолютное большинство связанных с ними лиц — таджики по национальности. Нравится это кому-то или нет, но перед нами факт, который невозможно отрицать и глупо, и даже преступно не учитывать. Ведь террористы мотивировались явно не религией. Они вели себя не как шахиды, не выкрикивали никаких исламистских лозунгов, не кричали извечное «Аллах акбар!» Даже если их

ЭКСПЕРТЫ

вербовали исламисты, даже если игиловцы, они явно нажимали на другие кнопки, не задействуя фактора исламского радикализма. А ведь надо было найти людей, для которых убить полторы сотни русских, которые ничего плохого им не сделали, просто так, ни за что, вернее, за то, что они русские, — это пустяк, не особо сложное дело. Даже за относительно небольшие деньги. И таких людей нашли. Как на подбор — исключительно среди таджиков. Спрашивается: почему ставку делали именно на таджиков? Это надо хорошо понимать, и я постараюсь разъяснить.

Важно также отметить в этой связи, что до начала планирования террористы не были знакомы, они жили в разных местах, а это значит, что кураторы давно «положили глаз» на них, произвели оценку и отбор. А это можно было сделать только в самой России, причем по горизонтальным связям внутри таджикской диаспоры, никак иначе. Участников для подобных серьезных мероприятий не берут первых попавшихся с улицы, их фильтруют, на них собирают характеристики, рекомендации. Надо было тщательно перебрать десятки кандидатов на роль исполнителей, причем в разных регионах страны — от Краснодара до Ярославля.

В СМИ пишут, что вербовка шла через телеграм-канал, организованный афганским крылом ИГИЛ «Виляят Хорасан», но только через Интернет этого не сделать, нужны личные контакты, без участия диаспоры такое невозможно. А это, в свою очередь, совершенно определенно говорит о том, что хотя «доводка» исполнителей производилась ответственными кураторами в Стамбуле, но основные организаторы, отбиравшие и проверявшие кадры, жили и, скорее всего, живут в России. Отметим этот факт.

Так что прежде, чем рассуждать далее, надо спросить себя: а комплиментарен ли по отношению к русским таджикский народ? Как он к нам относится? Любит ли, уважает ли, хочет ли дружить с нами на равных? Не похоже.

Что мы видим сегодня на государственном уровне? В целом Таджикистан, хоть и является членом ОДКБ, но осуществляет нелояльную по отношению к нам политику. Известно, что Запад ведет с Россией необъявленную прокси-войну. И в этих условиях МИД Таджикистана открыто угрожает тем своим гражданам, которые вздумают заключить контракт с ВС РФ. Больше того: летом 2022 года (СВО уже в разгаре) наш так называемый союзник проводит военные учения вместе с Америкой. А в июне 2023 года провел учения «Снежный барс» вместе с США, Нидерландами и Румынией, нашими непосредственными противниками. Как в Грузии и на Украине, в Таджикистане созданы и работают американские биолобрато-

рии, что представляет для нас определенную опасность. А если в ООН идет голосование по каким-то важным для Москвы вопросам, Душанбе непременно воздерживается, нас не поддерживает. Наконец, вот вопиющий факт: когда наша Генпрокуратура и Следственный комитет решили провести ряд проверок мигрантов-гастарбайтеров на предмет выявления нелегалов и других нарушителей закона, таджикский МИД направил возмущенную ноту нашему правительству типа «Руки прочь от наших соплеменников!» и пригрозил направить в Москву комиссию по проверке наших силовых структур, не нарушают ли они права таджикских мигрантов. Каково?!

Перейдем с государственного уровня на уровень этнополитики. Заглянем в недавнее прошлое. По последней советской переписи населения численность представителей российских этносов в Таджикской ССР к 1989 г. достигла 490 тыс. человек, а этнические русские составляли 3,7% населения республики. Но в первой половине 1990-х годов из Таджикистана началось повальное бегство русских в Российскую Федерацию. Через 20 лет, согласно переписи 2010 года, там их осталось менее 35 тысяч человек, то есть примерно 7% от бывшей численности, а 93% — бежали отсюда. Сейчас, еще через 15 лет, и это количество уменьшилось. Бегство (бежали все, кто мог) было вызвано чудовищными преследованиями и беспределом со стороны таджиков. В 1997—1999 гг. я занимал должность замдиректора по науке Института стран СНГ. Через мой кабинет проходили десятки беженцев из Таджикистана, многие руководители беженских и переселенческих организаций. Волосы дыбом стояли от их рассказов по горячим (очень горячим!) следам о том, что таджики творили с русскими. И творили вполне осознанно, руководствуясь определенными идеями. Которые на митингах «исламско-демократической оппозиции» звучивала, к примеру, поэтесса Гурлухсор Сафиева, сокрушавшаяся о «поруганной северными варварами прекрасной темноглазой родине». Она же называла Великую Отечественную войну «русской мясорубкой, куда загнали таджиков», и предрекала, что «час расплаты наступил, и пусть кровь смоем русскую грязь». На основании всего услышанного от живых свидетелей я сделал тогда вывод: таджики — не дружественный, не комплиментарный русским народ. Самый подходящий для вербовки боевиков.

Сегодня Таджикистан переполнен молодежью, большинство которой родилось уже после распада СССР: почти 70% населения составляют люди до 35 лет от роду. Они массово едут в Россию (по некоторым оценкам, у нас оказалась примерно треть населения Таджикистана) в поисках заработка

и чтобы увернуться от гнета сурового режима Эмомали Рахмона. С какими чувствами они оседают на русской земле? Вот несколько только самых свежих примеров.

Информация от 25 марта с.г. «На Урале завершился судебный процесс по делу об убийстве школьника. Гражданина Таджикистана обвиняют в том, что он зарезал мальчика возле ТЦ в апреле 2023 года. В зале суда — обвиняемые вели себя агрессивно... На скамье подсудимых — 20-летний нелегальный мигрант Шахром Миров, 18-летние близнецы Заир и Таир Джалиловы, а также 33-летние Нажмиддин Имомов, Абдулвахоб Сабуров и Ислом Ахмадов... «Они реально чувствуют себя героями, поскольку имеют значительную моральную поддержку в среде своих единомышленников», — высказался Кабанов (председатель Национального антикоррупционного комитета), объясняя «показательную» улыбку одного из убийц. Позже, один из подсудимых громко заявил: «Зарезал пацана, перережем и всю Россию».

«Продавец мясного отдела на рынке в Новосибирске, который находится в центре города, написала заявление в полицию на таджика Далерджона Ачилова. Женщина просит правоохранителей проверить его по линии экстремизма и ни в коем случае не давать мигранту российское гражданство, на которое он уже подал документы. Сибирячка несколько лет терпела радикальные высказывания своего коллеги-мясника, но последней каплей стало его эмоциональное пожелание смерти ее сыну и всем русским бойцам, находящимся в зоне СВО». Этот таджик не раз открыто высказывал свою ненависть к русским, о чем достаточно материалов в Интернете.

А вот что 28 марта отметил Первый русский канал «Царьград»: «В мигрантских чатах, пабликах и комментариях под видео из «Крокус Сити Холла» — нескрываемое ликование людей с таджикскими никами, пишущих с характерными грамматическими ошибками...

Музыкальный исполнитель и этнический таджик Руслан Алиев, песни которого звучат в чайханах и кальянных всей страны, по-своему поучаствовал в траурных мероприятиях после теракта. На канале в YouTube он начал лайкать нацистские комментарии и мнения соотечественников, одобряющих бойню в «Крокус Сити Холле»...

В Башкирии арестован еще один по фамилии Абсалямов. Он в нецензурной форме заявил, что в его республике траура нет, а Москву вообще следует взорвать. Теперь еще долго Абсалямов не будет записывать стримы: ему грозит семь лет тюрьмы за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности».

В Петербурге задержали молодого мигранта таджика, который под новостью о теракте написал, что жертвы «неверующие и их можно стрелять». При задержании пытался оправдаться тем, что это-де была шутка. В настоящее время решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Очень ярким высказыванием отметился самый молодой участник банды, напавшей на «Крокус-Сити-Холл», — 19-летний уроженец Душанбе Мухаммадсобир Файзов. Он какое-то время работал в Иваново парикмахером, но вскоре уволился. «Уходя, он бросил фразу, что не хочет работать на русских и ему проще со своими», — сообщил его бывший работодатель. Спрашивается, зачем же ты приехал в Россию, если не хочешь работать на русских? Ответ на этот вопрос Файзов дал с автоматом в руках.

Перед нами в этих срезках предстает главное: массовое отношение таджиков к России и русским. Интересно, что не русские выражают ненависть к приезжим, которые ведут себя как оккупанты на чужой земле, а сами мигранты, таджики и другие, транслируют ненависть к русским, не стесняясь. Как будто мы им что-то должны, а они тут на нашей земле и за наш счет свободно самоутверждаются. Яркий пример некомплементарного народа, жить с которым в обнимку у нас не получится.

От подобного отношения — один шаг до прямого предательства и враждебной деятельности против нас, примеров тому много. Вот только пара последних эпизодов. Глава пресс-службы судов Петербурга Дарья Лебедева сообщает в своем Telegram-канале: «Суд привлек к административной ответственности гражданина Таджикистана Ахмада Файзулохонзоду по ч.3 ст.18.8 КоАП РФ (нарушение миграционного законодательства). Файзулохонзода состоит в группе в ТГ, где эмиссарами террористической организации ИГИЛ проводится вербовка лиц для совершения терактов в РФ. Лица, совершившие теракт в «Крокус Сити Холле» 22.03.2024, были завербованы в этом же Интернет-сообществе». После того, как выяснилась его причастность к экстремистскому чату, по нему вынесли постановление о выдворении из страны. И еще: «29-летний уроженец Таджикистана Кахрамон Мерганов был задержан в Москве по подозрению в связях с незалежной разведкой... В ходе досмотра в телефоне Мерганова были обнаружены переписки с гражданами «незалежной» и Таджикистана антироссийского характера».

Какой вывод из всего сказанного? Кто бы ни стоял за терактом в «Крокус-Сити», сам теракт стал возможен только благодаря одному фактору: национальной вражде, национальной ненависти, которую многие таджики питают к

русскому народу. Эту ненависть и вражду не надо разжигать, и я — упаси Боже! — этим не занимаюсь. Они и так горят ярким пламенем, и я только констатирую этот факт. Но этот факт нужно знать, понимать, учитывать и делать правильные выводы, если мы не хотим жить в собственной стране с оглядкой и видеть в каждом встречном азиате потенциального убийцу и насильника с ножом за пазухой.

Теракт только проявил, сделал очевидным то, что держалось до поры под спудом: истинное отношение массы таджиков к нам, русским. То, что национальность, якобы, не имеет тут значения, — это ложь и позиция страуса.

Здесь приходится поставить вопрос о том, что такое диаспора. Это этническая общность, проживающая вне страны своего происхождения более или менее компактно, практикующая взаимовыручку и этнический фаворитизм, стремящаяся создать для своих участников среду, привычную в этнографическом отношении, в том числе языковую, культурную и религиозную. Наличие в России диаспор заставляет ставить вопрос: где грань предельно допустимой концентрации (ПДК) в отношении мигрантов? Когда надо начинать бить тревогу по поводу их чрезмерной численности и плотности? Критерий есть, он ясен и понятен: тогда, когда возникают анклавные зоны их компактного расселения, когда они организуют свои кишлаки в наших селях и микрорайонах. Вот признак того, что дело зашло слишком далеко и пора «прореживать грядки».

Главная причина — в том, что роль диаспор в развитии этнической преступности очевидна. И пример данного теракта тому подтверждение. «Людей в схеме могли быть десятки: особенно если учесть, что, по предварительным данным, подбিরали террористов по отдельности, к каждому может тянуться своя цепочка посредников», — отметил в беседе с «Царьградом» полковник ФСБ в запасе Геннадий Забелин. И канал справедливо резюмировал: «Так и работает диаспора».

Давайте обратимся к фактам. Все преступники оказались гражданами Таджикистана. Все относятся к одной категории лиц: мигранты, гастарбайтеры. Зарегистрированы в Новосибирской, Ярославской, Ивановской и Самарской областях, имеют на руках российские паспорта (напомню, что между Россией и Таджикистаном все еще действует договор о признании двойного гражданства). Ключевая фигура — Шамсидин Фаридуни, распределявший задания, оружие, деньги, державший связь с неким «проповедником», курировавшим теракт. Он был зарегистрирован в Подмоскovie (Красногорск) и работал на паркетной фабрике в Подольске. Пытался подтянуть в Москву родственников из родных мест,

обещая нетрудную работу (мы уже знаем, какую) за приличное вознаграждение, но те не повелись.

Террористы жили и готовились к теракту не в безвоздушном пространстве, они опирались на представителей диаспоры, которых следствие уже вычислило и привлекло к дознанию. Так, Алишер Касимов сдал преступникам квартиру. А семья таджиков Исломовых, давно проживающая в Твери, обеспечила боевиков машиной марки «Рено», на которой они прибыли к месту преступления и потом пытались скрыться. СК утверждает также, что они вступили в террористическую группу в январе и марте этого года, снабжали боевиков информацией и оплатили им тренировку в турецком лагере для террористов. Отец Исроил Исломов гражданин Таджикистана. Его сын Диловар, 24 лет, продал Фаридуни отцовскую машину, а другой сын Аминчон, 33 лет, передал ему 45 тысяч рублей для поездки в Турцию, где боевиков готовили в «лагере для убийств».

Еще один член таджикской диаспоры, предположительно Назримад Лутфулло, причастный к теракту, участвовал в схеме финансирования террористов. Как сообщили 28 марта в Следственном комитете России, он передал Шамсидину Фаридуни банковскую карту, на которой были деньги для подготовки атаки на «Крокус».

Перед нами наглядный пример того, каков образ деятельности диаспоры; они все связаны взаимовыручкой и всесторонней поддержкой: один оплатил «командировку» на инструктаж в Турцию, другой обеспечил машину, третий — квартиру, четвертый помог с электронным кошельком и т.д. По неофициальной информации каждый террорист мог иметь свою цепочку посредников, подбираемых по отдельности, общей численностью до 25 пособников. Очень характерно: на заседания суда от диаспоры являются целые семейные кланы, держатся сплоченно, солидарно, переживают за своих, за преступников, отнюдь не за невинных жертв чудовищного расстрела.

Отдельно хочу обратить внимание на то, что мигранты из Средней Азии не только активно закупаются оружием в соответствии с российскими законами, не препятствующими этому, но и являются завсегдатаями клубов ММА (это современные смешанные единоборства). Именно в один из таких клубов любил заглядывать самый молодой из террористов, Мухаммадсобир Файзов, тот самый, что не пожелал «работать на русских». А по признанию соседа по дому, в одном из залов ММА регулярно занимался другой террорист, Далерджон Мирзоев. Эти клубы давно стали «точками сбора» азиатских диаспор, где тренируются, возможно, будущие боевики, проходит физическую подготовку наша внутренен-

няя «армия джихада». Гипотетическая, пока. И это тоже — характерная черта образа жизни диаспор.

Кстати, о Мирзоеве. Его родной брат Равшанджон, как теперь выяснилось, состоял в ИГИЛ и воевал в Сирии, в Таджикистане он в розыске, а семья под наблюдением. Красочная деталь. А вот еще: стало известно о том, что Шамсидин Фаридуни, несмотря на молодость, у себя на родине был судим за сексуальные домогательства и провел несколько лет в тюрьме. Нужны ли нам подобные новые граждане, коих может оказаться немало? Но ведь кто-то же выдал им российское гражданство!

Похоже, что привлеченными к следствию в Москве таджиками дело не ограничится, поскольку в самом Таджикистане под контролем президента Эмомали Рахмона начато следствие, и девять жителей пригорода Душанбе уже задержаны за связь с исполнителями теракта в «Крокус Сити Холле», сообщило 29 марта РИА Новости. Эти же люди подозреваются в контактах с ИГИЛ, о чем рассказали представители спецслужб Таджикистана, в оперативных мероприятиях которых принимали участие также и российские силовики, находящиеся в Душанбе.

Как далеко зайдет следствие, предсказать не берусь, но ясно одно. Таджикская диаспора, вся, должна стать объектом самого пристального внимания наших силовых структур, всех без исключения, ей следует посвятить отдельную концептуальную разработку, чтобы целенаправленно работать над ее проверкой и зачисткой от нежелательного элемента.

Возвращаясь к вопросу о том, кто и почему устроил теракт в Крокус-Сити-Холле, я хочу предложить читателю задуматься над еще одним вариантом. Конечно, за этим терактом могут стоять исламисты-экстремисты любого сорта, вплоть до воюющих на Украине чеченцев-антикадыровцев, или игиловцев, или представителей диаспор, решивших наказать «слуг шайтана», живущих не по шариату. Но есть и вероятность, что это месть за начавшиеся сравнительно недавно чистки среди мигрантов. И предупреждение, сигнал Бастрыкину и Краснову, своего рода давление на СК и прокуратуру, чтобы эти чистки прекратить. Мол, руки прочь от диаспор, а не то мы вам еще и не такое устроим!

Да, такая цель тоже могла быть среди прочих у тех, кто замутил теракт. Не вижу в том ничего невероятного. И в этом случае нам нужно готовиться к возможному продолжению и быть сугубо бдительными. Контроль силовиков над диаспорами обязан стать тотальным. Кошмар Крокус-Сити-Холла не должен повториться.

РАСКОЛОТЫЙ НАДВОЕ

140 лет назад — 20 января 1884 года (1 февраля по новому стилю) — в Лебедяни родился русский («тамбовский, чего русее») писатель Евгений Замятин.

В конце 1931-го он отпрашивается у Сталина за границу — чтобы подлечиться (а здоровья он всю жизнь действительно был неважного), а главное — чтобы «писать и печататься», поскольку на Родине оказался отлучён от литературной деятельности, что для него было смерти подобно.

Он думал, уезжает на время, а получилось — навсегда. 10 марта 1937 года «запечатанное сердце» Замятина не выдержало тоски и ожидания и перестало биться. Похоронен писатель в пригороде Парижа на «кладбище для бедных»...

Далёкое близкое

В середине 90-х годов прошлого века я работала в районной газете «Знамя Октября» в селе Доброе, ныне центре муниципального округа. Народ там и впрямь добрый, отзывчивый. И обратную связь с подписчи-

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

ками налаживать не было нужды: в редакцию часто приходили, писали, звонили. После одной беседы по телефону человек на том конце провода представился: Сергей Михайлович Замятин.

Спрашивая: «Не из тех ли Замятиных?..», я и не подозревала, что он ответит: «Из тех...» Это было неожиданно, ведь все более или менее примечательные люди в районе были на слуху, а тут вдруг Замятин (ну не «тот», конечно, но хотя бы «из тех») — и тишина.

Да и жил Сергей Михайлович в такой «отъявленной» глупинке, что слабо верилось в его родство с писателем мирового уровня, пусть и не слишком привечаемого в России долгие годы, но к тому времени уже признаваемого.

Перед поездкой в гости к Сергею Михайловичу в село Лебязье Больше-Хомулецкого сельсовета я разведала обстановку у коллег. Да, подтвердили они, Замятин «из тех». Да, знали. Ну а что Замятин... Не Горький же, а ведь и Горький жил, работал в одном из сёл нынешней Липецкой области. И уж тем более не Пушкин, не Лермонтов, предки которых связаны с нашими краями. И не Толстой, доехавший до станции Астапово тогда Рязанской губернии и завершивший там свой земной путь.

Да и в судьбе Сергея Замятина обнаружились какие-то шероховатости (это у фронтовика-то, с двумя «Отвагами» на груди!). Ну и не стали вдаваться в подробности. Ну и забыли. А зря. Человек он оказался очень интересный, позднее я написала о нём и его предках несколько очерков и благодарна судьбе за это знакомство.

Сергей Замятин приходился писателю двоюродным племянником. Родство своё они вели от священнослужителя Дмитрия Максимовича Замятина, у которого в 1853 году родился сын Иван, будущий отец писателя Евгения Замятина, а через 14 лет у Ивана появился брат, Андрей Замятин.

Оба они стали священниками. Старший, Иван, жил в Лебедяни, служил настоятелем Покровского храма. У него в браке с Марией Александровной, в девичестве Платоновой, родилось двое детей: сын Евгений и дочь Александра.

А младший брат Ивана Андрей Замятин после окончания Тамбовской духовной семинарии был назначен священником в храм Василия Великого в селе Лебязьем, ныне Добровского округа. У них с женой Анной Никаноровной (в девичестве Чижовой) родилось 13 (!) детей. Обе супруги братьев были дочками и внучками священников.

Сыновья Андрея Замятина тоже продолжили семейную традицию, двое из них были репрессированы и погибли. Ещё

один сын, Михаил Замятин, пошёл по мирской линии. Женится, у них с супругой родилось двое детей — Сергей Михайлович и Валентина Михайловна, всю жизнь прожившая с братом и помогавшая ставить на ноги четверых его детей: Сергей Замятин рано овдовел и мачеху в семью не привёл.

Ко времени нашего знакомства с Сергеем Михайловичем дети его уже выросли и разлетелись, он одиноко хозяйничал в доме, который достался ему от отца, а тому — от деда. Дом был старинный, исконно замятинский, и хранил немало вещей, писем и фотографий, насчитывающих по веку и больше.

Только благодаря бережному отношению к дому и трогательной привязанности Сергея Михайловича к отчому гнезду оно не было разорено. Кроме уникальных снимков, в том числе портрета двух братьев Ивана и Андрея Замятиных в священническом облачении, в доме сохранились раритетные книги, документы, предметы церковной и домашней утвари. Ещё служила верой и правдой мебель, смастерённая старшими Замятиными: оба брата увлекались столярным делом и своими руками изготавливали нужные в доме вещи.

В первый же мой приезд Сергей Михайлович показал мне буфеты, комод, зеркало, которые он считал своим бесценным наследством и планировал подарить музею Замятина в Лебедяни, когда дом писателя там будет отреставрирован и в нём откроется музей.

На маленьком буфете значилась и дата его изготовления — 1892 год. «Это год рождения моего дедушки, Михаила Андреевича», — поясняет сегодня Нина Замятина, дочь Сергея Михайловича.

Двоюродная внучатая племянница писателя, она проделала большую работу в поисках архивных материалов о родословной Замятиных и на их основе издала книгу «Род Замятиных и Липецкий край» с целым рядом уникальных документов.

Кстати, благодаря тому, что многие Замятины были священниками, в церковных книгах остались записи о крещениях, венчаниях, отпеваниях в их семьях. Поэтому Нине удалось восстановить свою родословную аж до седьмого колена.

Её усилиями после смерти отца мебель была отреставрирована и перемещена в Липецкий областной краеведческий музей, а потом обрела пристанище в Доме-музее Георгия Плеханова в Липецке, в экспозиции «Дворянская усадьба».

Ну а рассказов, воспоминаний родных хватило бы ей не на одну книгу. Писал об истории семьи и Сергей Михайло-

вич Замятин, остались две рукописи. Даже у меня набралось столько записей, снимков, публикаций, книг, впечатлений от участия в мероприятиях, посвящённых Замятину, что в один очерк не вместить.

Не имея цели глубоко вдаваться в биографию, тем более в творчество писателя — в интернете и о его судьбе, и о его произведениях есть масса информации, — я всё же решила в день его 140-летнего юбилея рассказать немного о тех Замятиных, которых никто не знает. Но которые, не являясь ни учёными, ни исследователями, а будучи «всего лишь» родственниками, делали и делают всё, что в их скромных силах, чтобы писателя не забывали, чтобы читали его и знали, откуда есть-пошёл его род.

Когда-то Замятин сказал: «*Мои дети — мои книги. Других у меня нет*». И то, что его творчество пусть медленно, но приживается на родной почве, это всё равно как дети его обрета-ли бы родную землю под ногами.

Не знаю, насколько Замятин предвидел свою мировую и российскую славу, судьбу своего главного детища — романа «Мы», но наверняка и подумать не мог, что люди, которые отстоят от него на несколько поколений, будут так дорожить родством с ним. И если это не кровные узы, то что? «Неизлечимая душа», передающаяся по наследству?

И сегодня уже правнучатый племянник, молодой парень Миша Замятин дотошно вникает в сложный, недописанный роман своего именитого предка «Бич Божий». Значит, это ему зачем-то нужно? И всё далёкое не так уж и далеко, а очень даже близко, и сто лет вовсе не вечность, если в них «укладываются» всего несколько поколений...

Единственный свидетель

Это чувство «далёкого близкого» остро ощущалось мною ещё при одном знакомстве, произошедшем на рубеже тысячелетий. В 2000-м году мы с Сергеем Михайловичем приехали в Тамбов на международные Замятинские чтения, которые ежегодно проводятся на базе тамошнего университета под руководством профессора Ларисы Поляковой.

Людей, заинтересованных творчеством Замятина, собирается там уйма. Это учёные филологи и не только, преподаватели, аспиранты, студенты из разных городов России и зарубежья — Германии, США, Польши, Швейцарии, Японии.

Доклады читались в тот год преинтереснейшие, участников не сосчитать. А между ними ходил неприметный такой, худенький, очень скромный старичок Сергей Владимирович

Волков — родной племянник Евгения Замятина, младший сын его любимой сестры Александры, единственный свидетель того времени, когда его дядя, мама и даже бабушка были ещё живы.

С сестрой писатель был очень близок, чувствовал с ней духовную связь, «идейные запросы». Но замужества её не одобрял, поскольку супруг Александры, преподаватель Лебедевской мужской гимназии Владимир Волков, как скажет писатель в частном письме, «не из нашего теста».

Видимо, ему казалось, что четверо детей Волковых были из того же теста, что и отец, поэтому племянников, по воспоминаниям Сергея Владимировича, Евгений Иванович Замятин не жаловал.

А уж с дядей Серёже приходилось видаться не раз и не два. Жили Волковы в просторном доме по соседству с замятинским, и все, конечно, тесно общались. Правда, Сергей Владимирович родился в 1916-м, когда умер его дедушка, отец Замятина. Но в доме жили бабушка и её сестра, приезжал дядя.

Чуть благосклоннее Евгений Иванович относился к старшему из трёх братьев Волковых — Жене. Писатель был воспреемником при крещении мальчика, названного в его честь. И впоследствии участвовал в его судьбе. «*Второй мой брат, Саша*, — с юмором рассказывал Сергей Волков, — *годился разве что для посылок за сигаретами. А на меня он вообще внимания не обращал*». Четвёртой была девочка Ксения, родившаяся в 1924-м, и писатель отзывался о ней с симпатией.

Тепло общалась с ребятами жена Замятина Людмила Николаевна. Особенно выделяла она как раз младшего сына Александры, Серёжу. Сергей Владимирович даже слышал от родных, что она хотела усыновить его: своих детей Замятиным Бог не дал.

Серёжа же с детства понимал, что дядя человек особенный, любил наблюдать, как он работает в саду, за одноногим столом под сливой. Мальчишка забирался на дерево и смотрел с высоты, как дядя пишет.

А однажды мама сказала, что дядя потерял мундштук, и нужно поискать его в саду на земле. Серёжа был шустрым, смекалистым — и вскоре мундштук нашёл, отдав его вышедшему в сад Замятину. Тот особой благодарности не выразил, а Серёжа в это время продолжал шарить по траве, что-то искать. Мать не выдержала и спросила:

— Что ты опять ищешь?

— 20 копеек, — ответил он с дальним прицелом. — Чтобы в кино пойти...

И ведь сработало! Дядя «заметил» племянника, оценил его находчивость и, посмеявшись, вручил ему 20 копеек.

Приезд Замятина был для его родных праздником. И хотя он сам был не особенно весёлым, разговорчивым человеком, однако безоговорочная любовь между родными не нуждалась в каких-то внешних проявлениях и забавах. Молчаливые, сдержанные люди, они старались поддерживать друг друга, помогать, но уважительно относились к личностной свободе каждого.

Запомнился Сергею Владимировичу и приезд художника Бориса Кустодиева в Лебедянь в 1926 году, которого Замятин пригласил отдохнуть и поработать в самый яблочный сезон — в августе.

А когда Сергей узнал, что Замятины уезжают за границу и приедут в Лебедянь попрощаться, он пешком шёл всю ночь из Липецка, где 15-летний паренёк уже работал, чтобы увидеться с ними в последний раз. Но оказалось, что Замятин всю ночь мучился от боли и переживаний и уснул только под утро. Будить его Людмила Николаевна не стала. Обнявшись с ней, Серёжа пошёл в обратный путь...

В его тамбовской квартире, где мне удалось побывать в 2000 году, он берёт всё, что связано с Замятиным — фотографии, книги, письма. Дорожил и отцовской библиотекой. Хранил мамины письма, которая долгие годы жила у него, а уезжая, писала ему тёплые, красивые письма. Кстати, Евгений Замятин тоже очень любил свою маму, они тоже доверительно переписывались...

В конце своего земного пути Сергей Владимирович передал в Лебедянский краеведческий музей много раритетов. Досталось и мне несколько фотографий, копии писем и открыток Замятина из Праги, Парижа. Умер племянник писателя Сергей Волков в 2007 году, на 91 году жизни.

А Сергей Замятин ушёл на год раньше, в 2006-м. От него у меня осталось уникальное издание Российской национальной библиотеки 1997 года «Рукописные памятники» в двух частях, где собрано рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина: письма жене и друзьям, коллегам, творческие заметки, наброски.

В последние годы жизни старички трогательно сдружились. Они ездили вдвоём на ярком «Запорожце» Сергея Михайловича по присутственным местам в Липецке и Лебедяни, добываясь реставрации дома Замятиных, который то начинали восстанавливать, то опять прекращали. Вели обширную переписку с чиновниками.

Сергей Волков рисовал планы дома, который он помнил до мельчайших деталей, равно как и всю его обстановку. Они мечтали о мемориальном музее, где была бы установлена

рукотворная замятинская мебель, о восстановлении всей усадьбы с садом и постройками. Но произошло несусветное: в 2006-м дом, в реставрацию которого уже были вложены немалые средства, исчез!

Его разрушили по каким-то причинам, затем построили на этом месте новодел. Но как же я горько рыдала над, можно сказать, пепелищем, когда в очередной раз оказалась в Лебедяни и пришла «проведать» дом. А его уже не было. Вскоре не стало и моих друзей — Сергея Замятина и Сергея Волкова.

Да вроде бы ничего страшного. Кто не знает истории дома, верит, что он замятинский, XIX века, построенный ещё его дедом по материнской — платоновской — линии. В 2009-м там открыт музей Евгения Замятина, приезжают-приходят посетители, всё как по-настоящему. А мои личные воспоминания и впечатления — всего лишь личные...

«Жил в надежде вернуться...»

«По самой середине карты — кружочек: Лебедянь — та самая, о какой писали Толстой и Тургенев. В Лебедяни — родился... Рос под роялем: мать — хорошая музыкантша. Года в четыре — уже читал. Детство — почти без товарищей: товарищи — книги. До сих пор помню дрожь от Нечки Незвановой Достоевского, от тургеневской «Первой любви». Это были старшие и, пожалуй, страшные; Гоголь — был другом», — писал Замятин в одной из своих автобиографий в 20-е годы.

А вот ещё о Лебедяни, в письме Замятина Максиму Волошину в Коктебель: *«Пишу Вам из России — самой настоящей, с чернозёмом, Доном, соломенными крышами, лаптями, яблоками. Воздух — как парча — весь расшит запахами яблок разных сортов: пахнет аркадом, шелковкой, малокваской, лимонкой, анисом, боровинкой, грушёнкой, китайкой — знаете Вы такие сорта? Яблок здесь столько, что ими кормят тут коров. Солнца столько, что дай Бог всякому Коктебелю...»*

Он любил Лебедянь, и в то же время именно с неё впоследствии «списывал» ту неприглядную провинциальную Россию, которая предстаёт в дореволюционных его произведениях — «Уездное», «На куличках» и других.

«Так всегда со мной. Расколотый я человек, расколотый надвое, — писал Замятин в одном из ранних писем своей будущей жене Людмиле Усовой. — Одно «я» хочет верить, другое — не позволяет ему, одно хочет чувствовать, хочет красивого — другое смеётся над ним, показывает на него пальцем... Одно — мягкое, тёплое, другое — холодное, острое, беспощадное, как сталь...»

Отсюда его стремление во всём — в жизни, любви, творчестве — *«идти по линии наибольшего сопротивления»*. И зачастую выбор его судьбоносных решений зависел единственно от этого принципа, что создавало немало трудностей как ему самому, так и близким.

Однако такой он был человек, «негнувшийся и своевольный». И, по его собственному признанию, имевший «неудобную привычку говорить не то, что в данный момент выгодно», а то, что ему «кажется правдой». Впрочем, он не только и не столько говорил, сколько делал то, что считал нужным и верным. И началось это с раннего детства, когда он любил «производить над собой опыты».

Понятно, что размеренная жизнь в уездном тамбовском городке, в семье, где все предки по отцу и матери были священниками, отец служил настоятелем старинного Покровского храма Лебедяни, преподавал в местной прогимназии Закон Божий, а мама — прекрасно образованная женщина, пианистка — целиком посвятила себя семье и воспитанию детей, не могла стать примером для мальчика, одержимого духом противоречия.

И вот ребёнок, укушенный бродячей собакой, решает испытать судьбу — и две недели, никому не говоря, ждёт первых признаков бешенства, записывая свои ощущения в дневнике. *«Было очень любопытно, что я буду чувствовать, когда подойдёт срок беситься»*. Не взбесился и признался. После чего его отправили-таки в Москву на прививки...

А вот он, окончив в 1902-м Воронежскую гимназию с золотой медалью, где особенно преуспевал в написании сочинений и не слишком ладил с математикой, подаёт документы («из упрямства») в Санкт-Петербургский политехнический институт, на самый что ни на есть математический кораблестроительный факультет.

Зимой учёба, летом практика на заводах и плавание. Но в 1905 году Замятин заражается социалистической идеей, что тогда тоже означало плыть против течения. Становится большевиком, дважды арестовывается. Его высылают из Петербурга в Лебедянь, но он тайно возвращается в город и, будучи на нелегальном положении, в 1908 году завершает обучение (!).

И не абы как, а очевидно успешно, если молодого морского инженера оставляют преподавать на факультете кораблестроения, на кафедре корабельной архитектуры.

Тогда же он пишет первый рассказ, опубликованный в журнале «Образование». Это его окрылило: *«Значит, я могу сочинять рассказы и их будут печатать, а поэтому три следу-*

ющих года я писал только... о ледоколах, теплоходах, рефелерах, о «Теоретическом исследовании работы землечерпательниц».

С 1911 года Замятин серьёзно занимается литературой, продолжая и кораблестроительную карьеру. В начале 1916-го его отправляют в Англию — строить первые русские ледоколы. «Один из самых крупных наших ледоколов «Ленин» (бывший «Александр Невский») — моя работа», — отметит он в автобиографии 1924 года.

Там он пишет повесть «Островитяне», из которой скорее всего и «вырастает» гениальный роман Замятина «Мы». Именно в «Завете принудительного спасения» главного героя викария Дьюли и просматриваются черты Единого государства из антиутопии Замятина, принёсшей писателю мировую известность и стоившей ему разрыва с Родиной, творческого и физического угасания, долгого отлучения от русской литературы.

Но в 1917-м, едва появились новости о революции в России, «в Англии стало невмочь». И Замятин, с риском для жизни, на старом английском пароходишке («не жалко, если потопят немцы») возвращается домой. «Шли долго, часов пятьдесят, с потушенными огнями, в спасательных поясах, шлюпки наготове». С таким же вдохновенным чувством сопричастности к судьбе Родины вернулся из заграницы в 1918-м и Гумилёв.

Оба они впоследствии очень много сделали для становящейся литературы молодого государства, Замятин обучал начинающих прозаиков, а Гумилёв — поэтов. «Если бы в 1917 году не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил вместе с Россией — больше не мог бы писать», — считал Замятин.

Отмечая его огромное значение для формирования молодой русской литературы первых лет советского периода, его друг, художник Юрий Анненский отмечал: «Не будь в то время в Петербурге Замятина, его пришлось бы выдумать». К тому же писатель много и плодотворно работал и издавался.

И это в то время, когда многие деятели культуры — именитые учёные, писатели, философы, певцы, композиторы — покидали страну, не приняв новую власть и надеясь на её скорое падение. Но какие это были имена! Сикорский, Куприн, Шмелёв, Бунин, Ильин, Вертинский, Шаляпин, Рахманинов...

Не чета нынешним моргенштернам и галкиным, комикам и блогерам, рэперам и растлителям из шоу-бизнеса, претендующим на звание элиты страны, которые, годами паразитируя на её культуре, после Специальной военной операции

выбрались за рубеж и ещё умудряются «лаять» из-за кордона на Россию и русский народ.

Кто-то из первых эмигрантов впоследствии вернулся на Родину — Горький, Алексей Толстой, Куприн, Эренбург. Но как оставшиеся тосковали по России, как вставали на её поддержку в годы Великой Отечественной войны!

Рахманинов, категорически не принявший Октябрьскую революцию, мало того, что все 20-е годы, живя в США, регулярно отправлял в Москву продуктовые посылки (по 20–30 в месяц!) для нуждавшихся музыкантов, писателей, артистов, так и во время Великой Отечественной через американский фонд помощи Советскому Союзу перечислил десятки тысяч долларов для Советской Армии, гастролируя с благотворительными концертами уже будучи тяжело больным.

«Лишившись Родины, я потерял самого себя. Узник, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остаётся желанием творить, не остаётся иных утешений, кроме нерушимого безмолвия... воспоминаний», — писал Рахманинов.

То же мог сказать о себе и Замятин, уехавший из России в конце 1931 года, но тоже ощутивший на себе, каково это жить и творить на чужбине. Роман «Мы» стал причиной того, что писатель решил на отъезд.

Хотя публикация в США его антиутопии на английском языке в 1925 году не сильно отразилась на нём. А вот отрывки из романа, переведённые с английского на русский, опубликованные в конце 20-х в Европе, не прошли мимо тех, кто бдительно следил за благонадёжностью писателей.

Хотя по большому счёту вины Замятина в том, что роман «выстрелил» через десять лет после его написания, нет. Это долгая, запутанная история, и сегодня нет смысла разбираться в ней, поскольку всё случилось, как случилось.

Замятина отлучили от «всемирных затей» российских литераторов того времени, от участия в издательских, редакторских, просветительских проектах, в которых он азартно работал с Горьким, Чуковским. Его перестали печатать. Спектакли по его пьесам в театрах снимались.

И тогда он пишет письмо Сталину: *«Прошу разрешить мне вместе с женой, временно, хотя бы на один год, выехать за границу — с тем, чтобы я мог вернуться назад, как только у нас станет возможно служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям...»*

За границей он надеется поправить здоровье, но главной причиной своей просьбы считает безвыходное положение своё как писателя. Тогда как за границей он надеется писать и

печататься. И Сталин — говорят, «с подачи» Горького — отпускает Замятина.

Однако Рахманинов был прав. Изгнанники лишаются творческого запала. Роман «Бич Божий», масштабно и мощно задуманный Замятиным, остался недописанным из-за необходимости работать для пропитания над киносценариями, статьями для французских газет. И никак не может накопить «про запас», чтобы, не отвлекаясь, основательно поработать над романом.

Об этом он пишет коллегам, никогда не отрываясь от русской литературы и своих русских корней. Не меняет советского гражданства. Регулярно продлевает визу. И даже состоит в штате кораблестроительного института, где преподавал до самого отъезда, оформив отпуск на время пребывания за границей. В Ленинграде у него квартира, за которой следит помощница семьи Аграфена Гроздова. Но в 1933-м его из института увольняют.

Однако, когда он присылает из Парижа заявление с просьбой принять его в члены Союза советских писателей, созданного в 1934 году, его принимают. Заочно. Годом позже Замятин в составе советской делегации участвует в антифашистском конгрессе в защиту культуры.

Вот только писать ему со временем, как выразилась старая знакомая Замятиных Нина Берберова, стало не о чем и не для кого. *«Он ни с кем не знался, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться»*, — писала она.

Но такой возможности судьба ему не дала. 10 марта 1937-го писателя — с «его неизлечимой душой» — не стало. Его «запечатанное сердце» не выдержало.

Похоронен Замятин на кладбище Тие в пригороде Парижа, где вечный приют находила русская беднота. Шёл дождь, и гроб опустили прямо в воду, заливавшую могилу.

«Было ужасно, — вспоминала Марина Цветаева, одна из немногих, пришедшая проститься с Замятиным, — растравительно бедно — и людьми и цветами...»

Там и лежит он до сих пор, «лебедянский молодец с пробормом», не вернувшийся домой. Но вернулись его книги, его «дети», которыми дорожил он больше всего на свете...

г. Липецк

ТРЕТИЙ ХРАМ ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РИМА

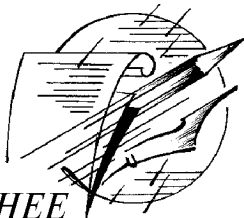
...И аще будут людие Израилевы яко песок морской, останок их спасется.

Исход. 10: 22

Палестина — духовный центр мира. Все важнейшие события истории были и будут связаны с этим местом. Смерть Адама, завет Бога с Авраамом; воплощение, крестные страдания и воскресение Мессии-Христа; события последних времен.

Сердце Иерусалима — Храмовая гора или Ара-Байт (досл. «Гора Дома»). Как пишет Википедия, наиболее священное место для иудаизма и третье по святости для ислама. На территории Храмовой горы находился Первый, а затем и Второй Иерусалимский храм. Здесь же, согласно еврейской традиции, будет стоять и Третий храм. В настоящее время на территории Храмовой горы расположены мусульманские культовые сооружения — мечеть Аль-Акса и Купол Скалы.

Мусульманские духовные лидеры склонны отрицать связь евреев с Храмовой горой, называют ее арабским термином «аль-Харам аль-Кудс аш-Ша-

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

риф» («Благородное святилище») и связывают ее значение с пророком Мухамедом, яростно возмущаясь использованием в отношении этой горы названием «Храмовая».

Для хранения веры в единого Бога, среди царившего повсюду многобожия, Господь избрал еврейский народ. Праотцы этого народа, поклоняясь Богу, создавали различные жертвенники и алтари под открытым небом. По прямому указанию свыше была создана палатка-скиния пророком Моисеем — место явного присутствия Бога, где Он давал ему Свои откровения. Прямым преемником скинии стал Иерусалимский Храм, построенный Соломоном. Это было первое обустроенное и украшенное стационарное святилище на Земле — место поклонения единому истинному Богу. Соломонов храм был разрушен Навуходоносором, но впоследствии восстановлен, а позднее полностью перестроен и очень богато украшен Иродом Великим. Он назывался Вторым храмом. В нём проповедовал и молился Христос. Из него изгонял торгующих. Согласно христианскому учению, Храм оказался разрушен римлянами, поскольку иудеи отвергли Сына Божия. Его духовным преемником стал Храм Гроба Господня, но расположен он был уже не в том месте. А на горе, на месте разрушенного Второго храма, мусульмане выстроили мечеть Аль-Акса, которая по сей день внешне препятствует восстановлению иудейского Храма — для грядущего «мессии», который с точки зрения православного предания явится антихристом.

Непримиримо враждебны слышащиеся голоса, пытающиеся развязать этот «гордиев узел». Действительно, речь идёт о самых серьезных вопросах не только мусульман и иудеев, но напрямую затрагивает и христиан. Некогда закрытая и долгие годы находящаяся под грифом «конспирология», с каждым десятилетием «роковая тема» становится все более заметной, а в наши дни уже включается в предвыборные программы президентских гонок. Создаётся впечатление, что она эпатрируется, превращается в фарс с массовым тиражированием «сакрального» бренда, словно это Кока-кола или Макдональдс. Чувствуется какая-то вторичность и невольно закрадывается подозрение, что вместо подлинника человечеству пытаются всучить дешёвую подделку. Кто же «заказчики», которые готовятся превратить Апокалипсис апостола и евангелиста Иоанна Богослова в рок-оперу с компьютерными эффектами? А главное, стоит ли православным всерьёз относиться к происходящему, всё более напоминающему цирк на колесах?

А началось всё с того, что в 1948 году было создано государство Израиль. Это говорило о небывало возросшем в мире

влиянии отдельных групп еврейства, которое произошло вследствие апостасии духовно ослабевшего христианства. Образование Израиля запустило необратимый процесс внутри диаспоры, связанный с подготовкой евреев ко вступлению в так называемую «мессианскую эру», или тысячелетнее царство правления еврейского мессии. Параллельно в 1991 году, после расчленения исторической территории России, иудейско-американский анти-Рим с центром в США открыто устремился к реализации идеи так называемого Нового мирового порядка. Постепенно начали выходить из тени всевозможные оккультные, масонские, эзотерические, теософские и прочие деструктивные группы, добившиеся частичной власти над миром. Наконец, наступило время и для попытки воплощения квинтэссенции «еврейской мечты» — для создания Третьего иерусалимского храма.

Последовательность событий известна, не буду затягивать, но внутри процесса, что принципиально важно, я условно разожу два «сюжета»: то, что связано с представлениями о «мессианской эре» в лоне традиционного иудаизма, и то, что относится к «коллективным тамплиерам» (назовем эту группу так, в честь отцов-основателей).

Напомню, рыцари «храмовники» обосновались в Иерусалиме в XII веке, несколько лет они вели археологические раскопки под Храмовой горой. Совсем не случайно сегодня свою деятельность по демократизации мира масоны аллегорически называют «построением Храма» (Нового мирового порядка), макеты Храма Соломона находятся во многих масонских ложах.

На то, что масонский проект стоит обособленно и не имеет явной связи с традиционным иудаизмом, при ближайшем рассмотрении указывает множество признаков.

Для наглядности дерзну предложить рабочую схему: в своём замысле Бог един и религия одна — правильно славящая Творца. Но враг не дремлет, и появляются так называемые «традиционные религии», которые со временем делятся на конфессии, далее на деноминации и секты. Последние, как правило, политизированы, а в некоторых случаях искусственно создаются под тот или иной проект. Говорить о том, что подобные новообразования — это религия, не приходится, ибо сакральные смыслы здесь отсутствуют, но преследуются выгоды политико-экономического характера, которые туго переплетены с маниакальной жадностью власти.

Подобную квазирелигиозную основу имеет и проект Нового мирового порядка, их «религия» называется экуменизм. Адептов проекта я предлагаю обозначить как «криптотамплиеры» (для удобства сократим до «криптотамы»). Экуменические сек-

ты на сегодняшний день — явление массовое, они присутствуют вокруг каждой из традиционных религий, функционируя либо самостоятельно, либо тайно встраиваясь в существующие религиозные общности, постепенно превращая их в симулякры самих себя. Так появляются двойники христианства, ислама и иудаизма в лоне их самих. В отношении плотности присутствия «криптогамов» внутри тех или иных религий и конфессий можно спорить. Кто-то, например, считает, что римокатолический епископат полностью поглощен «криптогамами», а Папа Римский — чуть ли не антихрист собственной персоной. Вопрос дискуссионный. Точно можно сказать лишь одно: что экуменизм — это своего рода вирус-двойник, подстраивающийся под каноны любой из атакуемых им религиозных групп, но во всех возможных вариантах, несущий единое тайное устремление на воссоединение в единую псевдорелигию с центром, что вероятно, именно на Храмовой горе, мировым правителем, Синедррионом и всеми прочими атрибутами.

Часто приходится слышать, что террористические организации, которых сейчас не счесть — явление рукотворное. Это действительно так, но сколько бы ни создавали «пробирочных маргиналов», без запроса на них в обществе ничего бы не вышло. Смысл в том, что все эти радикалы оказываются, действительно, востребованы. Почему? Именно как реакция на агрессивное воздействие извне. Таким образом, обостряющиеся во всем мире религиозные конфликты — это следствие атак «криптогамов». Здесь всё точно, как в биологии: когда вирус «криптогама» атакует ту или иную религиозную общину, то это, конечно же, проходит не безболезненно, следует реакция: поднимается «температура», организм старается отвергнуть «инородца», что проявляется в возникновении всевозможных «ультрас», «зилотов», «ревнителей» и т.д., готовых защищать чистоту своей веры от экуменического влияния. Как уж с ними дальше обходится, вопрос третий.

В контексте нашей основной темы нужно сказать ещё вот о чём. Из-за активного финансирования глобалистского проекта со стороны транснациональных корпораций, находящихся, как известно, под контролем еврейских кланов, многие ошибочно полагают, что во главе проекта Нового мирового порядка стоят иудеи как таковые. Но я не разделяю подобных убеждений и в данном материале покажу, что иудаизм страдает от «криптогамов» уж точно не меньше других религий, если не больше (в меру своей критической уязвимости после национальной катастрофы, связанной с космическим по своему масштабу грехопадением). Простому человеку, не имеющему определённых знаний, порой сложно найти различие между иудеями, криптоиудеями и иудеями-

«криптотами», а разница между ними самая существенная. Если первые два — это религия со всеми ее атрибутами, то последние — симулякр религии, причём скрыто враждебный по отношению к ней самой, прежде всего за счёт своего агрессивного секуляризма.

Включим аналитическое мышление. Разве не странно уже то, что такое эпохальное событие, как возвращение евреев в Землю обетованную, не оказало влияния на консолидацию иудейской общины? Казалось бы, какой невероятный импульс к объединению разделённого еврейства, но на сегодняшний день (а это, заметим, спустя 76 лет (!) после образования Израиля) евреи не только не объединились вокруг действительно мощной национальной идеи, но напротив — ещё более атомизировались. Спрашивается, почему все эти могущественные держатели транснациональных корпораций, все эти банкиры, не вкладывают деньги в святое дело собирания их «богом избранного народа»? Кроме того, если все эти «сильные мира сего» такие уж праведные иудеи и действительно так уж ждут своего мессию, то они должны знать, что основой ветхозаветного еврейства были их единство и сплочённость, в истоках которых лежал Завет. Более того, говоря о причине разрушения Богом Второго храма, называют именно утрату еврейским народом этого качества — Храм был разрушен за «беспричинную ненависть евреев друг к другу». Цитируя Талмуд, «правильные» раввины учат, что ради прихода машиаха современное поколение евреев в первую очередь должно искупить именно грех разрозненности и вражды. В таком случае, судя по чудовищному состоянию диаспоры, Третий храм им вообще не светит. Если два еврея — три мнения, то сколько мнений у десяти евреев? Вопрос актуален, поскольку десять евреев — уже синагога.

Тихо закрадывается подозрение, что до евреев и до их религии тем, кто сейчас энергично раскручивает храмовую тему, нет никакого дела: никто никаких евреев «избранной нацией» делать не собирается. Во всяком случае, всех подряд евреев. «Избранные», конечно же, запланированы, но в несколько ином, так сказать, сокращённом составе. Не «народ избранный» (чем «кормят» доверчивые массы иудеев), а скорее «каста избранных» внутри одной условной группы «криптотамов». Как говорит легендарный Э.Ходос, главным жизненным принципом хасидов (членов секты ХАБАД) является следующий: «Евреи — превыше всего, а ХАБАД — превыше евреев». Кстати, по нашим дилетантским наблюдениям, хабатовцы — единственная действительно крепко шитая община, претендующая на звание общееврейской. Но далеко не все течения внутри иудаизма с этим готовы согласиться.

Вообще в иудаизме есть много чего неожиданного для профана. Например, некоторые преимущественно сефардские раввины утверждают, что дерзкие сионисты (ефраимиты), которых они считают безбожниками, сломали ход божественного промысла об их народе и насильно, по своей воле, заставили евреев вернуться в Землю обетованную тогда, когда те были еще вовсе не готовы к подобному эпохальному событию. Ведь каноническим в иудаизме считается положение, что еврейский народ будет свободно жить на своей земле только после прихода Машиаха бен-Давида, и только при нём произойдёт возвращение Храма «на свое место», причём чудесным образом, прямо с неба. Но, поскольку сионисты побежали впереди паровоза и, кроме преждевременного возвращения в Землю обетованную, своевольно запустили ещё и проект возведения Храма (в связи с чем, некоторые раввины, предпочтуя небывалый Божий гнев, пророчат даже второй холокост), теперь, мол, и имеем что имеем — вражду и хаос.

И ведь у каждой религиозной группы свои видения того, как должны осуществиться обетования. Направлений и течений не счесть: ортодоксальный иудаизм, хасидский иудаизм, хасидских династий (Белз, Бобов, Бреслов, Na Nach, Хабад-Любавич, Нем, Карлин-Столин, Sanz-Klausenburg, Сатмар, Шомер Эмуним, Толдос Аарон, Сквер, Вижниц), миснагим, движение мусаров, сефардские харедим, Дор Дайм, Эда Хакхарейдис, харедим в парандже, Лев Тахор, Нетурей Карта, современный ортодоксальный иудаизм, карлебахское движение, консервативный иудаизм (масорти), реформистские иудеи, гуманистический иудаизм, реконструкционистский иудаизм, ноахим, мессианский иудаизм, хайманот, караимский иудаизм и т.д. Члены религиозных групп придерживаются зачастую противоположных понятий и направлений — сионистского или антисионистского; признающих или не признающих «Каббалу»; признающих или отрицающих «Танию»; признающих или не признающих «Талмуд»; признающих или осуждающих употребление крови; признающих или не признающих Христа и т.д. Ведь это очень разные религиозные течения, готовые биться каждый за свою правду.

Так что никакого единства там не наблюдается. Что, повторюсь, нисколько не мешает «криптоатамам» от иудаизма (которые, кстати, не всегда и еврей-то) скандировать из всех утюгов: «Машиах NOW».

Впрочем, если посмотреть на проблему разобщенности еврейства с нашей, православной, точки зрения, то всё вообще очень просто. Причиной «нестроений в рядах» являются человеческие страсти.

Вообразите только, ведь с тех пор, как иудеи отвергли Сына Божия и дом их «остался пуст» (Мф. 23: 38) (есть очень мощное описание, как явственно отходила благодать от храма, у Иосифа Флавия в Иудейской войне), народ этот в своей массе вот уже почти две тысячи лет как нераскаян, и в нераскаянных грехах своих одержим. Прийти к единому знаменателю, чтобы стать действительно народом, как они о том грезят, евреям не позволяет их собственное устройство. Сегодня иудеи похожи на Сизифа, который за дерзость богоборчества после смерти был приговорён катить на гору в Тартаре тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, всякий раз скатывался вниз. Разве что «камень» евреев, который они пытаются вкатить на Храмовую гору, — это одновременно и камень основания Третьего храма, и нераскаянные грехи народа. Да, мы уже знаем, что некоторые раввины призывают диаспору каяться в своих грехах ради дарования Третьего храма. Но без веры в Христа подобное покаяние — мертворожденное. Воистину судьба «народа избранного» — самая острая драма в истории человечества! Затея их заранее обречена, поскольку они — бедненькие — не тот «камень» катят. Христос говорит (Мф. 21: 42): «Камень, который отвергли строители, сделался главой угла. От Господа бысть сей и есть дивен во очесех наших» (Пс. 117: 22). Хоть тысячи храмов построй — без веры в Христа Иисуса все они будут лишь грудой камней, ибо сказано на века: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10: 9).

Признаться, в эсхатологическом масштабе, мне действительно жаль этот многострадальный и некогда избранный Богом народ — так сильно обманутый своими первосвященниками... А если представить, сколько обманутых через них в числе других народов? Вспомним вот эту грозную строку из Евангелия: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» (Мк. 9: 42). Что ждёт этих несчастных в Будущем веке?

Наперёд оговорюсь, предвидя осуждения за «симпатии к евреям». Печально, но вынуждена сделать это, прежде всего из-за ожидаемо возрастающей и неизбежной в России жидофобии — в первую очередь как реакции на украинские события. Если государство не примет меры в этом направлении, очень вероятно, что погромов не избежать. И что, скажете, русские будут не правы, когда «отожмут» у тех, кто являются самыми настоящими сионофашистами и даже не пытаются прятать концы в воду — ритуально проливают реки славянской крови на нашей, становящейся всё более и более Святой Земле? Кто осмелится сказать, что прецедента нет? Он есть. И все об этом пре-

красно знают. А поэтому действовать соответствующим органам нужно было уже вчера. Кроме того, у президента Путина имеется прекрасный опыт в этом направлении — кто как ни он мастер «отделять мух от котлет». Просто нужно перевести столь бесценный опыт на уровень религиозной безопасности и начать отделять не мух, а зёрна от плевел. А поможет нам всем в этом Святое Евангелие. Объясню на своём личном примере.

Как можно забыть одно из самых пронзительных мест Писания? Господь кротко возвел очи к небу и сказал: «Отче, прости им! Не ведают бо, что творят» (Лк. 23: 34). Уже слышу возражения... Да, действительно притча о виноградаре обличает иудеев и открывает всему миру, что они прекрасно «ведали», Кто Он и зачем пришёл, поэтому и убили Его... Да, и в синедрионе Господь открылся первосвященникам, и на вопрос «Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мф. 26: 63) однозначно ответил: «Я, и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мк. 14: 62). Беспорно, иудеи знали, Кто перед ними! Но по Златоусту (см. Слово первое о Кресте и разбойнике), по преподобному Ефрему Сирину, а главное по самому евангельскому духу — Христос был верен Себе до конца, закрывая глаза на «правду» человеческую о том, что «знали», ставя выше «правды» человеческой — божественное Милосердие. Он призывал распинавших Его к покаянию до последнего Своего вздоха и даже после него, когда совершились многие чудеса, разорвалась завеса Храма сего, отделявшая Святое Святых, где обитал Бог. Иосиф Флавий сообщает, что завеса та была приблизительно 20 метров в высоту, десять сантиметров толщиной и самое невероятное что эта, фактически стена, была разорвана не снизу вверх, а сверху вниз, как лист бумаги.

Нет, не напрасны оказались чаяния Христа в отношении евреев! По словам блаженного Августина, «многие из них (евреев) уверовали тогда, и прощена им была пролитая ими кровь Христова. Сперва в неистовстве они ее пролили, теперь с верою ее пьют» (Беседы на 1-е послание Апостола Иоанна, 1: 9). А после чудесного Воскресения уверовало бесчисленное множество. Понимаем, что говорят апостолы Павлу: «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона» (Деян. 21: 20). И все они — наши с вами братья во Христе Иисусе, возлюбленные и буквально вырванные Спасителем из самой пасти адовой. Те же, кто и после обетования Христа лишь прибавили и до сих пор прибавляют в своем лукавстве, вот именно о них Господь сказал: «Ваш отец — диавол» (Ин. 8: 44). Согласитесь, что это очень важные моменты, фундаментальные! В новом человечестве нет ни эллина, ни иудея, ни обрезанного или необре-

занного, ни варвара или скифа, ни раба или свободного, но всё, что есть в каждом — Христос. Я уже не говорю про глубину эсхатологического пафоса замысла Божия об этом народе: разрешение судьбы богохранимого «первенца» на исходе земной жизни человечества, когда «...будут людие Израилевы яко песок морской, останок их спасется» (Ис. 10: 22). Это как раз про то, что «последние станут первыми»?

Одним словом, не разобравшись, кто такие евреи в Евангельском контексте (прошу заметить, очень далеко от толерантности), к темам, подобным нашей, подходить запрещено. Особенно сейчас, когда, повторяюсь, всё сильнее разгорается пламя межнациональных и межрелигиозных конфликтов в мире, причём, то, что мы наблюдаем сейчас — это, возможно, только начало. Но вернёмся к нашему исследованию.

Нет, объективно Третий храм невозможен! А теми задачами, которые заложены в проекте с условным названием «Машиах» — я имею в виду «и перекуют мечи на орала», всю эту ересь хилиазма или тысячелетнего еврейского царства, когда Машиах бен-Давид установит на всей земле вечный мир, любовь, процветание и нравственное совершенство, — невозможен в кубе. Учения о земном рае неизменно отвергаются всеми православными учителями Церкви.

Градус напряженности внутри еврейской общины слишком велик и будет таковым всегда (по духовным причинам, о чём говорилось выше) — консенсус невозможен. Но есть же ещё и другие религии, которые, мягко говоря, очень сильно против подобной «стройки века». Разве что ради усмирения религиозного чувства применяют какое-то новое генетическое оружие типа вакцины, угнетающей «ген Бога». Только если такими методами...

На мой скромный взгляд, единственное, на что человечество реально может рассчитывать в связи с «храмовой темой» — так это стабильная такая, уверенная Третья мировая.

Кто знает, может быть, они этого и добиваются?

Забегая вперёд, скажем, что ведь и у святых отцов Православной Церкви нет единого богословского мнения о том, будет ли когда-то восстановлен Храм Соломона в Иерусалиме. Но обо всём в своё время, запасёмся терпением.

На этом будем считать методологическую часть нашего исследования законченной.

Итак, кто-то намеренно открывает шлюзы рукотворного апокалипсиса, системно подгоняя исторический контент под известные библейские пророчества. Что вообще происходит?

Продолжение следует

СИМВОЛИЧЕСКИЙ РАССТРЕЛ

22 марта мы пережили трагедию в «Крокус Сити Холле».

Поражает масштаб трагедии. Это один из крупнейших терактов в истории современной России, по числу жертв он уступает только теракту в Беслане.

Поражает и сам характер злодеяния. Хотя это не первый террористический акт за последние десятилетия в стране, но в сравнении с другими этот теракт отличается не только особой жестокостью и беспощадностью. В других нападениях террористы хотя бы что-то требовали, выдвигали какие-то условия, у них была более или менее понятная цель. В «Крокус-Сити» людей убивали без всяких требований и условий. Теракт может показаться каким-то предельно жестоким абсурдом. За что террористы убивали людей? Никто из жертв не сделал ничего плохого убийцам.

Более того, Россия приняла этих мигрантов под свой кров, дала им работу, возможность материально содержать свои семьи на своей исторической родине. И в ответ такая страшная неблагодарность!

Получается, что террористы расстреливали в упор незнакомых им людей только за то,

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

что они граждане России. Это был символический расстрел самой России, по сути, в самом ее сердце — в городе Москве.

Вообще, нужно отметить какой-то неслучайный символический фон трагедии, которая произошла 22 марта в день весеннего равноденствия, который астрономически считается наступлением весны, когда день начинает прибавлять и становится длиннее ночи.

Кстати о Крокусе. Знаете ли вы, что это на самом деле персонаж античной мифологии, друг Гермеса — бога торговцев и воров? По версии, изложенной у Галена, в юного Крокуса влюбился Гермес и случайно убил своего друга, когда они вместе соревновались в метании диска. Подавленный горем Гермес превратил юношу в цветок крокуса (шафран). Почему владельцы шоу-центра назвали своё детище именем цветка, ставшего плодом двусмысленных отношений двух героев, остаётся загадкой, но миф, построенный на убийстве, в какой-то степени нашел воплощение в реальности.

Остаётся фактом, что единственной целью теракта в «Крокусе» было убийство как можно большего количества людей, и поэтому нет сомнения, что этот теракт носит открыто сатанинский характер.

Кажется, слова Господни в Евангелии обличают нынешних человекоубийц: «Ваш отец — диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины (Ин 8: 44). Человекоубийцы вышли из бездны ада и были орудием сатаны. Такое чувство, что в этом теракте зло достигает своего дна. Это уже не столько акт терроризма, сколько акт сатанизма!

Совершенно понятно, что память об этой трагедии никогда не изгладится из нашей памяти и навсегда войдет в историю России. Хотя жизнь продолжается, и время не стоит на месте, но 22 марта навсегда останется с нами. Нам не забыть этот день, и теперь с этим предстоит жить дальше.

И встаёт вопрос, как мы будем хранить память наших невинно убиенных братьев и сестер? С особой остротой встает вопрос: что теперь делать? Конечно, «мы помним и скорбим»! Конечно же, возникают стихийные мемориалы, куда приносят тысячи и тысячи цветов. На стены проецируют улетающих журавлей. Политики делают заявления, общественные деятели произносят слова. Простые люди скорбят и плачут. Многие жертвуют на похороны и помощь пострадавшим.

Это вещи нужные и очевидные. Без них невозможно пережить боль. Но также очевидно, что этого недостаточно. И что всё это вскоре пройдёт.

Уже на другой день, 23 марта, СМИ со ссылкой на сайт Crocus Group сообщили, что концертный зал «Крокус сити

холл» после теракта 22 марта будет восстановлен: «Мы восстановим все пострадавшие инфраструктурные объекты на территории «Крокус Сити» и сохраним тысячи рабочих мест для сотрудииков компании», — сказал владелец центра А.Агаларов.

То есть в то время, когда ещё не был погашен окончательно пожар, когда ещё не были извлечены из завалов останки всех погибших, владельцы «Крокуса» поспешили заявить о намерении восстановить этот объект. Они объяснили это заботой о персонале. Конечно, они не договаривают, что для этого гигантского зала была создана огромная инфраструктура, вложены колоссальные средства, даже подведена линия метро с особой станцией. Ясное дело, что Крокус-сити, в котором почти ежедневно проводились концерты эстрадных звезд, приносил огромные прибыли. И их не хотят потерять.

Признаюсь, после этого сообщения мне стало не по себе. К глубочайшей скорби о погибших присоединилась тревога об их памяти. Любой концертный зал — это индустрия шоу-развлечений. На минуту представил, как на месте трагедии, как ни в чем не бывало, могут проходить и дальше концерты, шоу, развлекательные мероприятия. Неужели на этом месте можно будет смеяться и веселиться? Да ведь это будет кощунственная пляска на крови наших братьев и сестер, которая станет продолжением теракта!

Я почему-то сразу вспомнил Беслан, где мне довелось побывать сразу после трагедии в 2004 году в школе №1, когда погибло более трехсот человек и больше половины из них дети. Тогда чиновники разного уровня тоже высказывали предложение восстановить школу и продолжить в ней занятия, но осетины, к их чести, категорически восстали против этого. Они оставили школу в неприкосновенности как мемориал, воздвигнув рядом с нею белоснежный храм Новомучеников.

В России всегда благоговейно относились к местам человеческих страданий и пролития невинной крови. Они воспринимались как малые голгофы и становились местами памяти и молитв. Столь крупные трагедии в жизни народа почитались мемориалами, памятниками, храмами.

Здесь мы можем вспомнить царские «храмы на крови» в Санкт-Петербурге на месте убиения Императора Александра II («Спас-на-крови») и в Екатеринбурге на месте расстрела Царской семьи. Но эта традиция сохранилась и в примерах мемориализации памяти о терактах последних десятилетий.

Первым страшным злодеянием в новой истории России стало нападение в июне 1995 года банды Басаева на г. Буденновск (город Святого Креста) на Кавказе. Рядом с больни-

цей, на которую произошло нападение басаевцев, был воздвигнут монумент и построена храм-часовня во имя иконы Скорбящей Божией Матери, в которой регулярно совершаются литургии и панихиды в память о жертвах теракта. В прошлом году я сподобился помолиться в этой часовне-на-крови.

Также были воздвигнуты монументы в виде часовен на месте взрывов домов в Москве 9 и 13 сентября 1999 года. Рядом с театром на Дубровке в Москве был открыт мемориал жертвам «Норд-Оста» — семиметровая стела из белого гранита, увенчанная тремя бронзовыми журавлями. На месте падения взорванных террористками 24 августа 2004 года над Ростовской и Тульской областями пассажирскими самолетами были воздвигнуты большие голгофские кресты.

В Кемерове на месте снесенного после трагического пожара 25 марта 2018 года в торгово-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» был разбит большой «Парк Ангелов» и построена часовня памяти жертв трагедии.

Можно было бы приводить другие примеры скорбной памяти о трагедиях. Очевидно одно, что если в результате трагедии здание разрушалось, то его уже никто не восстанавливал, а устраивали на этом месте мемориальный комплекс, в большинстве случаев с храмом или часовней.

Очевидно, что в соответствии с нашей исконной русской традицией на месте сгоревшего «Крокуса» должен быть разбит живой сад и воздвигнут какой-то необыкновенно светлый и красивый Храм, в котором на каменных скрижалях будут начертаны имена всех погибших. Это будет наиболее достойная форма памяти о всех невинноубиенных, наш ответ силам зла. Храм, в котором всегда будет совершаться поименная молитва о всех погибших, будет нашей духовной победой над злом и смертью.

И еще: этот храм должен быть посвящен в честь Сорока Мучеников Севастийских, в день которых произошла трагедия. Конечно, нельзя сравнивать, но можно провести параллель между древними 40 Мучениками Севастийскими и 140 невинными жертвами теракта. Храмов в честь Сорока Мучеников в России немного, можно по пальцам пересчитать. Пусть еще один украсит нашу Русскую Землю.

Я решил высказать свое мнение еще и потому, что буквально накануне в СМИ была распространена информация о том, что владельцы «учтут мнение граждан и властей РФ в вопросе, восстанавливать ли Stocus». Стало быть, от нас также зависит, как мы в итоге почтим память жертв, и это будет проверка нашей нравственной зрелости.

После трагедий такого масштаба в первые моменты возникает ощущение полного торжества зла в этом мире, кото-

рому, кажется, нечего противопоставить. Такое открытое проявление зла бросает вызов самой вере в силу Добра. Нужно показать Силу и Победу Добра так, чтобы эта Победа была зримой и не вызывала никакого сомнения. Издревле в России места народных трагедий, связанных с жертвами и пролитием крови, почитались созиданием храмов (и даже монастырей). Горе, слезы, скорбь, в конце концов, переплавляются в прекрасные храмы, напоминающие о Вечном Добре. Они становятся воплощением Торжества Веры и Света, зримым знаком Победы Добра над Злом.

Это прекрасная традиция. Зло и его носители должны знать и видеть Победу Добра, воплощенную в Храме. Можно сказать, что созидание храмов меньше всего входит в планы злодеев, но они должны знать, что именно это будет нашим окончательным ответом.

Нам всем необходимо возвысить свой голос и высказать идею созидания Мемориального Храма памяти жертв теракта во имя Сорока Мучеников Севастийских с парком вокруг него, куда бы мы могли прийти. Вознести молитвы. Возжечь свечи. Возложить цветы, и чтобы нам не было стыдно перед светлой памятью наших братьев и сестер.

Павел ДМИТРИЕВ,
правовед, публицист

ДОГОВАРИВАТЬСЯ НА УКРАИНЕ НЕ С КЕМ

Отсутствие возможности переговоров с Украиной давно стало поводом к сожалениям нашего политического руководства.

Причины, исключающие переговоры, есть, и все они украинского происхождения. Взять тот же пресловутый указ Зеленского, которого по истекшему 31 марта 2024 г. сроку полномочий и президентом-то назвать нельзя. Но указ ещё

законной президентской поры от 30 сентября 2023 г содержит прямой запрет на ведение переговоров с Россией. Строго говоря — указ законный. А нелегитимный президент Зеленский не может его отменить, как бы мы этого ни хотели.

Если всё же вдруг представить, что он это сделает, то все договорённости, достигнутые с ним, будут незаконны к великому удовольствию по факту безраздельно владеющих Украиной сегодня хохлов-западнцев и евреев, узурпировавших власть над всегда простодушным населением окраины. Они никаких договоренностей с Россией, в принципе, не допустят, а если и допустят, то не для их выполнения, а исключительно для создания тактического преимущества на фронте.

Итак, сегодня в правовом поле легитимность Зеленского равна нулю. С кем ещё можно договариваться на Украине?

Ее парламент (Рада) путём неконституционных решений изгнала из своего состава все оппозиционные партии. Таким образом, легитимность украинского парламента также вызывает вопросы. Действующая исполнительная власть, назначенная нелегитимным президентом, вряд ли может серьезно представлять страну на переговорах о мире.

Волеизъявление народа Украины на сегодня никому не известно, никакими конституционными процедурами не выявлено и не учтено, выборы и референдумы в стране отменены. Практически население в рамках действующей конституции на данный момент законно никем не представлено.

Ведение переговоров, если они вдруг станут возможны, с кем-либо из действующей украинской власти будет означать практическую легитимизацию этой незаконной власти. Не случайно ведь Зеленский резко стал менять риторику, заговорив о возможности диалога с Россией. Переговоры, скорее всего, понадобились для признания его статуса по факту пребывания во главе страны, ведущей международные переговоры, а не для какого-либо практического результата.

Вопрос легитимности является насущным не только для самого Зеленского, но и для совокупного Запада, продолжающего финансовые вливания и поставки на Украину. Рано или поздно, но Запад начнет лихорадить то обстоятельство, что затраченные им средства достаются невесть кому, и обязательства по ним, строго говоря, не создают правовых последствий.

То, что Украина, как и украинцы, ввязываясь в эту войну, платить по растущим долгам изначально не собирались, является беспорным фактом для тех, кто знает украинцев.

Невозможно представить себе хохла согласного с каким-либо долгом!

Очевидно, что расчет Украины и ее западных хозяев предполагал ответственность исключительно России по всем обязательствам «незалежной», уже возникшим и возникающим у неё ежедневно в течение ведения военных действий.

Естественно, эти долги, ответственность за которые Украина никогда не примет на себя, наравне с территориальными претензиями по поводу занятых нами в ходе СВО территорий, уже включённых конституционным путём в состав России, станут непреодолимым препятствием к достижению каких-либо договорённостей в принципе.

Поэтому переговоры на международно-правовом уровне с Украиной, находящейся под игом нацистов из ее западных областей, на мой взгляд, следует исключить из проектов и планов взаимоотношений с украинской стороной.

Разумеется, какие-то отношения местного характера исключать нельзя, преимущественно по вопросам социального свойства. От практической помощи населению мы никогда не откажемся. Но политических договоренностей следует избегать в принципе.

Пирамида украинской власти сегодня, перешедшая к военным, схожа с властью германского третьего рейха уровня мая 1945 года. Такая власть имеет достаточно правового веса лишь для подписания одного международного документа — акта о полной и безоговорочной капитуляции!

Для преодоления тупой украинской решимости проливать славянскую кровь на радость Европе и англосаксам необходимо сломить решимость продолжать войну у самого агрессивного и нацистского сегмента украинского населения, являющегося мотором вековой ненависти, военной идеологии и агрессии в отношении русских. Речь о западных областях Украины. О родине и месте широкой традиционной поддержки взглядов и действий природного нациста и главного хероя современной окраины — Степана Бандеры.

Когда-то США сломали решимость к сопротивлению японских самураев двумя атомными бомбами. Возможно, что выбор ими городов для бомбардировок имел схожую мотивацию слома воли к сопротивлению наиболее агрессивной части японского населения.

Таким ударом по западной Украине будут сохранены жизни многих и многих тысяч российских солдат. И будет обескровлена западно-украинская нация, особенно ненавидящая русских, да и все другие нации, по своей природной сути нацистов. То, что не доделала советская власть, пощадив наци-

стов западной Украины, необходимо доделать сейчас. Плевать на мнения европ и англосаксов!

Ядерное оружие создано не для его применения, а для устрашения. Но устрашать им невозможно, не применив ни разу в реальности. Сегодня самая мощная ядерная держава мира систематически унижается карликовыми территориальными образованиями типа Литвы или Эстонии. Или свиноводами Речи Посполитной. Или офанаревшими от разврата европейцами из Бельгии или ещё кем-то. Не говоря уже о нагло-осторожных англосаксах, всё время испытывающих нас на решимость применения ядерного оружия и уверенных в отсутствии у нас такой решимости.

Не случайно ведь США не особенно беспокоят наши новые ядерные вооружения, против которых они практически бессильны. Но это их, очевидно, не волнует.

Это Россия платит нищенские пенсии старикам и смешные пособия детям, создавая новые опережающие возможности НАТО, ядерные ракеты и заряды к ним. Запад, платящий старикам приличные пенсии, особо этим вопросом не заморачивается, а просто внаглую приближает к нам границы своего военного блока.

Можно резюмировать лишь одно — нас не боятся! А всё наше новое вооружение не воспринимают всерьёз! Иначе бы границы НАТО с 1991 года не передвинулись к востоку на несколько тысяч километров, примкнув к нашим границам. И веками традиционно нейтральные Швеция и Швейцария, да и Финляндия, не рискнули бы присоединиться к ползучей натовской агрессии.

Все западные страны, очевидно, пребывают в уверенности, что мы не способны к реальному применению ядерного оружия. Вернее сказать, они уверены в нашей неуверенности его применить.

Поэтому наш главный враг сегодня — это не бестолковые хохлы, хитроумно замороченные западной пропагандой и по неразумию подчинившиеся организованным и сплоченным нацистам, издавна процветающим в западных областях Украины. Наш главный враг — это **собственная неуверенность, привычка оглядываться на Европу, искать всегда и во всём одобрения Запада. И главные враги те, кто эту неуверенность внутри элиты страны продуцирует.**

Теперь вопрос к президенту России, профессиональному юристу В.В. Путину: «Можно ли избавиться от внутренних врагов в условиях войны исключительно правовыми способами мирного времени?» История таких примеров не знает. Если мы хотим быть новаторами, то давайте быстро создадим

соответствующий правовой механизм. Если он возможен. Или же, наплевав на всех поклонников Запада внутри России, просто начнём воевать. С внешним врагом и с внутренним...

Андрей СОШЕНКО

ДЛЯ КОГО ОНИ СВОИ?

Европейский суд постановил исключить олигархов Петра Авена и Михаила Фридмана из персональных санкционных списков Евросоюза. Причины для введения против них санкций суд не счел убедительными. «Суд удовлетворяет просьбу Петра Авена и Михаила Фридмана и аннулирует для обоих как первоначальные акты, так и акты, сохраняющие списки ограничительных мер в период с 28 февраля 2022 года по 15 марта 2023 года», — говорится в пресс-релизе суда.

Авен и Фридман по какому-то недоразумению находились под санкциями ЕС с февраля 2022 года. Тогда западные чиновники не разобрались в верноподданнических деяниях и выходах данных «российских» олигархов. Так, «российский» бизнесмен Михаил Фридман в октябре прошлого года заявил, что вынужден переехать в Израиль из Великобритании, но на фоне эскалации готов даже приехать в Москву. Какая несправедливость постигла тогда «олигарха мира», его не поняли свои же в Англии!..

Но сейчас можно поздравить этих предателей с тем, что на Западе, наконец, разобрались и признали их своими буржуинскими «плохишами». Фридман и Авен всё же получили свои «банки варенья и корзинки печенья».

Думаю, нужно ожидать, что и в США скоро их признают своими.

В связи с этим хочется напомнить о замечательной позиции пресс-секретаря Дмитрия Пескова.

В октябре прошлого года Песков заявил о праве Фридмана вернуться в Россию. «Он гражданин Российской Федера-

ции и может сюда возвращаться, здесь жить, отсюда уезжать, как и любой гражданин Российской Федерации, поэтому здесь нет чего-то необычного», — сказал он. Но при этом забыл уточнить, что помимо российского гражданства Фридман имеет израильское.

Кроме того, до сих пор нет ответа на вопрос, насколько участвовали эти «деятели» в финансировании врага. Так, сенатор от Запорожской области Дмитрий Рогозин обращался в Следственный комитет с просьбой проверить сообщения о финансировании бизнесменом Михаилом Фридманом украинской армии. Речь идёт о стомиллионных суммах, исчисляемых в евро, на «нужды» врага. И Песков об этом не может не знать.

Совладельцы «Альфа-групп» «российские» олигархи Авен и Фридман в целях быть милыми Западу и продолжать переводить через офшоры российские средства, подали в суд округа Колумбия (США) иск к американской НКО «Center for Public Integrity» с требованием опровергнуть её публикацию с негативными оценками личности Фридмана и Авена. А публикация «Center for Public Integrity» стала одной из причин введения западных санкций против «Альфы» и ее хозяев. Но даже американский суд подтвердил правдивость аргументов, на основе которых было принято решение. Среди них — признание приватизации процессом, подорвавшим российскую экономику путем коррупции и сговоров, а ключевыми фигурами названы Фридман и Авен. Факты, на основе которых сделаны выводы в США, не могли быть выдуманы американцами, а потому должны быть изучены российскими компетентными органами. Нонсенс состоит в том, что всему миру известно, что многие олигархи, обокравшие наш народ, — преступники. Только в России этого как бы не замечают.

Более того, целый пресс-секретарь президента упорно всеми возможными способами пытается таких персонажей оправдать и придать им милые черты. Достаточно вспомнить его знаменитое заявление об «испуганных»: он заявлял, что «его хороший знакомый» Иван Ургант, оказывается, «большой патриот». И ещё Д.С. Песков тогда, в апреле 2022 года, сказал: «У нас есть люди, которые испугались... Кто-то из них уехал, сказал, что едет в длительный отпуск. Все поступили по-разному, но есть те, кто испугался...»

Но они же предатели! Разве решение Европейского суда по Авену и Фридману не подтверждение тому?

И в очередной раз всё тот же вопрос. Абрамовичи, авены, фридманы и иже с ними — «российские» олигархи? Или всё же израильские, американские, английские, португальские — «олигархи мира»?..

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2024 г.

(Март — апрель)

То, что в последние годы, всё расширяясь и усугубляясь, происходит в Европе и в США, предсказывал русский писатель-эмигрант Григорий Климов в своих книгах, написанных в 50—70-е годы прошлого века. Я имею в виду запрещенное в России движение ЛГБТ, почти поголовно захватившее европейские страны, прежде всего их властные структуры. Григорий Климов говорил в своих книгах, что это произойдет неизбежно, стопроцентно. Его книги в 90-е годы были полулегально изданы в России и расходились опять же в полулегальных торговых точках в огромном количестве — «Князь мира сего», «Имя моё легион», «Божий народ», «Красная каббала», «Протоколы советских мудрецов», «Крылья холопа», «Песнь победителя», «Дело №69» и другие. Книги эти говорили о том, что сатанизм, мужеложество, педофилия, зоофилия и все остальные сексуальные извращения агрессивно и полностью захватят американско-европейский Запад, будут узаконены как нормальное, «естественное» явление и более того, будут расцениваться как

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

достоинство и получают привилегированное положение во всех сферах жизни западных стран. И что же мы видим? Однополые браки, бисексуалы, трансвеститы и другие гендерные изобретения внедряются в западную жизнь как непререкаемые установки. И родители по американо-европейским законам не имеют права запрещать детям изменять свой пол. А тем, кто пытается этому воспрепятствовать, грозит тюрьма. Даже еще в 90-е годы, когда издавались у нас книги Григория Климова, это казалось немыслимым, но теперь мы видим, что всё это реально происходит на наших глазах. Григорий Климов действительно оказался пророком.

Президент Франции Эммануэль Макрон даже в расследованиях французских журналистов предстает бесстыжим лжецом и таким гендерным монстром, женатым не на женщине, а на мужчине-трансвестите, который старше его, Эммануэля, аж на 23 года. И уже вполне логичным выглядит факт назначения премьер-министром Франции открытого гея... То есть климовское предсказание уже дошло до самых европейских верхов. А на Летних Олимпийских играх, которые, кстати сказать, пройдут в этом году во Франции, мужчины-трансвеститы (хирургически переделанные в женщин или считающие себя женщинами) допущены к соревнованиям в женских видах спорта. И слава Богу, что сборная России в этих грязных и безнравственных Играх участия не примет.

* * *

Евреи создали собственное фашистское государство. И на глазах у всего мира в прямом эфире это государство уничтожает палестинский народ. А весь западный мир, равнодушно опустив глазки, помалкивает, показывая всему остальному миру, что его это вообще не волнует. Почему? Да потому что Израиль — любимое, делает то, что всегда делали американцы, которые ради завоевания своей территории почти полностью уничтожили индейское население.

В программе «Вечер с Владимиром Соловьевым было продемонстрировано видео, на котором некий раввин по израильскому телевидению, ссылаясь на учение Торы, призывал убивать всех палестинцев без разбора — в том числе стариков, женщин, детей, даже грудных младенцев... «Не щади ни одной души... Ты не должен останавливаться убивать», — обращался он ко всем евреям и в первую очередь, конечно, к солдатам израильской армии. Это, господа, похлеще любого холокоста. Чем это отличается от призыва Гитлера: «Убивайте! Я освобождаю вас от чувства совести». Да и чем вообще государство Израиль отличается от гитлеровской Германии?

И что еще интересно. Главный раввин России Берл Лазар поехал в Израиль, чтобы посетить базу Цахал (израильской армии). В своем выступлении перед военными он назвал их «самыми святыми людьми» и благословил на «освобождение всех евреев во всём мире»... Вот только в поездке в зону СВО главный раввин России замечен не был, хотя в рядах наших воинов есть и евреи. Ни на что он их не благословлял и, естественно, святыми не называл. Так чей же он раввин? И что он вообще делает в России?

* * *

Президентские выборы прошли под бомбардировки с украинских дронов и под ракетные обстрелы. Смертоносный дрон долетел аж до г. Сызрани Самарской области, не говоря уже о каждодневных снарядных обстрелах Донецка, Белгородской и Курской областей. На третьем году СВО. Но в правительственные здания на Банковой в Киеве никакие дроны так и не прилетают... «Мы ответим. И отвечаем», — много раз повторял наш президент. Однако к Зеленскому в Киев едут высокопоставленные гости со всей Европы... И его новый министр обороны Сырский то и дело прибывает на фронт — то на Авдеевское, то на Артёмовское, то на Херсонское направление... Но, как надо понимать, ни одного, ни другого трогать нельзя... Наверное, берегут их для подписания капитуляции...

* * *

Ничто в жизни не бывает случайным. Особенно символы, которые сопровождают человека всю жизнь.

Первая моя стихотворная публикация состоялась в 1968 году в газете «Патриот Родины», когда я служил в ракетных войсках в Восточно-сибирском военном округе. Как оказалось, этот символ «патриот Родины» затем сопровождал меня по всей жизни. При этом служил я в гвардейском полку. И все мы — солдаты и офицеры — носили на груди знак «Гвардия». А свои публикации в армейской газете я подписывал так — «гвардии рядовой...» Ровно через 20 лет после армейской службы я был приглашён на работу в журнал «Молодая гвардия». И вот уже 34 года живу, дышу и работаю под этим гвардейским знаком.

* * *

«Молодая гвардия» — это не только название литературного журнала, которому уже более ста лет. И не только название подпольной молодежной боевой организации донбасско-

го города Краснодона во время Великой Отечественной войны. Надо знать, помнить, писать и говорить о том, что именно Молодая гвардия решила исход Куликовской битвы. Дмитрий Донской, будучи мудрым полководцем, оставил в лесной засаде конный полк молодых бойцов («засадный полк») под командованием воеводы Дмитрия Боброка, дав указание вступить в битву, если враг начнет одолевать наши основные силы. Это была Молодая гвардия русского воинства, которую берегли, хотели сохранить для будущих сражений за Русь Святую. Оттуда и поговорка идёт: «Не лезь вперед батьки в пекло». Сражение — это пекло, ад. Те, кто шел в первых рядах, погибали все. Поэтому вперед выставлялись опытные, возрастные воины, отцы, у которых уже народились дети. А молодые бойцы, чаще всего еще не женатые, ставились в последние ряды или держались в засаде. Так и произошло. Когда татары Мамай стали русских теснить к реке, Дмитрий Донской дал отмашку Боброку, и свежая сила, молодое, заждавшееся своего сражения конное воинство, та самая Молодая русская гвардия ринулась в битву и ударила татарам в тыл. Они этого явно не ожидали, их ряды дрогнули и попятнулись. Остановить Молодую гвардию у них уже не было сил, и они побежали. Молодые бойцы в азарте победы их преследовали и добивали.

Так что понятие Молодой гвардии появилось в русской жизни и в русском воинстве много веков назад.

* * *

22 марта в день сорока святых севастиийских мучеников, погибших за Христа, а также в день сожжения Хатыни исламистские террористы устроили бойню в Подмосковье — в красногорском концертном зале «Крокус Сити Холл» (владелец Араз Агаларов), вмещающем до 9 тыс. зрителей. В восемь часов вечера исламистские бандиты ворвались в зал перед началом концерта и начали из автоматического оружия расстреливать людей. Затем произвели несколько взрывов, после чего начался пожар. С места теракта им удалось сбежать, но в Брянской области вблизи границы с Украиной они были схвачены.

Само название «Крокус Сити Холл» у нормальных русских людей должно было бы вызывать отвращение. Хотя подобных названий в наших городах на каждом шагу — десятки, если не сотни тысяч. Привыкли, притерпелись, хотя уже десять лет воюем с врагами, которые нам эти названия внедрились. А ведь Госдумой принят закон «О защите русского языка». Но кто его исполняет?

На вечернее представление рок-группы «Пикник» было продано 6200 билетов. Какие-то зрители приехали с детьми. История эта напомнила «Норд-Ост». Даже по количеству жертв вполне сопоставимо. Теперь погибло около 150 человек и более 600 пострадали. Тогда, при «Норд-Осте», была война в Чечне. Теперь — война на Украине. Исламские террористы, устроившие бойню в «Крокус Сити», не зря ведь мчались в сторону украинской границы. Там их ждали и готовили им восторженную встречу. Не дождались.

На следующий день, 23 марта, в Москве и других городах страны были отменены все массовые развлекательные мероприятия, концерты, спектакли, даже футбольные матчи... Как всегда — ПОСЛЕ того, как произойдет нечто сверхтрагическое. Хотя даже американцы в марте предупреждали нас о готовящихся терактах во время концертов...

По свидетельству очевидцев, на входе в этот огромный концертный комплекс не было ни одного полицейского с табельным оружием. А сотрудники ЧОПа были вооружены дубинками. Их ликвидировали первыми.

Страна третий год ведет войну под названием СВО. Но память о «Норд-Осте» для многих во власти оказалась короткой. Каждый день идет обстрел из американско-французско-чешских артиллерийских установок Белгорода и прилегающих к Украине наших областей. Каждый день гибнут наши мирные люди, не говоря уже о воинах на фронтах. И каждый день по всей стране — эстрадные и рок-концерты в многотысячных зрительных залах... — в надежде на то, что враг не воспользуется возможностью устроить нам кровавый погром. И только после того, как он этот погром устроил, — власти отменили все массовые тусовки, песни-пляски и даже соревнования. Как сказано в набившей оскомину поговорке: «Пока жареный петух не клюнет...» Клынул. И началась массовая запретная суэта. Недели на две. Потом всё начнется заново — в надежде на то, что служба безопасности больше этого не допустит. На третьем году войны.

Но как же этого может не произойти, если страна наводнена миллионами мигрантов, прибывших из Средней Азии, среди которых, можно не сомневаться, тысячи радикальных исламистов, вполне возможно, уже завербованных иностранными спецслужбами или готовых к тому, чтобы быть завербованными? И разве могло СБУ не воспользоваться такой просто в руки идущей возможностью использовать уже практически готовый русофобски настроенный контингент для совершения терактов в России? Она и воспользовалась. И вовсе не напрасно вашингтонский обком сразу обвинил за-

прешенный в России террористический ИГИЛ в кровавой бойне в Красногорске. Действительно, среди прущих к нам среднеазиатских мигрантов наверняка могли быть завербованные исламисты ИГИЛа... (Между прочим, штаб-квартира ИГИЛа находится в Лондоне.)

А ведь патриотическая русская пресса годами предупреждала наши высшие власти об острой опасности заполнения страны среднеазиатской миграцией. Вот только, скорее всего, и нынешний теракт отношение власти к ней не изменит. Более того, даже после трагедии 22 марта в Красногорске Украина всё так же, как и прежде, не будет официально объявлена Кремлем террористическим государством. С Украиной у нас до сих пор не введен визовый режим, и наш МИД не разорвал с ней дипотношения. Не говоря уже об объявлении ей войны. И даже за любые теракты у нас нет смертной казни для кровавых нелюдей. Там, в Кремле, всё никак не избавятся от либеральных игр.

Информация к размышлению. На расстрел людей в зрительном зале, на поджог здания и выезд с места преступления террористы потратили 14 минут. То есть они были уверены в том, что в течение этого времени полиция не появится...

* * *

В своем обращении к народу в связи с терактом в «Крокус Сити» В.В. Путин вновь произнес заезженную властями фразу: «У террористов нет и не может быть национальности». Единственные, кто может с этим согласиться, — только мы, русские. Сами же террористы с этим не согласятся никогда.

Кстати сказать, 23—24 марта — «весёлый праздник» Пурим. Случайно ли то, что убийцы в зрительном зале высматривали для отстрела именно детей?..

Случайно ли то, что 24 марта 1999 года американо-европейская коалиция начала бомбить Белград?..

* * *

«День дурака» — 1 апреля — берет начало с библейских времен и имеет антихристианскую основу. Согласно древнему иудейскому календарю, Христос был распят 30 нисана, т.е., понынешнему, — 30 марта. А воскрес на третий день, который в современном европейском календаре соответствует 1 апреля. Потому-то иудеи две с лишним тысячи лет назад, высмеивая Воскресение Христово, и стали этот день называть «днем дурака» и громко смеяться, подтрунивая друг над другом.

В атеистическом государстве этот «праздник юмора и смеха», естественно, легко прижился и стал чуть ли не «всена-

родным». Но в наше время, во всяком случае для верующих людей, этот иудейский «день дурака» никак не может и не должен отмечаться в качестве «праздника смеха и юмора».

В связи с тем, что римский и греческий календари не соответствовали древнему иудейскому, в дальнейшем, после завоевания и ликвидации Иудеи, день Христова Воскресения стал рассчитываться по первому полнолуннию после дня весеннего равноденствия. Но тот факт, что т.н. «день дурака», как и 2000 лет назад, по-прежнему отмечается именно 1 апреля, говорит о том, что «люди Торы» своим древним традициям не изменяют.

* * *

Много сказано и написано об оккультных и даже сатанинских текстах песен группы «Пикник», представление которой не состоялось 22 марта этого года в «Крокус Сити». Более шести тысяч человек (и среди них — известные люди) пришли послушать эти тексты под шумовым эффектом электрогитар и ударных инструментов.

*Ничего, ничего не бойся.
Ни огня, ни звенящую тень.
Утром кровью своей умойся,
И встряхни расцветающий день.*

Концерт не состоялся. А кровью умылись... И встряхнули следующие дни...

*Поднимите им веки,
Пусть видят они,
Как бывает, когда
Слишком много в крови...*

Всей стране подняли веки. Увидели. Поплакали. А что изменилось? На 27 апреля был назначен новый концерт «Пикника» в Санкт-Петербурге.

*Я иду по дну, Я гоню волну.
Среди тихих камней, да погасших огней.
А это дело по мне, танцевать в глубине...*

Да, они идут по дну. И хотят всех нас опустить на это дно. 22 марта перед нами разразился хохло-игиловский сатанизм в зрительном зале. Но другой «культурный» сатанизм должен был произойти на сцене перед шестью тысячами не-

посвящённых зрителей, жаждущих этого ритуального посвящения.

А вся беда наша заключается в том, что большинство российского населения в духовном смысле малограмотно и серьёз не воспитано. Долгие годы школьного секуляризма (атеизма) сыграли с большинством из нас свою зловещную роль. Вот потому-то с такой легкостью наши бравярующие своим атеизмом люди легко попадаются на удочку льющегося с экранов и всех эстрад т.н. «культурного» оккультизма и сатанизма. И еще долго будут попадаться и при этом считать себя очень продвинутыми в «культурном плане», современными и очень «образованными»...

Тексты песен «Пикника», конечно, жуткие — при всей их махрово бездарной безграмотности: «Не бойся... звенящую тень».

* * *

Третья мировая война уже вовсю идет. Более 60-ти стран Европы, Америки и Азии набросились на Россию. Мы-то думали, что Третья мировая — это обязательно война ядерная. И как бы успокаивали себя тем, что до ядерной войны дело всё же не дойдет. Не сумасшедшие же — лидеры человечества...

Но Третья мировая — вовсю идёт пока еще неядерными средствами. Практически ВСЯ Европа, за исключением трех стран (Сербия, Венгрия, Белоруссия) воюет с Россией. И война эта не холодная, а самая что ни на есть горячая. Помимо Европы с нами воюют США, Канада, Япония, Южная Корея, Австралия, Израиль... Повторяю: более 60-ти стран. Морально на нашей стороне Китай, Иран и Северная Корея.

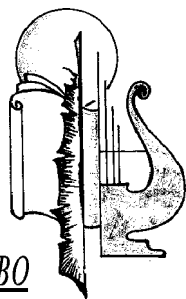
Да, в реальности СВО переросла в настоящую Третью мировую войну. Пока еще боевые действия идут в основном на территории Украины. Но воздушная ее часть уже вовсю затрагивает и нашу территорию — удары с воздуха наносятся по российским областям. Дело идет к тому, что в скором времени мы вынуждены будем бить и по натовским целям в Польше, Чехии, Прибалтике... Третья мировая война, по всей видимости, будет только разрастаться. Да, опять нам придется ставить Европу на ее униженное место. Без этого она уже не уgomонится. История человечества склонна к повторениям. А повторение, как нас учили в школе, — мать учения.

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА

К 95-летию со дня рождения певицы

Шестьдесят лет назад, в далеком 1964 году, после выступления этой красивой русской вокалистки в парижской «Олимпии», одна из ведущих французских газет напишет, что «ее голос — радужная игра бриллиантов». Тогда же всемирно известный мим Марсель Марсо, отмечая необычайную душевность исполнения певицей представленной программы, сравнит ее с Эдит Пиаф. А Генеральный секретарь ЦК Компартии Франции Морис Торез, восхищенный концертом мастеров искусств Советского Союза, на приеме в советском посольстве справедливо отметит: «Вы сломали представления, которые складывались здесь десятилетиями. Вы, певцы и танцоры, показали нового человека новой России — свободного, раскованного, духовно богатого. Это поистине прекрасная работа, это настоящая партийная пропаганда!..»

Людмилу Зыкину на Родине и за рубежом, а она объехала с концертами почти все континенты и побывала в более чем восьмидесяти странах, а в некоторых многократно, называли «королевой русской песни», «мисс Россия», «мисс Волга», «голосом России». Ей

ИСКУССТВО

рукоплескали сотни тысяч благодарных слушателей, среди которых были президенты и премьер-министры, главы парламентов, члены правительств, руководители партий, маршалы и генералы, крупнейшие представители сферы культуры и искусства с мировыми именами. Многие из них с ней долгие годы были в добрых отношениях. Ее не просто любили, ее боготворили. По существу, всем своим обликом, красотой, статью, дородностью, потрясающим голосом певица олицетворяла собой Россию, ее душу, ее характер, ее величие.

Прошло пятнадцать лет как Людмилы Георгиевны не стало. Но такие личности, завершив земной путь, продолжают присутствовать в нашей памяти — памяти миллионов поклонников и почитателей величайшего таланта. Живы и по-прежнему звучат ее песни. А такие, как «Ариозо матери» А. Новикова, «Восемнадцать лет» О. Гришина, «Течет Волга» М. Фрадкина, «Оренбургский платок», «Ивушка», «Снег седины», «Растет в Волгограде березка», «Я лечу над Россией» Г. Пономаренко, «На побывку едет молодой моряк», «Мама, милая мама» А. Аверкина, «Рязанские мадонны» А. Долуханяна, «Ветераны» В. Мурадели, «Лишь ты смогла, моя Россия» С. Туликова, «Говори о России» Ю. Левитина, «Любовь моя — моя Россия» В. Темнова, «Помнят люди» О. Фельцмана, «Поклонимся великим тем годам» А. Пахмутовой, уже давно стали той духовной основой, тем фундаментом, на которых и держится наша Россия, наш многострадальный, но сильный, несломленный, сплоченный народ... И очень хочется верить, что в год 95-летия со дня рождения великой певицы, нашего национального достояния, и сама Россия, которой она до последнего вздоха беззаветно служила, воздаст ее светлому образу должное внимание и почет.

Удивительной всё же она была исполнительницей! И дар ее особый выразительно раскрывать все, что заложено в песне, при внесении своего, зыкинского, воистину был уникальным. А ведь некоторые свои самые известные песни, ассоциирующиеся именно с ней, она исполнила не первой. Ну хотя бы тот же «Оренбургский платок» Григория Пономаренко, превратившийся в ее исполнении в блестящую новеллу о прекрасной русской женщине-матери. Не сразу подобралась Зыкина и к своей «Волге», ставшей коронной в ее творческой биографии. Так случилось, но Марк Фрадкин и Лев Ошанин написали в 1962 году песню «Течет Волга» для панорамного одноименного фильма, где она должна была стать своего рода лейтмотивной, заглавной, и исполнил ее в картине Владимир Трошин. Зыкина же для этого фильма записала

русскую народную песню «Сронила колечко». А песню «Течет Волга» тем временем стали исполнять совсем другие певцы, ансамбли и даже хоры.

«А я всё никак не могла решиться, — вспоминала Людмила Георгиевна, — казалось, нет у меня нужного ровного звучания в низком и высоком регистрах. Смущало меня и то обстоятельство, что песня эта — мужская. Но затем я сделала для себя самой открытие — не так уж это важно...

Шло время. Песня словно магнитом тянула меня к себе, и я находила в ней всё новые грани и достоинства. Наступил какой-то миг, и я почувствовала, что не могу не спеть ее...»

И Зыкина спела — образно, обобщенно, мудро, проникновенно, так, как никто ни до нее, ни после спеть не сумел. Песня «Течет Волга» в ее трактовке давным-давно обрела подлинную народность.

*Издаюла долго
Течет река Волга,
Течет река Волга —
Конца и края нет...*

Сильный, глубокий голос певицы погружает слушателей в панораму волжской природы, помогает воочию лицезреть могучую красоту великой русской реки, ширь необъятных лугов и полей. Как вечное море, дышит синяя река, плавно переливающаяся среди спелых хлебов и снегов. Волга словно оживает, становится ближе, роднее... И тут Зыкина, будто талантливый кинооператор, приближает и укрупняет пейзаж, на котором, наконец, во всей человеческой красе и показывает свою героиню — волевою, целеустремленную, искренне любящую жизнь и родные просторы. Потому, наверное, так мощно и звучат у певицы финальные строки:

*Здесь мой причал и здесь мои друзья,
Всё, без чего на свете жизнь нельзя.*

Сконцентрировано же в них буквально всё — неподдельная любовь к родной земле, гордость за необъятную Россию, вера в ее особую духовную миссию и исключительность, народная мудрость бытия... И всматриваясь сегодня в телевизионные записи этой песни разных лет, наблюдая за грацией певицы, ее чинностью, какой-то даже особой, наполненной житейской мудростью умиротворенностью, потрясающим умением держаться гордо, благородно, величественно, осознаешь, что Зыкина и была для нас лицом и голосом России!

Лицом великой России, на котором всеми красками отображались радость, счастье, горечь, грусть. Лицом, которое не умело кривляться и не вызывало беспричинную жалость, а порождало неизбывное желание им восхищаться... наблюдая в нем ширь и мощь русской земли, русского характера, русской гуманной добродетели, способной творить чудеса...

Людмила Зыкина... Как же щедра и гармонична была природа, наградившая ее редкостной красоты голосом! Низким, глубоким, бархатным, отличавшимся широким диапазоном, мягким и приятным тембром. И пела она им легко, свободно, будто и труда ей пение никакого не составляло. Потому-то родниковую чистоту русской песни она умела не только бережно хранить, но и трогательно донести до каждого слушателя.

Творческую манеру Зыкиной до сих пор нельзя спутать ни с какой другой. Ее пение узнаваемо по одному куплету, по первой строчке. Это ли не качество, присущее лишь уникальным, самобытным явлениям в сфере истинного песенного искусства? Искусства, соприкосновение с которым молниеносно вводит слушателя в сюжетную канву песни. Песни, становящейся в исполнении Зыкиной целой историей, радостной или горестной, но со своим началом, развитием действия и концовкой. Истории, способной перенести слушателя в необозримую даль земли русской...

Помните, как проникновенно звучала в исполнении Зыкиной песня Юрия Левитина на стихи Виктора Бокова «Говори о России», как создавала она обширный российский пейзаж, в котором речная голубая вода «заплескалась в портах». В котором мысленно проносилась вся наша русская глубинная жизнь, в наше непростое время, увы, порядком видоизменившаяся. Посему аж за душу берет, когда слышишь исходящие от самого сердца певицы слова:

*Я Россию люблю самой чистой любовью,
Это — крылья мои, мой порыв и полет!
Мне Россия как мать, у нее в изголовье
Сыновья колыбельную песню поют.*

«Очень дорога мне тема Родины, — признавалась своей многомиллионной аудитории певица. — Хочется отразить ее в репертуаре как можно полнее, рассказать в песне о своей любви к родной земле. Нам, артистам, так понятна тоска по Родине. Ведь часто бывает — уезжаешь в какую-нибудь далекую гастрольную поездку, уезжаешь с радостью: знаешь,

что ждут тебя незнакомые страны, интересные встречи, новые друзья. А недели через две такая тоска нападает на чужбине по красоте своей земли, по своим изумительным людям, самым гостеприимным и чутким. И как бы прекрасно ни принимали там, за рубежом, домой хочется нестерпимо. Хоть беги!»

Личность большого артиста всегда зависит от той среды, в которой он рос и формировался. Для Зыкиной эта константа была определяющей. Потому и могла она собирать в фокус множество образов, тем, направлений. Но все они напрямую были связаны с Россией, русской песней, русским народным искусством. К сему добавим, что певица была не просто дисциплинированным исполнителем, скорее она являлась талантливым режиссером собственных выступлений и концертов, дававшихся ею и на колхозных станах, и в заводских цехах, и в воинских частях, и в самых далеких уголках страны, и, разумеется, в Кремле, где Людмиле Георгиевне рукоплескали самые авторитетные и уважаемые граждане нашего государства.

Прав, тысячу раз был прав замечательный русский советский поэт Виктор Боков, лучшие песни которого стали в исполнении Людмилы Георгиевны нашим народным достоянием, однажды написавший:

«Думаю о Зыкиной. В чем сила ее певческого дара? Зыкина — лирик. А лирика исповедальна. Нигде так ярко не проявилась исповедальность женской натуры, как в лирической народной песне русской. Где человек исповедует, там и грустит. Наши выдающиеся творцы Пушкин, Мусоргский, Шаляпин говорили о том, что исповедальная грусть русских песен — не жалобы расслабленной воли, а утверждение великого характера, духовной молодости народа. <...> Миллионы людей любят Зыкину за величавую лиричность, за певучесть и грусть, за тот душевный росток, который выходит из сердца и питается человеческой искренностью. <...> Главный инструмент певца — голос. Мы не знаем ни одного музыкального инструмента, который мог бы поспорить с красотой и богатством человеческого голоса. Какой голос у Зыкиной? <...> Голос Зыкиной убедителен и в низких нотах, когда спокойно «сидится на грудь», он красив и состоятелен, когда мелодия, подобно жаворонку, взлетает в высоту. Верхние ноты в голосе Зыкиной имеют необычайно легкий полет, они как бы истаивают на лету. Голос Зыкиной создан самой природой для русской песни. Зыкина — это прежде всего русская песня».

Как-то певица постаралась приоткрыть завесу, за которой находились ее сокровенные мысли о России, представляемой ею при исполнении песен:

— В вашем репертуаре много песен о России: «Признание в любви» и «Лишь ты смогла, моя Россия» С. Туликова, «Я лечу над Россией» Г. Пономаренко... Наверное, у каждого из нас свое чувство русского пейзажа, свои любимые его особенности. Когда вы поете в «Родимой сторонке» Туликова о бескрайних просторах, с «их звенящей в полях тишиной», что проходит перед вашим мысленным взором?

— Массивы полей наших хлебных под Орлом (мама моя из тех мест). Удивительные там просторы, леса — огромные, а речка — холодная, почти ледяная. А чаще всего вижу мое родное Подмосковье... Хорошо его знаю. Когда много работаю и начинаю чувствовать, что тупею, устремляюсь в лес. Брожу часами и никого, ничего не замечаю, кроме природы. Или стихи читаю...

— Эта способность — видеть всё, о чем поешь, — была у вас в юности?

— Ну что вы! Помню, когда пришла в хор имени Пятницкого, и понятия об этом не имела. Обертонные-то в голосе были, но думала я тогда лишь о том, чтобы правильно спеть мелодию... А вот потребность свою душу вложить в песню — это пришло гораздо позднее...

«Приобщение к русской песне следует начинать с участия в хоре, — считала Зыкина, — хор — школа познания русской песни и секретов ее исполнения. Именно здесь будущий исполнитель постигает «подходы» к песне, учится отбирать выразительные средства в соответствии с образным строем произведения». Но, добавим, успешно учится лишь в том случае, если в этом завтрашнем исполнителе поет душа, если он ощущает в себе причастность к самим истокам русской народной песни, всего русского народного искусства.

В Зыкиной это ощущение жило всегда. Оно и питало ее творчество. Потому, пожалуй, истинные ценители русской народной песни в советское время считали, что именно Зыкиной многочисленные безымянные российские песельницы передали эстафету, увидев в ней продолжательницу своего народного искусства. И певица, приняв ее, сумела народную песню обогатить, в том числе посредством современных профессиональных подходов и наработок, бережно сохранив при сем чистоту оригинала.

Народных песен в репертуаре артистки было не счесть. И каждую Зыкина пела так, как могла спеть только она, варь-

ируя мелодию, усложняя ее, добиваясь при сем предельной выразительности.

Помните, как наполнила певица особым, светлым лиризмом всем известную песню «Вот мчится тройка удалая»? А ведь наполнила так, что беззащитность героя перед «злыми людьми», разлучившими его с любимой, станет особенно горька. Песню же «Вниз по Волге-реке» Зыкина сумеет спеть как-то по-особому сурово, масштабно, с размахом. А акварельная песня «Утушка луговая» в ее исполнении украсится тонкими, как русское кружево, подголосками. Песня «Степь да степь кругом» в ее исполнении так и вовсе родит ощущение холодной бесконечности равнины и обреченности замерзающего ямщика. А вот песня «Под дугой колокольчик поет» словно бы засветится и зазвенит радостью бытия, русской удалью. Даже известную песню «Матушка, что во поле пыльно» Зыкина станет трактовать по-своему. Она создаст в ней образ девушки с сильным, вольным характером. Посему и верилась, что скорее эта девушка встретит погибель, нежели смирится со своей злой судьбой, как смирилась ее мать.

Исполняла певица, не допуская даже мысли о возможности копирования своих коллег-вокалистов, и перепетую на все лады «Тонкую рябину». При этом, как справедливо подчеркивали музыковеды, она, словно опытный врачеватель, сумеет эту песню отмыть, очистить от пошлого налета, убрать присутствовавшие в ней опостылевшие штампы и привычные интонации. Зыкина придаст «Тонкой рябине» романсовость, смягчит широким распевом, украсит вокализмами, отчего, конечно, песня вновь засверкает всеми гранями.

О народности Зыкиной, о ее особом даровании, накрепко олицетворяемым в нашем сознании с русской народной песней, интересно и содержательно высказывалась известная советская писательница, литературный критик, кандидат искусствоведения Александра Пистунова, более четырех десятилетий назад писавшая:

«Понятие «русская народная певица» долго было лишь этнографическим. Зыкина изменила его. Публицистика и лирика, героика и нежность, старина и современность, патетика и ламентация соединились в ее пении, и оно стало социальным явлением. Слушая Зыкину в большом концертном зале или дома, в четырех стенах, — по телевидению, радио, в магнитофонной записи, ты всегда ощущаешь себя частью какого-то огромного народного целого, знаешь, что в эти минуты твои чувства разделяют все, до кого долетает дивный голос. Повелительно и властно распоряжается он твоим на-

строением. Но ощущение общности, совместности переживания меняет оттенки печали, заставляет яростно сверкать краски веселья и надежды. Зыкина поет для тебя. Зыкина поет для всех. Трудно определить это пение — утонченность и изысканность камерных или оперных певиц живут в нем рядом с легендарной «неумелостью» сказительниц, здесь симбиоз маршевой жизнерадостности и глубинной печали, монументализма, который может, кажется, осуществить целый хор с эскизностью и легким касанием, которые дарит голос, звучащий за стеною или за окном, в темных засыпающих улицах. <...> Пение Зыкиной имеет, мне думается, нравственное влияние на наши души. Слушая ее, хочется быть лучше, жить ярче, дарить людям добро. Хочется многое сделать. Искусство ее возбуждает наше достоинство».

Да, и по прошествии многих лет, в совершенно иных общественно-политических реалиях, в заскорузлой нашей действительности, в которой подлинное искусство и культура переживают далеко не лучшие времена, тем не менее, слушая пение Зыкиной, действительно ощущается потребность быть добрее, лучше, совестливее, человечнее. Хочется совершать добрые поступки, кому-то помогать, тем самым делая нашу жизнь краше, осмысленнее, гуманнее, содержательнее...

Думала ли она, девчонка с окраины Москвы, носившая значок ГТО, игравшая в футбол и волейбол, катавшаяся на велосипеде, мечтавшая стать летчицей и совершать подвиги, как М. Раскова, В. Гризодубова, П. Осипенко, пережившая «бессонные дежурства на крышах домов, вместе со взрослыми... тушившая немецкие зажигалки», прошедшая в годы войны рабочую закалку на Московском станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе и в пошивочной мастерской в качестве токаря и швеи, что станет всемирно известной певицей и любимицей огромной страны? Прямого ответа на данный вопрос в воспоминаниях Людмилы Георгиевны не прослеживается, не найдем мы его и в серьезных публикациях, посвященных творчеству вокалистки. Однако, как сама она говорила, «пела я, сколько себя помню, всегда. Первое мое «публичное» выступление, если не ошибаюсь, было еще в третьем классе. В Доме пионеров ставили спектакль — «костюмный», из старой, чуть ли не купеческой жизни. По ходу спектакля звучал романс, но исполнительница заболела. Кто-то вспомнил: Зыкина его поёт. Разыскали меня, уговорили. Так я спела — и не что-нибудь, а «Белой акации грозди душистые».

Вообще-то о самой себе, о детстве, юности, первых шагах на пути к вершинам профессионального мастерства,

певица рассказывала не только в многочисленных интервью, но и со страниц написанных ею книг. Еще в 1975 году в издательстве «Советская Россия» вышло ее глубоко личное повествование под названием «Песня». Затем, в 80-е, два издания выдержит книга «На перекрестках встреч». В 1998 году увидит свет полная больших раздумий лирическая исповедь «Течет моя Волга». В конце жизненного пути появится книга «Я люблю Вас». Все эти четыре книги наполнены искренними переживаниями, глубокими размышлениями, портретами видных мастеров культуры и искусства, с которыми Людмилу Георгиевну по жизни многое связывало; в них отчетливо прослеживаются многолетние духовные и творческие искания певицы. По сути, в них она предстанет во всей своей широкой личной ипостаси. Ипостаси великого творца и вполне земного человека, жившего обыденными людскими стремлениями и интересами, ощущавшего потребность любить, заботиться о близких, окружать их вниманием, одаривать добром...

Совсем не случайно отвожу вопросу о печатном наследии Зыкиной столь пристальное внимание. Как при жизни, так и после ухода из нее, о певице многое писалось, пишется и сейчас. Были, конечно, вдумчивые статьи и исследования, посвященные ее творчеству, общественной работе, гражданской позиции. Но сколько, особенно с развалом Советского Союза, писалось о Зыкиной всяческих небылиц, домыслов, откровенной лжи, порой напрямую задевавших ее честь и достоинство. И мусор этот до сих пор гуляет на широких просторах, и прежде всего в интернете, разжигая у поверхностных читателей вместо заинтересованного, серьезного подхода к личности певицы, примитивное, неглубокое любопытство.

Казалось бы, стоит ли об этом говорить, ведь рядом с любовью незаурядной личностью обязательно присутствуют зависть, наветы, подлость, и ничего нового в этом нет? Ответ однозначен — стоит! И в первую очередь потому, что, несмотря на то, каким в действительности человеком она была, что ее волновало, радовало, с чем она не могла мириться, во имя чего возвышала свой голос, причем не только посредством песни, подробно рассказано ею самую и теми, кто ее знал и с ней работал, — даже после смерти певицы, продолжается оголтелая кампания по сведению ее образа до бытовых, не имеющих никакого отношения к уникальному творчеству артистки подробностей. Опять настойчиво пытаются «поведать» о личной жизни всенародно любимой певицы, о ее му-

жьях, о «походах в баню» вместе с Екатериной Фурцевой, о драгоценностях, «ослепляющих блеском бриллиантов».

Всё это низко, пошло, примитивно, убого. Хотя удивляться тут нечему. Тем, кто снимает «скороспелые» фильмы и сериалы, издает коммерческую печатную, «отдающую желтизной» продукцию, публикует статьи в откровенно либеральных и «желтых» СМИ, обязательно необходим какой-нибудь негатив, а еще лучше — сенсация. На этом можно заработать. И масштаб личности, о которой они беззастенчиво и нагло лгут, их совершенно не интересует. Между тем, искателям сенсаций Людмила Георгиевна не раз заявляла о том, ради и во имя чего она долгие годы творила. Материальные блага, денежные сбережения, слава, почести ее совершенно не волновали. Она жила в другом измерении. Главным в ее жизни было творчество.

Справедливости ради следует сказать и о сопутствовавшей ей славе. Она действительно была ошеломляющей. Имела певица и официальное признание. Помимо высокого звания Героя Социалистического Труда, статуса лауреата Ленинской премии и Государственной премии РСФСР им. М.И. Глинки, Людмила Георгиевна была кавалером двух орденов Ленина, орденов «Знак Почета», Святого апостола Андрея Первозванного, «За заслуги перед Отечеством» I — III степеней. Была удостоена она и государственных наград Франции, ГДР, Социалистической Республики Вьетнам, Казахстана. Народная артистка СССР, Людмила Зыкина в разные годы удостоивалась также званий заслуженной артистки Бурятской АССР, заслуженной артистки РСФСР, народной артистки РСФСР, народной артистки Азербайджанской ССР, народной артистки Удмуртской АССР, народной артистки Узбекской ССР, народной артистки Республики Марий Эл. Имела певица и десятки общественных званий и наград, среди которых награды Советского фонда мира, которому Людмила Георгиевна не единожды перечисляла гонорары за свои выступления. Пожалуй, такого количества высоких наград и почетных званий не было ни у одного из артистов как советского, так и постсоветского времени.

В этой связи немаловажно отметить и тот факт, что Зыкина была среди тех советских деятелей культуры, кто с развалом Советского Союза не прятал своих советских государственных наград, не умалчивал их значимости. Она часто носила звезду Героя, золотой знак лауреата Ленинской премии. На ее концертах упоминание об этих высочайших знаках отличия советского государства было обязательным. Певица действительно гордилась своим прошлым и ни от

чего, связанного с ним, никогда не отказывалась. Да и как могло быть по-другому, если лучшие в профессиональном плане годы пришлось на советскую эпоху, при которой, собственно, необъятная страна, да и мировое сообщество, узнали ее как выдающуюся русскую певицу.

О творчестве же, о русской песне, о народном фольклоре, о достоинствах и недостатках тех или иных музыкальных произведений, о необходимости профессиональной подготовки исполнителей, о деятельности музыкальных образовательных учреждений (сама певица окончила Московское музыкальное училище имени М. Ипполитова-Иванова и Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных), о защите национального искусства, о задачах по его пропаганде Людмила Георгиевна могла говорить часами. Это была ее стихия.

На всём творческом пути вокалистку сопровождали далеко не праздные вопросы. Великую певицу чрезвычайно беспокоила судьба русской песни. Уже в семидесятых годах прошлого столетия, на пике своей славы, будучи народной артисткой СССР и удостоившись Ленинской премии, певица стала высказываться в защиту русской народной песни. Она страстно выступала за сохранение ее глубинных истоков. «Русская народная песня жива и не нуждается в насильственном обновлении», — говорила Зыкина многочисленным интерпретаторам великого русского песенного наследия. «Совершенно недопустимо, когда песни, к окончательному «оформлению» которых причастны десятки, а то и сотни безымянных умельцев из народа, становятся объектом расправы певцов-недоучек и незрелых ремесленников от музыки!», — еще более жестко доводила она свою позицию, не стесняясь быть непонятой среди коллег-артистов. При этом Людмила Георгиевна прекрасно осознавала, что «русская песня не есть что-то застывшее и неизменное. Жизнь не стоит на месте. Она требует новых интонаций». Потому-то и старалась певица поддерживать советских композиторов, писавших песни «на народной основе», включая их в свой репертуар. «Но не под стеклянным колпаком мы живем, — подчеркивала певица. — Как ни милы нам старинные песни, донесшие до нас историю, быт, мысли русских людей, не можем мы жить только отблеском прошлого, волнует нас настоящее, то, чем сейчас дышим, о чем думаем, мечтаем».

К современной тематике Зыкина при этом подходила вдумчиво, отвергая вещи, казавшиеся ей неглубокими. «Прежде всего новые песни должны отвечать сегодняшнему дню, — настаивала певица. — Они могут быть самые разнообразные —

и героические, и лирические, и шуточные, но тексты их, и мелодии должны быть решены в народном ключе. Сейчас особенно большое внимание уделяю текстам. Если хоть одна строчка стихов хороша, говорит сердцу, работаю с поэтом, добиваюсь того, чего мне бы хотелось от песни. С удовольствием пою лирические, но «без слезы». Хочу, чтобы любовь была прекрасной, женщина — моя героиня — сильной, стойкой, с добрым, но решительным и ярким характером. Чтоб любовь не угнетала ее, а обогащала, независимо от того, счастливая эта любовь или несчастная...»

Будучи мастером взыскательным и требовательным, и в первую очередь к самой себе, Зыкина критично относилась и к самой профессии исполнителя. «Честно говоря, — говорила Людмила Георгиевна, — я больше люблю слушать критические замечания в свой адрес, чем просто приятные слова. Даже если замечания эти не во всем правильны, никогда не возражаю сразу, а стараюсь проанализировать их, проверить и учесть потом в работе...»

Не переносила Зыкина и фальши, не мирилась с поверхностным, легкомысленным, некачественным донесением музыкальных произведений до слушателя. «Как велика в этой связи воспитательная, я бы сказала, роль наших признанных вокалистов — Архиповой, Огнивцева, Образцовой, Эйзена, Синявской, Козловского и других, вкладывающих в исполнение и народной и советской песни высокий академический профессионализм, который призван предотвратить девальвацию критериев мастерства, венчающего многолетние и многотрудные усилия актера-певца», — писала Людмила Георгиевна в своей первой книге «Песня».

Она понимала и высоко ценила творчество подлинных профессионалов, тех, кто, как и вышеназванные народные артисты СССР, действительно составляли цвет советского песенного искусства. С ними она могла говорить на одном языке. Уровень их подготовки, высочайшая работоспособность, дисциплина, организованность, строгое следование канонам певческого мастерства, разительно отличают этих выдающихся певцов от их сегодняшних продолжателей. Да и, откровенно говоря, массовый слушатель не знает в наше время имен оперных и камерных певцов, исполнителей народной песни. Может быть, за редким исключением, и назовут некоторые фамилии наиболее успешных артистов, да и то тех, кого приглашают на сборные официальные концерты и иногда показывают по телевидению. Практически отсутствует профессиональная пропаганда исполнительского искусства, формировавшая у слушателя понимание, глубокое

восприятие песенного творчества, а также и отдельных музыкальных произведений. Песня, в классическом ее восприятии, всё дальше отдалается от народных масс и становится доступной лишь определенной части отечественной интеллигенции.

Имела свою четкую позицию Людмила Георгиевна и по вопросу о разнообразии песенного жанра, эстрадного исполнения песни. Настойчиво ратовавшая за возрождение лучших традиций исполнения русской песни, за поддержку хорового творчества, за более широкую организацию практической помощи профессиональным коллективам оркестров и хоров, за качественное улучшение музыкального воспитания населения, артистка предельно критично относилась к персональному составу эстрадных исполнителей и к засилью на эстраде страны «суррогата», безнравственности, бездуховности, пошлости и других негативных явлений. Причем свое критичное отношение к эстраде она высказывала как в советское время, по сути, предупреждая общество о том, во что может превратиться эстрадное направление, если не остановить в его среде повальное увлечение западной поп-культурой, так и в условиях современной России.

Думается, уместно привести и ряд высказываний самой Зыкиной, появившихся в ряде печатных изданий на рубеже конца 90-х — середины 2000-х годов. Эти красноречивые мысли певицы, ярко раскрывающие ее профессиональную и гражданскую позицию, были приведены в книге многолетнего пресс-секретаря артистки Юрия Беспалова «Людмила Зыкина. На перекрестке наших встреч».

«...К сожалению, основная музыкально-песенная продукция для народа просто удручает. Песенные тексты и стихами трудно назвать — «ты на меня посмотри, ты меня обними» и т.д. А в чем на сцену выходят эти так называемые «фабричные звезды»? <...> Сценический костюм и облик певицы должны соответствовать создаваемому песенному образу, а не диктоваться извращенными вкусами музыкальных редакторов на телевидении. <...> Артист сегодня оказался один на один с пресловутым «рынком». Зачем тогда у нас Министерство культуры?» (журнал «Александр и К⁰», 2006).

«Народная песня новых русских не волнует. Когда мне сказали, что участие в «Песне года» стоит десятки миллионов рублей, я отказалась. Не могу такие деньги платить. Припомните, кого из великих артистов вы в телевизоре видели? Мы почти не слышим симфоническую музыку. Опера? Невозможно. Народная песня? А кому она нужна? Грубость

и пошлость выдаются за смелость и новаторство. Шпана правит бал» (газета «Известия», 1997).

«Нынешним эстрадным поколением, к сожалению, я не очень довольна. Раньше можно было различить исполнительей по голосам. Сразу ясно, что поет Русланова, Стрельченко или Шульженко. Сегодня все поют одинаково. Все в одном темпе, музыкальное сопровождение почти одинаково у всех. Больно, досадно. И самое главное — очень мало хороших голосов. Вероятно, это оттого, что сейчас всё продается. Если ранее ТВ и радио были государственные, то сейчас они «на прокате». Кто больше даст денег, тот и будет на экране...» (газета «Вечерний Челябинск», 2000).

К большому сожалению, не согласиться с великой певицей и гражданином нельзя. Не в бровь, а в глаз была Людмила Георгиевна. Тем паче, что прекрасно понятно и нам, по сути, простым обывателям: она давала эти оценки как профессионал высочайшего класса, как мастер, как страстная защитница русской советской культуры и духовности.

Незабываемо и то суровое, судьбоносное время, когда Зыкина в июле 1991 года вместе с лучшими сынами и дочерьми России — Юрием Бондаревым, Александром Прохановым, Валентином Распутиным, Вячеславом Клыковым, Валентином Варенниковым, Василием Стародубцевым и другими подписала совместное обращение «Слово к народу», опубликованное в газете «Советская Россия». Значение этого исторического воззвания трудно переоценить. Не забыли, не простили его подписантам и враги России, вся та злобствующая либерально-русофобская шушера, которая и сегодня пытается поднимать голову.

Людмила Георгиевна никогда не скрывала своих взглядов. Да, певица не состояла в рядах КПСС, но она, при этом, была предельно советской артисткой, свободным творцом великой и миролюбивой державы. Зыкина никогда не перекрашивалась и не «хаяла» недавнее советское прошлое. Она умела гордо нести высокое звание советского человека и за рубежами огромной страны. Там, на лучших мировых сценах, в ее лице рукоплескали всему советскому искусству. И Зыкина это прекрасно понимала.

В интересах дела, с целью поддержки своего любимого дитя — Государственного академического русского народного ансамбля «Россия», которому она отдала тридцать два последних года жизни, Зыкина, в новых рыночных условиях всегда умела находить точки соприкосновения с действующей властью. Народная артистка неоднократно встречалась с президентами и премьер-министрами, другими крупными

государственными руководителями России. Они ее поздравляли, награждали, отзывались о ней всегда с уважением, дарили цветы и подарки. Но Людмила Георгиевна перед ними не заискивала. Будучи человеком высокой внутренней культуры, такта, не лишенным дипломатического чутья, певица всегда соблюдала необходимую дистанцию в общении, тем самым давая им понять, что служила она не отдельным личностям, а горячо любимой России. Так, кстати, выстраивать свои взаимоотношения с властью мог далеко не каждый отечественный деятель искусства и культуры.

Те, кто хорошо знал Людмилу Георгиевну, отмечали, что ей были присущи такие качества, как искренность, совесть, добропорядочность, взвешенность суждений, и в то же время эмоциональность, решительность, способность быть твердой, последовательной и непримиримой в отстаивании собственных взглядов и позиций. Умела она и по-настоящему дружить. Безмерно любила и гордилась Зыкина дружбой с Юрием Гагариным, другими космонавтами первого призыва, всегда тяжело переживала их уходы из жизни.

«Судьба твоя — Россия, над речкою ветла... Смоленская дорога, что к звездам привела...», — помните, как трогательно, с неизбывной грустью, сдерживая готовые пролиться слезы, исполняла Людмила Георгиевна известную песню Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Смоленская дорога» из цикла «Созвездие Гагарина»? В ее пении звучала скорбь о великом человеке, о настоящем друге... И в тот же час певица представала в образе эпической матери-земли русской, потерявшей самого любимого сына. Пронзительная зыкинская искренность потрясает, слушать этот шедевр без слёз просто невозможно...

Любила певица и своих авторов — поэтов и композиторов Виктора Бокова, Григория Пономаренко, Александра Аверкина, Виктора Темнова, Александру Пахмутову. Но близких друзей у нее было, тем не менее, немного. Странно, однако, до сих пор наблюдать, когда в передачах на телевидении в качестве ее друзей представляют людей ей малознакомых. Увы, сама артистка ответить на примеры такой бестактности никогда уже не сможет...

Многое следовало бы рассказать о великой певице. Личностью она, вне всякого сомнения, была уникальной и многогранной. В жизни ее, о чем она не раз высказывалась в том числе и на страницах своих книг, случались интереснейшие события, встречи, эпизоды, незабываемые и волнующие моменты. Но главным и определяющим для нас навсегда останутся ее искренняя и волнующая любовь к России и русской

песне. Нашей Отчизне крупно повезло, что у нее и у нас была Людмила Зыкина. И голос ее чарующий, уверен, будет звучать вечно.

Что ж, может быть, в дни этого юбилея, населению что-нибудь правдивое о Зыкиной и покажут. По логике вещей власти не должны забывать это имя. Но объективности ради, на многое рассчитывать не приходится. Может, выйдет пару передач по каналу «Культура» и некоторым другим всероссийским телевизионным каналам. Наверное, родной для Людмилы Георгиевны ансамбль «Россия», носящий ныне имя певицы, выступит с серией концертов. Возможно, пройдут и другие мероприятия. Достаточно ли этого, не будут ли данные начиная носить единовременный характер? Убежден, что нет, недостаточно, это не та в полной мере заслуженная артисткой отдача. Людмила Зыкина давно заслужила того, чтобы в ее родной Москве ей установили величественный памятник. Появится ли он? Жизнь покажет, будем верить...

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».